

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

3. 2026

Юбилейный вечер, посвященный 85-летию народного поэта КБР и КЧР Ахмата Созаева. Поздравить мастера слова пришли члены Правительства и Парламента КБР, представители местных администраций республики, а также представители различных общественных организаций, деятели культуры и искусства.

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакуашева
Пётр Хатуев (отв. сек.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Николай Маслов
Хаути Сохроков
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Наталья Шинкарева
Сафарби Шхагапсоев

3. 2026 МАЙ–ИЮНЬ

АХМАТУ СОЗАЕВУ – 85

Народному поэту КБР и КЧР Ахмату Султановичу Созаеву исполнилось 85 лет. Заслуженный работник культуры КБР, лауреат премии Ленинского комсомола КБАССР за заслуги в литературном творчестве награждён медалями «За трудовое отличие», ВДНХ, знаком «Отличник телевидения и радио СССР». В 1974 г. поэт был принят в Союз писателей СССР.

«В балкарской поэзии, давно пользующейся добрым отношением читателей республики, а ныне уже завоевавшей известность в стране, работают талантливые и даровитые молодые поэты, которые стремятся сказать свое слово, не похожее на других, двигаться дальше, не повторяя старших. Это, разумеется, дело трудное, но все же кое-кому из них оно оказалось по плечу. Ахмат Созаев служил в Советской Армии, окончил филологический факультет университета. Знания, как говорится, не помеха дарованию. Ахмат – автор двух книжек стихов, часто печатается в балкарской периодике. А главное – он талантлив, что, несомненно, остается важнейшим качеством всякого художника. О стихах Созаева, как мне думается, теперь уже можно говорить всерьез. Он с каждым годом становится самостоятельнее. А это, как известно, является важнейшим делом в творчестве. Стихи Ахмата не крикливы, а темпераментны, содержательны, образны, пластичны, современны не по внешним признакам, как бывает нередко, а по сути, по чувству времени и ответственности. У него хорошая школа, идущая от нашего общего учителя Кязима, от его реалистического стиля, от его содержательности и глубины. Ахмат Созаев, как и некоторые из наших молодых поэтов, умеет использовать достижения родной поэзии, учиться на них, в то же время стремясь к самостоятельности. Его вещи дышат живой жизнью. У моих земляков – чегемских крестьян, есть поговорка: «Того, кто может убить волка – видно по шапке». Созаев может. Это видно по его стихам. На наших глазах растет еще один талантливый балкарский поэт. Мне, как и полагается старшему собрату, только остается пожелать ему большого пути в поэзии.

Стихи молодого балкарца впервые переводятся на русский язык. Это для него – событие, которое обязывает и кладет на его плечи груз серьезной ответственности. Излишне говорить о том, что русский язык – это язык величайшей поэзии. Я не сомневаюсь в том, что Ахмат Созаев хорошо это понимает».

Кайсын Кулиев,
«Литературная Россия»,
3 ноября 1972 г.

Ахмату Созаеву

Так от майского цвета светло,
Что равнина лучами промыта,
И Эльбруса седое седло
Ждет невиданного джигита.

Так пробившая камень вода
Преуспела в пастушьих замашках,
Что стремительно гонит стада
Бесконечных и резвых барашков.

Так надежней гранитных основ
Прочно держат земли своей славу.
Руки пахарей и чабанов, —
Что, как скалы, тверды и шершавы.

Так ревет водопада струя,
Осененная гривою львиной,
Что рождается песня твоя,
Как ветра, родники и лавины.

Вдохновенно шепчи, кипятись,
Чтобы порой прорваться сквозною
Сквозь ночное неистовство птиц,
Сквозь дневное неистовство зноя —

К тем верхам, что в броне белизны,
Точно витязи, неуязвимы,
Где стучит, словно молот Кязима,
Сердце горной твоей стороны.

Москва, 1973

ВИЖУ СОЛНЦЕ

Ахмат Султанович Созаев родился 21 января 1941 г. в селении Белая Речка Хуламо-Безенгиевского района КБАССР, окончил филфак Кабардино-Балкарского госуниверситета в 1969 году; работал в республиканских СМИ; многие годы был главным редактором вещания на балкарском языке Гостелерадио, директором Республиканского книжного издательства «Эльбрус», председателем Союза писателей КБР; он – заслуженный работник культуры КБР, лауреат Республиканской премии в области литературы, имеет правительственные награды.

Начал писать и печататься со студенческих лет. Первая книга «Кюнню кереме» («Вижу солнце») опубликована в 1968 году. Стихи и поэмы А. Созаева печатались в журналах «Юность», «Дон», «Дружба народов», «Сельская молодежь»; в газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Московский комсомолец»; альманахах «Поэзия», «Музыка» и др., а также в местной периодике; коллективных сборниках и альманахах. Произведения поэта переведены на многие языки народов России и стран СНГ. В 1985 году в Москве вышла книга на русском языке «Летающие окна», завоевавшая признание у читателей и критики. О творчестве А. Созаева писали К. Кулиев, З. Тхагазитов, А. Теппеев, Л. Озеров, Т. Биттирова, Ф. Узденова.

Творчество Ахмата Созаева, являясь ярким образцом поэзии поколения, приход которого в литературу совпал с возвращением балкарского народа из тринадцатилетнего изгнания, имеет свои неповторимые черты.

Первая книга стихов Ахмата Созаева «Вижу солнце» – свидетельство того, что поэзия была для него состоянием души. А почитатели балкарской поэзии смогли убедиться: в родную словесность пришел мастер. В этой небольшой книжке стихов было столько светлых чувств и ясных мыслей, что читатель готов был простить автору и некоторую неточность выражений, и безоглядную искренность.

Вслед за этим сборником стихов вышла из печати вторая книга Ахмата – «Кюн ауанала» («Солнечные тени», 1972), но при знакомстве с ней невольно возникает мысль, что ей подошло бы другое название. К примеру, «Напевы дождя», настолько силен в ней голос дождя. Конечно, с данным утверждением могут поспорить те, кто не читал эту книгу, – как можно посвятить напевам дождя самостоятельную книгу стихов. Дожди в этической системе поэта имеют сложный сакральный смысл. Лирический герой поклоняется им, как магической силе. Дожди у А. Созаева многоликие, многокрасочные. Они сопровождают лирическо-

го героя повсюду: в горах, по дороге на работу, в праздники и будни. Каждый дождь имеет свои повадки, свой характер и свое настроение. Мелкий дождь как бы замедляет ритм городской суеты, мощный ливень ускоряет события. Есть светлые дожди, есть грустные дожди, есть скучные дожди. После дождя и солнце «умыто и весело освещает мир». Дождь уносит с собой все печали, и поэтому герой А. Созаева ожидает дождь с нетерпением, потому он любит тревожный ветер перед ливнем, громыхание неба и сверканье молнии.

В балкарской поэзии каждый поэт по-своему ищет примеры единства человека с природой, по-своему их видит. Через это видение приходит и восприятие лирическим героем окружающего мира. В цикле стихов «Мысли, омытые дождем» поэт восклицает с особым чувством: «Дожди – мои голубые сны».

«Дождь босиком мчится по белым цветам.

Легкий платок из марева остался у меня в руках»,

«Утренний дождь отмывает большой двор.

Стучится в окно, слизывая пылинки»,

Дождь ранним утром опрокинул тяжелое небо на землю...»

(Подстр. перев.)

«Лицо» стихии передается в этом поэтическом сборнике через порывы чувств молодого человека, влюбленного в прекрасную девушку. Счастье и тревога одолевают его одновременно. Лирический герой спорит с дождем, мчится с ним наперегонки, сливается с ним. Случается и так, что влюбленный осуждает девушку, которая, испугавшись ливня, не пришла на свидание:

...Я возвращаюсь, прорываясь сквозь толщу дождя.

Как же ты будешь при безжалостном снеге?

(Подстр. перев.)

Порой дождь приносит с собой воспоминания детства, когда будущий герой на коне из кизилового прутика босиком мчался под теплым дождем. Он с любовью смотрит на мальчика из прошлого: «Я слышу, как он смеется, протягивая ладони к небу». Рисуя в своем воображении такие светлые картины, поэт говорит: «от радости плачет небо» и благодарит дождь за встречу с детством:

Дождь ли это,

Песня ли это,

На зеленой поляне льется что-то.

Туман ли это,

Урек ли это, –

Покрывает зеленую поляну.

(Подстр. перев.)

Эти шесть строчек напеты дождем, они готовы стать грустной песней лирического героя. А в стихах А. Созаева постоянно слышны ее

ноты – «Теплый дождь медленно удаляется. Радуга улыбается горам». «Тучи накрыли небо, они вскипают, обнимаются, мчатся как черные воины...» Но через мгновение «молния мчится драконом, прорезая небо. Он поджигает черную бурку и рвет ее на части!»

На фоне дождя рождаются у лирического героя книги большое чувство. Стихи о любви – это постоянная тема творчества всех балкарских поэтов, и сказать новое слово в лирической поэзии очень непросто. Но А. Созаев сумел найти свои слова для раскрытия этого вечного и всегда неповторимого чувства. Чувства лирического героя чисты как воды горной речки. Он готов окружить любимую заботой и теплом. Хотя поэт обозначает основными качествами горца доброту и человечность, любовь не уходит в тень этих чувств...

Третья книга А. Созаева называется «Кырдык ауазла» («Голоса трав», 1972). И здесь поэт старается идти вслед объявленной в названии теме. В этом сборнике стихов поэта слышим и радость, и печаль героя. И, прежде всего, мы убеждаемся в том, что мастерство поэта в сравнении с первыми книгами значительно возросло. Если в первой книге поэт «видел солнце», а во второй – и солнце, и тени, и поражался такому сосуществованию (сосуществованию добра и зла), то через десять лет в «Голосах трав» он не только видит, но и слышит голос всего сущего. Весь сборник стихов пронизан пафосом любви, и она глубока и сильна. В «Стихах, сказанных шепотом» поэт восклицает: «Как тебя украшают освещенные луной волосы!» И это не просто метафора: лунная ночь – поэтический ключ книги.

«Голоса трав» – книга чувств, в ней лирический герой глубоко проникается сущностью любимой женщины. Чувства к любимой порождают понимание и сострадание к женщине. Он считает женщину основой жизни, ее началом и продолжением. Оттого поэт и видит в ней черты вечности. Любовь – это счастье, самое светлое чувство в жизни, крылья мужчины – этими мыслями проникнута вся книга. Но неизменный спутник любви – грусть. Вот почему мы верим сотворенным поэтом образам женщин, которые делятся с нами не только своей радостью и уверенностью, но и печалью, сомнениями. Поэт находит много самобытных женских образов. И каждая имеет свой неповторимый облик:

Цветы твоих глаз

Плачут...

Плачут

И отцветают

Твои глаза.

(Подстр. перев.)

Лирические произведения А. Созаева глубоки по содержанию, сильны чувством. Поэтому неуловимые чувства под пером поэта обретают жизнь и силу. Любимая женщина лирического героя всегда права, если взять восточную традицию, она всегда на недостижимой высоте. Это

утверждение – в основе лирики А. Созаева. Являясь лирической доминантой всей восточной поэзии, оно определяет нравственную позицию художника. Но способы реализации этого положения отличают балкарскую поэзию от традиционной восточной поэзии.

Стихи А. Созаева написаны спокойным тоном. В частности, в книге «Руки» преодолена тревога за любовь, которая являлась всепоглощающим чувством в первых книгах. Наблюдается интересная закономерность творчества поэта – тема, которая зародилась в предыдущем сборнике стихов, становится ведущей в следующем. Этим объясняется и содержание книги стихов «Руки»: лирические раздумья о времени, о родной земле, о счастье и страданиях, о твердости и мужестве, о слабости и трусости.

Самые проникновенные строки в этой книге посвящены матери. В раскрытии этой темы особое место занимает стихотворение «Позовите мою маму!» Так восклицает в бреду девочка, потерявшая мать. И в этот призыв поэт как будто вкладывает все печали мира, всю тоску осиротевшей души. Кто-то из мудрых сказал, что горе выглядит некрасиво. Конечно, красота и страдание несовместимы, и задача настоящего художника показать это несовершенство.

Стихи Ахмата Созаева всегда находят понимание у читателя, ибо его поэзия открыта для общения. Многие его произведения стали народными песнями, получившими широкое признание.

Небольшая книга стихов «Акь суу» («Белая речка», 1983) является вехой на пути идейно-художественных исканий поэта. Если первые книги А. Созаева – это живое, эмоциональное восприятие окружающего мира, непосредственность чувств, буйство красок, то в 80-е годы в творчестве поэта наступает период глубокого проникновения в действительность и ее философского осмысления.

Ахмат Созаев – поэт «прозрачной» лирики, светлого мироощущения. Это основное качество сохраняется и в его зрелой поэзии. Так совпало в личной и творческой судьбе поэта, что чувство взросления к нему пришло с чувством безысходности после потери близких – отца, матери. Покидая уютный мир детства и счастливой юности, поэт берет с собой краски и звуки этого мира и, обращаясь к детству, связывает с ним свои самые сокровенные желания:

Детство мое, приди и забери меня...

С тобой я преодолею тяжкие дни...

Я встречу там и отца, и мать

(Подстр. перев.)

Об отце напоминают тропинки, по которым он ходил, поляны, где он косил траву. Поэтическое воображение А. Созаева соединяет отца с деревом, напоминающим ему ось жизни:

Меня провожают

Деревья моего отца.

*Трижды наклоняют ко мне
Свои ветки.
И я обнимаю их трижды,
Как будто обнимаю отца...
(Подстр. перев.)*

Вместе с осознанием непреложности объективного движения жизни приходит уверенность в завтрашнем дне, который обязательно наступит и непременно принесет счастье:

*Ты танцуешь, устроив мне праздник.
Руки твои летают, ты вся сияешь.
Я понял, глядя на тебя:
Ты танцуешь, и мрак уходит
(Подстр. перев.)*

Настоящая поэзия – это новая жизнь вечных тем со своими красками, музыкой, откровением. Рождение, любовь и смерть человека – три вечных темы литературы. Из трех ипостасей А. Созаев чаще всего останавливает свой выбор на теме любви. Любовь в поэзии А. Созаева – это счастливая судьба лирического героя. Самые прекрасные и озаренные светлыми чувствами строки его любовной лирики посвящены жене, его музе. Об этом и стихотворение «Бирге кетюре жашауну» («Вместе идем по жизни»). В лирике поэта, посвященной любимой женщине, нет ни сентиментальности, ни самодовольства, ни ложной застенчивости – есть чистое, светлое чувство, оно озаряет каждый день поэта, каждый его шаг. Здесь и возвышенные чувства, и тепло родного очага, и тревога за любимую, и надежда.

Следующая книга «Акъ-суу» – гимн родной земле. Как ни парадоксально, здесь нет описания ее красот, нет горных пейзажей, но есть ощущение мифологического порядка – единство природы и человека, их живая взаимосвязь. И шире – единство духовного и материального мира. В этом отношении стихотворение «Жюрекни булбулу» («Соловей сердца»), смысловой перевод – «Музыка души» – является программным. Это небольшое произведение – поэтический трактат о добре и зле. Поэт заявляет: человек рождается с музыкой в душе. В доброй она радует окружающих, злая душа тесна для соловья, и он погибает. По представлению автора, музыка доброго сердца после смерти человека взлетает в небеса, возвращаясь оттуда к людям. Эта музыка вечная:

*Сердца добрых –
Просторные, добрые, чистые.
Соловьи поют в таких сердцах,
С песней летают в веках,
И после смерти людей...
С дерева на дерево сердца перелетая,
Переходят из поколения в поколение...
(Подстр. перев.)*

В плане совершенствования мастерства А. Созаева представляет интерес сборник стихов «Эрттенлик ачама» («Открываю утро», 1991), в котором преобладает философская лирика. Он вступает в поэтическое соревнование со своими предшественниками, эпатируя названиями, созвучными со стихами Кайсына Кулиева, – «Хлеб и роза», «Лист и камень...». Мы становимся свидетелями реминисценций, рожденных преклонением перед гением поэта:

*Он смог вылечить
Израненный камень.
Прошел сквозь огонь
Ради народа.*

(Подстр. перев.)

Стихотворения «Течет река», «Когда умирает дерево», «Мать выпекает хлеб», «Лист и камень» обладают большой нравственно очищающей силой; этому способствует четкая ритмическая организация, чистота звука, завершенность образной системы.

Два последних сборника стихов поэта, вышедших из печати почти одновременно, – «Аллах айтса» («Даст бог», 1995) и «Тангымы ауазы» («Голос рассвета моего», 1998) – явили новые грани таланта А. Созаева.

В сборнике «Аллах айтса» главное место занимает тревога за будущее народа. Боль за родной народ, стоящий на перепутье, почти осязаема, она почти что материализуется в стихах «Не устанет ли горец», «Нет у нас единства», «Земля моя, хватит ли у тебя сил?», «Иду в сторону Холама» и т.д. Тревожные ожидания заставляют обращаться к опыту предков, к поэзии провидца Кязима. Видимо, стихи А. Созаева «Нет у нас единства» написаны под впечатлением известных стихов «Оу балшебик, шау кадетле»:

*Но нет у нас единства,
Единства, дающего плоды,
Оно осветит дорогу народу,
Оно – надежда на будущее...*

(Подстр. перев.)

Тем не менее поэт особо выделяет такие качества народа, как стойкость, жизнелюбие и благородство.

Характерная особенность творческого почерка поэта – приверженность к малым формам. Лаконичный стих с емким содержанием лежит в основе многих его произведений. Многие из них близки к пословицам, типа:

*Жулудзла жилиауукъ болалла,
Черекле жырлауукъ болалла.
Тау башлары къарлы болалла,
Поэтле уа жарлы болалла.*

Подстрочный перевод:

*Звезды плачущие бывают,
Реки поющие бывают.
Вершины снежные бывают,
Поэты бедные бывают.*

Как всякую паремиологическую единицу, значение этих строк невозможно адекватно перевести. В подлиннике они звучат как традиционные пословицы, сказанные «рыдающим анапестом».

В творчестве А. Созаева четко прослеживаются размышления над историческим прошлым народа и его будущим. В этом плане характерно стихотворение об одиноком всаднике, рассматривающем разоренный аул Холам. Это родное село поэта, оставшееся невосстановленным после выселения балкарского народа. Образ родины его предков, овеянный романтикой детских воспоминаний, переходит из книги в книгу. Этот образ первоначально стал значимым в Средней Азии, когда на чужбине родители тосковали по родному очагу. Далекая и неизвестная родина предков была когда-то из мира волшебной сказки. Теперь пришло осмысление трагедии целого ущелья, покинутого людьми. Холам становится символом депортации в «Песне выселения»:

*Ой, река Холам, ой полноводная река
Бьется о скалы.
Смотря вослед своему народу,
Дыхтау плачет.*

(Подстр. перев.)

Неустроенность, сегодняшние проблемы народа опять напоминают о судьбе родного аула, и слово «Холам» перерастает в символ осознания горечи своего положения:

*Слово «Холам»
Несут словно
Покойника.
(Но негде его хоронить)...*

(Подстр. перев.)

Книги А. Созаева – это не сборники отдельных произведений, а цельная идейно-эстетическая система со структурообразующими компонентами. Так, книга «Аллах айтса» («Даст бог») – лирический дневник поэта – начинается благопожеланием, в котором содержатся этические ориентиры классического алгыша. Он звучит как молитва, которую необходимо повторять, выходя на дорогу, принимая гостей, при рождении ребенка, на свадьбах и торжествах:

*...чтобы не был опозорен перед народом,
чтобы очаг не был разрушен,
чтобы не забыл свои надежды,
чтобы не заставил плакать родной человек,
чтобы ребенок не споткнулся...*

Антитетические связи добра и зла становятся объектом поэтического осмысления с момента зарождения письменной литературы балкарцев, начиная с «Горской легенды» Мисоста Абаева. Более ста лет эта антитеза – в арсенале художественно-выразительных средств балкарских поэтов. Известно, сколько великолепных стихотворений создал К. Кулиев, высвечивая взаимоотношения Добра и Зла на земле. В поэзии А. Созаева они передаются образами Дня и Ночи (как и в притче М. Абаева – Свет и Мгла).

– *Солнце, почему ты приходишь к нам?*

– *Чтобы осветить*

Дорогу доброму человеку.

– *Ночь, а почему ты приходишь?*

– *Чтобы не нашел*

Дорогу недобрый человек!

(Подстр. перев.)

Метафорическая персонификация – основной прием инстинктивного мировосприятия А. Созаева. В этом плане поэт идет за фольклорным психологическим параллелизмом, так ярко представленном в карачаево-балкарском устном народном творчестве.

Оставаясь приверженцем традиционного тюркского стихосложения, А. Созаев внес в балкарскую поэзию новые формы стиха. В основе его новаторства – формы силлабо-тонического стиха, позиции которой в балкарской поэзии усилились благодаря творчеству А. Созаева. Многие его стихи, написанные в этой ритмической системе, стали песнями («Тангым тепсей келеди», «Манга ариу сезле айт, «Кавказ таба бир атлай», «Сени излей», «Ананы эрттенлик жыры», «Тилек», «Кюн чыкды тауну артындан», «Аллах айтса» и т.д.).

Поэт умело использует и классический тюркский семисложник и одиннадцатисложник. В поэзии А. Созаева почти не встретить глагольной рифмы, на чем основывалась поэзия 30-х годов. Необычные рифмы, непредсказуемые метафоры и сравнения составляют основу художественной образности его поэзии. Многие его стихи – эта параболические структуры (к примеру, стихи и поэма «Земля», навеянные поэзией Э. Межелайтиса).

Ночь, как табун лошадей,

Движется,

Одолевая переправы...

Цокот копыт –

Секунды...

Звезды –

Рассыпанные капли.

Сверкнула молния.

Это –

Ржание коня.

(Подстр. перев.)

Или же:
*Небо такое чистое,
Что достаёт до земли,
Вышла луна и на крыше
Косы свои заплетает.*
(Подстр. перев.)

В подобных развернутых метафорах скрыта экспрессия большой художественной силы, стремящаяся к символизации всего созерцаемого мира.

А. Созаев в своей поэзии часто используют технику народного стиха. В частности, в его плачах-күй сохраняется структура фольклорного плача с конечным рефреном и двойной рифмой (конечной и внутренней):

*Тил къаласын къалап берген
Къайсынны,
Малкъар сезге къанат берген
Къайсынны.*

Такую же форму использует и в философских раздумьях («Терек ауду»), что придает этим произведениям большую эмоциональность.

Активно использует поэт и приемы тюркского стихосложения, в первую очередь – аллитерацию для выделения семантически значимых слов:

*Шауданнга бишиген шапталла
Тюшелле, тюшгенча айла.
Шапталкез болуп шауданла...*

А. Созаев – автор малых форм, автор небольшого цикла прозаических произведений. Его рассказ «У расставанья соленый вкус», описывающий жизнь собаки, оставшейся в ауле после выселения балкарцев, занял первую премию на литературном конкурсе к 50-летию со дня депортации балкарского народа.

Ахмат Созаев возглавлял различные творческие организации республики, активно участвовал и участвует в общественной жизни. Он всегда имел обратную связь с благодарными читателями и коллегами. Ему писали и звонили собратья по перу, многие из которых адресовали ему свои поэтические посвящения. Среди них особыми доверительными чувствами были освещены эпистолы двух поэтов, одновременно возглавлявших Союзы писателей – Саид Чахкиев в Республике Ингушетия, Ахмат Созаев – в КБР. Стихотворение Ахмата Созаева «Рукопожатие над караваем», посвященное своему ингушскому другу, содержит не только основные позиции кавказского гостеприимства, но и напоминает о преемственности поколений, призывая залечить горькие раны. Ключевой фразой в этом произведении является строка «отцовский очаг мы затопим». В ней сокрыта философия отчего дома наравне с тоской по невозвратно ушедшим в мир иной близким людям:

*Как яблони цветом омыты,
Так радостью дом мой омыт.
В Ак-Суу все дороги открыты –
Приди тамадою, Саид!*

*Отцовский очаг мы затопим,
И нам он убавит морицин –
Скончания нет нашим тропам,
Хоть седы, что снег у вершин.*

*Саид, вспомним горькие годы:
С Кавказа изгнал нас тиран...
Но дружат все крепче народы,
И в этом – лекарство от ран.*

*День новый, Саид, открываем
Друг другу в какой уже раз:
Жмем руки над караваем...
Мы живы, а с нами – Кавказ.*

Поэт А. Созаев – гордость балкарской литературы и культуры. Его стихи и песни получили большое признание в республике. К ним можно припасть как к живому роднику, настолько чист и прозрачен мир поэзии А. Созаева. Являясь образцом настоящей поэзии, творчество поэта возвышает всех, кто к нему прикасается красотой родного слова, благородством идей и мыслей.

МОИ ТРИ СВОБОДЫ И ТРИ ГОРДОСТИ

Аллах мне, едва лишь я свет увидал,
Послал три свободы,
Три гордости дал,
И я на всю жизнь их значение постиг:
Родители,
Отечество,
Родной язык.
Так жили на свете
Отец мой и мать,
Чтоб совесть и честность
Свою утверждать,
Их честь и достоинство
День ото дня
Невидимо перетекали в меня.
Душой очищался, светлел я лицом,
Представ перед матерью и пред отцом.
И не было в мире полнее свобод,
Чем та, что родительский взгляд нам дает.
Не знал я забот, их опекой храним,
И праздником жизнь мне казалась сплошным.
И хлеб, что очаг материнский испек, –
Всех песен моих неизменный исток.
Когда были живы отец мой и мать, –
Высокие горы я мог покорять,
Один я взбирался к вершинам седым,
Был легким, и радостным, и молодым!
Когда были живы и мать и отец, –
Мой дом согревало тепло их сердец.
Был светел и был изобилен мой дом,
И каждый мой день был наполнен добром.
Я горд был, и мог я свободно дышать,
Когда были живы отец мой и мать...
Аллах мне, едва лишь я свет увидал,
Послал три святыни,
Три знамени дал:
Родителей,
Отечество,

Родной язык.
Родители, срок свой окончив земной,
Сгорели, как звезды,
Ушли в мир иной,
Мой дом погрузился в печальную тьму,
В душе моей стало темней, чем в доме.
И думал я, горестных слез не тая,
Что нынче один-одинешенек я,
Что я никого на земле не найду,
Кто мог разделить бы со мною беду...
Но в сумрачный мир мой
Луч света проник:
Отчизна моя и родной мой язык
Напомнили:
Есть у тебя еще мы, —
И рухнули стены безмолвья и тьмы.
Отчизна меня, словно мать, обняла,
Добра, как забота; как ласка, тепла,
И речи родной многозвучный глагол
Со мной по-отцовски беседу повел.
Но чуял я силу родимой земли,
Как будто бы вновь у меня отросли
Могучие крылья,
И заново мне
Досталось летать
В голубой вышине!
Аллах мне, едва лишь я свет увидал,
Послал три удела,
Три участи дал:
Родителей,
Отечество,
Родной язык.
Родители нынче
За смертной чертой,
Но круглым не сделался я сиротой:
Отчизна жива,
И язык мой живет,
Они — мне опора, они — мой оплот.
Меня над годов быстротечной рекой
Отчизна ведет материнской рукой,
И песней, и речью, и строчками книг
Меня, как отец, учит жить мой язык.

ШКОЛЬНОЕ СОЧИНЕНИЕ

Помню школу лет послевоенных...
Тема сочиненья: «Мой отец...»
Солнечные зайчики на стенах,
Частый стук мальчишеских сердец...
Мой отец! О нем сказать бы надо
Словом, полным света и тепла,
Помянуть отцовские награды,
Перечислить добрые дела.
Кто всех лучше, ближе и дороже?
Кто во всем пример и образец?
(Будь я в классе, я писал бы тоже:
«Мой отец – он всем отцам отец!»)
Сочиненье на уроке в школе.
Пишут все... Лишь мальчик у окна
Молча смотрит вдаль. Недетской болью
Детская душа потрясена.
Тихо плачет горец черноглазый...
Вот он ручку взял, раскрыл тетрадь:
«Я горжусь отцом! Хотя ни разу
Не пришлось его мне увидеть».
И выводит маленькой рукою,
Над страницей голову клоня:
«Мой отец погиб на поле боя,
Защищая землю, жизнь, меня».
Сквозь окно на эти строки глядя,
Блещет солнца горного огонь,
И лучом касается тетради, –
Теплым, как отцовская ладонь...

КОГДА РУКИ УЛЫБАЮТСЯ

Ты танцуешь – и руки твои улыбаются,
Это вижу я в первый раз.
Так и хочется мне распрямиться, размяться
И включиться в лихой перепляс.
Ты танцуешь – и руки твои улыбаются,
Все улыбка – глаза и уста.
И вокруг, точно ласковый свет разливается,

И приносит мне крылья мечта.
Ты танцуешь – и руки твои улыбаются,
И душа моя рвется в полет,
И как будто бы заново каждый рождается,
И никто никогда не умрет...

ТВОЙ ОБЛИК В ЛИЦЕ МОЕМ

Ты, как утро, пришла ко мне,
Как приходит роса к растениям,
Ты, как будто в сказочном сне,
Появилась светлым виденьем.
Как родник мне твоя краса,
Словно сладостный звук в напеве.
Омолаживает роса
Даже сохнувшие деревья!
Годы шли. И в дыму седом
Стал я строгим и умудренным.
Но твой лик отразился в моем –
Словно солнце в листке зеленом.

В ПОИСКАХ ТЕБЯ

Твои глаза, лучистые, как солнце,
Я в солнечном увижу сне моем.
Пусть щек твоих моя мечта коснется, –
К тебе приду я ласковым дождем.
Твои глаза, светлы и лунолики,
Мне в лунных снах ночная дарит мгла.
Сверкнули они, как на озерах блики, –
Как снег, растаю я от их тепла.
Твоих скитаний летних сновиденья
Придут в мой сон по тысячам дорог.
И в поисках тебя в твои владенья
Явлюсь я, словно утренний цветок.
Твой смех так звонок, облик твой так ярок...
Ищу тебя, меня ты не оставь!
Тебя, как драгоценнейший подарок,
Я пронесу сквозь сон мой и сквозь явь!

ЦВЕТЫ

Распахнутые, как сердца,
Они в мой скромный дом пришли,
От имени и от лица
Всех майских радостей земли.
Как будто принесли они
В мой тихий дом благую весть,
Раздумья горькие гони,
Дай чистым помыслам расцвести!
Спешат цветочные глазки
На женщину мою взглянуть,
И шелковые лепестки
Хотят к устам ее прильнуть.
Она похожа на цветы,
Ну, а цветы – подобны ей!
От двух явлений красоты
Мой дом стал ярче и светлей.
Цветы, пришедшие в мой дом,
Крупницы счастья в вас ловлю.
Храните мир и радость в нем,
И верность той, кого люблю.

Полон сад дыханьем яблок спелых...
Мой отец осматривает сад,
И из-под бровей, густых и белых,
Молодо глаза его глядят.
Смотрит он на соком налитые,
Солнцем напоенные плоды,
И чиста, как пики гор седые,
Белизна отцовской бороды.
И в руках, натруженных, не дряблых,
Так он держит краснощёкий плод,
Словно красота созревших яблок
Молодость далекую вернет.
Яблонька, склони свою вершину,
Подари отцу свой юный свет!
Видишь на лице его морщины?

Их ведь больше, чем прожитых лет..
Молод мир наш сочностью налива,
Вечной сменой листьев и цветов..
И сидит в саду отец счастливый,
Гордым сердцем старость поборов.

ЕСЛИ МАТЬ ЗАБОЛЕЕТ

Если мать заболевает,
Холодеет твой дом,
Белый день не белеет,
Весь во мраке густом.

Если мать заболевает, —
И вода нечиста,
И твой разум слабеет,
И немеют уста.

Если мать заболевает, —
Звезды — в мареве мглы,
И твой взгляд тяжелеет
И слова тяжелы.

Если мать заболевает, —
Ты и сам, как больной,
Ветер горестный веет
Над твоей головой.

Если мать заболевает, —
Ты как будто не тот:
И лицо побледнеет,
И задор пропадет.

Если мать заболевает,
Твой остынет очаг,
Жизни свет потускнеет,
Робким станет твой шаг.

Перевод Л. Шерешевского

Заболел я тяжело в Терсколе.
Я прошу вас, горы в вышине:
Донесите просьбу эхом скорым –
Позовите мать мою ко мне!

Пчёлы, что летят над головою,
Пламенем объят я – весь в огне!
Обращаюсь я и к вам с мольбою –
Позовите мать мою ко мне!

Облака над Минги-Тау, знайте,
Нет на свете для меня важней,
Никаких лекарств других не надо –
Позовите мать мою ко мне!

Перевод Розы Агоевой

КОРОВА В ГОРОДЕ

Адище города.
Полдень.
Жара.
Вдруг на гудящий проспект
Из двора
Вышла корова –
Ни много ни мало –
И побрела, как ни в чём не бывало.
Посередине дороги вперёд
Шествует гордо,
Красиво идёт,
Словно по нежно-зелёному лугу.
Запах молочный
Наполнил округу,
Вытеснив
Душный бензин и гудрон.
Все на корову глядят с двух сторон,
Праздные толпы прохожего люда,
Будто бы на небывалое чудо.
Пыльными окнами смотрят кубы

Многоэтажных домов
Сквозь клубы
Всех испарений
И выхлопов газа,
Фары машин,
Светофоров три глаза.
Вдоль тротуаров деревьям худым
Сделался жизненно необходим
Запах молочный,
Давно позабытый:
Стали пышнеть
Под надёжной защитой.
Всё на своём оживляя пути,
Вдаль продолжает корова идти,
Правил движения
Не соблюдая,
Автомобильному царству чужая,
Но самодержица в царстве другом,
Вымя,
Наполненное молоком,
Еле несёт.
– Что вы пялитесь, бабы?
И подоить уж корову пора бы!
Эх, городские!
Не знаете, как...
Перед толпой замычавши зевая,
Помощи просит она,
Чуть не плачет.
– Хоть понимаете,
Что это значит?

Перевод Максима Амелина

БАЛКАРСКИЙ ХИЧИН

Символ солнца у народа,
Берекет в домах – хычин,
Блюдом чести и свободы
Был всегда в горах хычин.

Руки матери от века
Колдовали над тобой,
Весь из солнечного света,
Украшаешь стол любой.

Песни о тебе слагали
Нарты в глубине веков,
И сегодня аксакалы
Славят силу хычинов!

Через годы и невзгоды
Ты вернулся в край родной,
Вместе со своим народом
Сохранил вкус неземной.

И с тобой не оскудеет
Наш язык и наша жизнь.
Пусть твой образ не тускнеет!
Пусть живёт в веках хычин!

Перевод Аминат Рахоевой

МУЖСКОЙ ДОМ ¹

Роман

31

...Рассвет над рекой был тихим, как шёпот, с молочной дымкой, которая стелилась над водой, делая её похожей на мираж. Марк проснулся раньше обычного, разбуженный не звуком, а странным предчувствием, как будто река звала его. Он натянул куртку, ещё влажную от вчерашнего дождя, и вышел из дома, оставив Рекса спящим в будке. Жора, как он думал, всё ещё спал, его кашель, хриплый и надрывный, не доносился с крыльца, где отец обычно начинал утро с кружки кофе. Но что-то подсказывало Марку идти к реке, к мельнице, где колесо тихо скрипело, а трубы, настроенные Леной, издавали мягкую мелодию, как дыхание спящего мира.

Он шёл по тропинке, его ботинки хрустели по гравию, и вдруг остановился, увидев фигуру у воды. Жора, без своей трости, стоял по колено в реке, его рубашка, мокрая и прилипшая к спине, делала его похожим на старика из какой-то древней легенды. Он двигался медленно, зачерпывая воду ладонями и обтирая ею лицо, шею, грудь, как будто совершал ритуал. Река, покрытая утренней дымкой, выглядела молочной, почти мистической, и Марк замер, не зная, что делать – подойти или уйти. Жора, который всегда был ходячим сарказмом, грозой девяностых, сейчас казался уязвимым, как будто вода смывала не только грязь, но и годы, оставляя только человека, который борется с чем-то большим, чем он сам.

Марк кашлянул, чтобы обозначить своё присутствие, и Жора обернулся, его глаза, выцветшие, но острые, сузились.

– Чего палишься, сын? – рявкнул он, его голос был хриплым, но с той самой саркастичной искрой, которая делала его Жорой. – Думаешь, я тут русалку ловлю? Или в святого превратился?

Марк усмехнулся, спускаясь к берегу, и присел на корточки, глядя на отца.

– Не русалку, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал легко. – Но что ты тут делаешь?купаешься, как в молодости? Или решил, что река тебя вылечит?

Жора фыркнул, выходя из воды, его брюки промокли до бёдер, а рубашка липла к телу, как вторая кожа. Он подобрал трость, валявшуюся на берегу, и сел на пень, отряхивая руки.

¹ Окончание (начало в № 1, 2026).

– Вылечит, не вылечит, – буркнул он, кашлянув так, что Марк невольно напрягся. – Старуха с базара сказала, эта река по утрам – молочная, исцеляющая. В девяностые я бы её за такие сказки в эту реку и засунул, но теперь... – он пожал плечами, его глаза блеснули. – Теперь думаю, хуже не будет. А ты что, шпионишь за стариком? Или за мельницей своей пришёл?

Марк посмотрел на реку, на её молочную дымку, и почувствовал, как внутри что-то сжимается. Он думал о Жоре, о его кашле, который становился всё хуже, о том, как отец, несмотря на свой сарказм, пришёл спасать мельницу в бурю, как запер его со Светой, чтобы защитить Аню. Он вдруг понял, что этот ритуал, это купание – не просто вера в старушечьи сказки, а попытка Жоры цепляться за жизнь, за что-то, что больше, чем он сам.

– Не шпионю, – сказал Марк, садясь рядом. – Просто... думаю. О тебе, о мельнице, о нас. Почему ты мне помогаешь? Ты же говорил, что это бред.

Жора хмыкнул, его лицо было как старая карта – морщины, как реки, и глаза, как озёра, полные историй.

– Потому что ты упрямый, как твой брат, – сказал он, и его голос стал тише, но не потерял своей язвительности. – Артур тоже был такой. Всё нёс свой крест, даже когда я орал, что это бред. А ты... ты за мельницу взялся, как будто она тебя спасёт. Может, и спасёт. А может, я просто не хочу, чтобы ты опять сбежал в свой Питер, как щенок с поджатым хвостом.

Марк посмотрел на отца, чувствуя, как слова Жоры, колкие, но честные, ложатся в сердце, как камни на дно реки. Он хотел спросить про Артура, про его крест, но вместо этого сказал:

– А ты? Ты зачем в реку полез? Чтобы кашель смыть? Или грехи?

Жора засмеялся, но смех перешёл в кашель, и он прижал кулак к груди, как будто хотел удержать что-то внутри.

– Грехи, сын, не смываются, – сказал он, когда кашель отступил. – Они как следы на песке – вода их трёт, но что-то остаётся. Я в свое время такого наворотил... Артур знал, но не осуждал. А ты – ты уехал, и я думал, что так и надо. Но теперь вижу – ты вернулся, и, может, это мой шанс что-то исправить.

Марк замер, его взгляд скользнул по реке, по мельнице, по колесу, которое тихо пело свою мелодию. Он почувствовал, как внутри что-то ломается, но не от боли, а от понимания.

– Исправить? – переспросил он. – Что ты имеешь в виду?

Жора посмотрел на него, его глаза были серьёзными, без привычного сарказма.

– Артур хотел продать землю под мельницей, – сказал он, и его голос был как гравий, твёрдый, но с трещинами. – Говорил, что это руины, что

лучше деньги, чем гниль. Я был за. Но потом... когда он умер, я понял, что это было не просто дерево и камни. Это было его, наше. А ты взялся чинить, и я подумал – может, это искупление. Не за грехи, а за то, что мы не сберегли. Я, Артур, ты – мы все виноваты, но ты строишь. И я, старый хрыч, не хочу быть в стороне.

Марк молчал, чувствуя, как слова отца оседают в нём, как ил на дне реки. Вода смывает грехи, но оставляет следы – следы памяти, вины, любви. Он думал об Артуре, который хотел продать мельницу, но чей крест теперь нёс он, Марк. Он думал о Жоре, который, несмотря на свой сарказм, стоял здесь, в реке, как будто искал прощение. И о себе – о том, как он бежал, но вернулся, чтобы строить.

– Ты не хрыч, – сказал он наконец, его голос был тихим, но твёрдым. – Ты... как эта река. Бурчишь, но течёшь. И я рад, что ты здесь.

Жора фыркнул, но в его глазах мелькнула искра – не сарказм, а что-то тёплое, как будто он услышал то, что давно ждал.

– Ох, сын, не начинай с этой лирикой, – сказал он, вставая и отряхивая мокрые брюки. – А то я сейчас в реку обратно полезу, чтобы утопить твои сантименты. Пойдём гвозди бить. Твоя мельница ещё не поёт, как надо, а я, знаешь, ещё хочу услышать её, пока не сдох.

Марк засмеялся, и его смех, искренний, разнёсся над рекой, смешиваясь с мелодией колеса. Они пошли к мельнице, Жора, ворча, опираясь на трость, но шёл твёрдо, как будто река и правда дала ему силы. Марк смотрел на него и думал, что вода, может, и не исцеляет, но учит – учит нести крест, помнить, строить. И следы, которые она оставляет, – это не только грехи, но и любовь, которая, как река, течёт через годы, связывая их всех – деда, отца, сына, брата.

32

Река в тот день была опять беспокойной, после ливня, её воды бурлили, словно отражая смятение, которое поселилось в городке. Марк сидел на крыльце, глядя на мельницу вдалеке. Звуки труб были как дыхание реки – несовершенное, но настоящее, как будто оно говорило о том, что всё ещё можно построить заново. Он думал о ней, о взгляде Лены, о письме отца, которое связало их семьи, о том, как он отшатнулся от её тепла, боясь, что не справится с ещё одной потерей. Но теперь, после разговора с Жорой у реки, после его слов об искуплении, Марк чувствовал, что должен сделать шаг – не назад, а вперёд, к тому, что могло стать его якорем.

Утро прервал звонок. Марк вытащил телефон, ожидая услышать Аню или, может, Вадима с его бесконечными идеями о фестивале, но голос на другом конце был чужим, усталым, с ноткой официальности. Это был Эдик. Он говорил коротко, но каждое слово било, как молоток по гвоздю: мать Лены, Сара, умерла ночью. Сердце. Ничего не смогли сделать. Похороны завтра.

Марк положил трубку, чувствуя, как воздух стал тяжёлым, как будто река вдруг остановилась. Он думал о Лене, о её матери, о письме деда, которое она нашла в её вещах, о том, как их жизни переплелись, как корни старого дерева. Он знал, что должен быть там, на похоронах, не только ради Лены, но и ради того, что связывало их семьи – любви, которая когда-то была, но не сложилась. Он встал, отряхнул джинсы и пошёл в дом, где Жора, как всегда, сидел на крыльце, с кружкой кофе, кашляя в кулак.

– Жора, – начал Марк, его голос был хриплым, как после долгой ночи. – Сара умерла. Мать Лены. Похороны завтра. Поедешь?

Жора поднял глаза, его лицо, морщинистое, как старая карта, было неподвижным. Он буркнул:

– С чего бы? – его голос был саркастичным, но в нём мелькнула тень чего-то другого – боли, которую он прятал за своим привычным ядом. – Я на кладбище только ногами вперед поеду. И то, если меня туда кто-нибудь затащит.

Марк посмотрел на него, чувствуя, как внутри что-то сжимается. Он решил рискнуть, его голос стал тише, но с двусмысленной ноткой:

– Я знаю, Жора. Про тебя и Сару. Про письмо. Ты ведь не просто так в реке купался, правда? Это было не только про исцеление.

Жора замер, и на миг Марк подумал, что отец сейчас взорвётся, как раньше, когда его слово было законом. Но вместо этого Жора кашлянул, его глаза сузились, и он хмыкнул.

– Ну ты и следак, сын, – сказал он, его голос был как гравий. – Думаешь, я там в реке романтику искал? Или что я, старый хрыч, по молодости за Сарой бегал? Это твой дед был поэтом, а я... я просто знал, что она была не для меня. Но ехать надо. Не ради неё, а ради Лены. Она девка хорошая, не то, что некоторые, кто тут мельницы чинит вместо нот.

Марк усмехнулся, чувствуя, как напряжение спадает. Жора встал, опираясь на трость, и начал подготовку к поездке с таким видом, будто собирался на войну, а не на похороны. Он вытащил из шкафа старый чёрный пиджак, который висел там, наверное, с девяностых, и принялся его отряхивать, бормоча:

– Чёрт, где мой галстук? Или что, на кладбище теперь без галстука пускают? В мои времена за такое в гробу бы закопали без очереди!

Он рылся в ящике, выкидывая старые носки и какую-то ржавую цепь, которая, судя по виду, могла быть частью его «бизнеса» в прошлом. Марк смотрел на него, не удерживая смех.

– Жора, ты как будто на свадьбу собрался, – сказал он, скрестив руки. – Может, ещё цветы прихватишь? Или свою трость позолотишь?

Жора повернулся, его глаза блеснули, и он ткнул тростью в сторуку Марка.

– Слушай, композитор, – рявкнул он, – если я иду на кладбище, то

с шиком! А ты там будешь стоять, как пугало, в своих опилках? Иди, причешишься, а то Лена подумает, что ты из леса сбежал!

Их перепалку прервал звонкий голос Ани, которая, оказывается, приехала и теперь стояла в дверях, с рюкзаком и глазами, полными решимости.

– Я тоже еду! Не знаю, куда вы, но я тоже еду! – заявила она, её голос был как колокольчик, который не заглушить.

Марк нахмурился, чувствуя, как внутри всё сжимается. Он не хотел, чтобы Аня видела кладбище, смерть, слёзы – она была слишком юной для этого.

– Ань, нет, – сказал он, стараясь быть твёрдым. – Мы на похороны мамы Лены. Это не место для тебя. Ты останешься с Рексом.

Аня топнула ногой, её лицо стало упрямым, как у Артура в детстве.

– Пап, я не маленькая! Лена мне как подруга, и я должна быть там! Ты не можешь меня запереть!

Жора, который всё ещё возился с пиджаком, повернулся и хмыкнул.

– Слушай, сын, – сказал он, ткнув тростью в пол. – Ты что, думаешь, внучка у нас из ваты? Она крепче тебя будет. Пусть едет. С Леной посидит. А ты, Анька, – он подмигнул ей, – держи деда за руку, а то я сам там в гробу усну от скуки.

Аня засмеялась, бросилась к Жоре и обняла его, несмотря на его ворчание. Марк смотрел на них, чувствуя, как его сопротивление тает. Он кивнул, и они начали собираться, Жора всё ещё бурчал, что «на кладбище без галстука – это как в кабаке без денег», а Аня тащила из дома свою куртку, напевая мелодию колеса.

Они стояли на кладбище, под серым небом, где воздух был тяжёлым от запаха земли и цветов. Лена была там, в чёрном платье, которое выглядело чуждо на ней, её лицо было бледным, но глаза – сухими, как будто она выплакала всё ещё ночью. Марк подошёл к ней, чувствуя, как слова застревают, но просто сказал:

– Лена, я... соболезную. Если что-то нужно, говори.

Она кивнула, её взгляд был далёким, но в нём мелькнула благодарность. Аня подбежала к ней, обняла, и Лена, на миг растерявшись, обняла её в ответ, её руки дрожали. Жора стоял в стороне, опираясь на трость, его пиджак был мятым, но он держался прямо, как будто вспомнил себя молодым. Он не подошёл к Лене, но его взгляд, когда он смотрел на неё, был полон чего-то, что Марк не мог назвать – не просто память, а уважение к той, кто достойно несёт свой камень.

На четвертый день после похорон Марк пошёл к Лене. Её дом был тихим, цветы у крыльца поникли, как будто чувствовали утрату. Она открыла дверь, её глаза были красными, но голос – твёрдым.

– Марк, – сказала она, – заходи. Чай будешь?

Они сели на кухне, где пахло травами и старым деревом. Марк смотрел на неё, на её руки, которые сжимали кружку, и сказал:

– Лена, я... если что-то нужно, я помогу. Всё, что угодно.

Она посмотрела на него, её глаза были как река – глубокие, но не спокойные. Потом, неожиданно, она сказала:

– Уедем, Марк. В другой город. Я устала. Мама умерла, здесь всё... пусто. Поедешь со мной?

Марк замер, её слова были как удар, но не болезненный, а пробуждающий. Он думал о Питере, о фестивале, который он отверг, о мельнице, о Жоре, об Ане. Уехать было бы легко – шаг, и ты уже где-то, как сказал его призрак у реки. Но он знал, что бегство – это не выбор. Выбор – это якорь, который держит тебя в нужном месте, где ты нужен, где ты строишь.

– Лена, – сказал он, его голос был тихим, но твёрдым. – Я не уеду. Но и ты останься. Давай сделаем что-то вместе. Кафе в мельнице. Твои идеи, моя работа. Это будет не просто место – это будет наше.

Лена посмотрела на него, её глаза были полны сомнений, но в них мелькнула искра – та самая, которая появилась, когда она настраивала трубы. Она не ответила сразу, но кивнула, и Марк понял, что это не отказ. Они сидели молча, пили чай, и он думал, что выбор – это не бегство, а якорь, который держит тебя там, где твоя мелодия звучит, где ты нужен. Мельница, Лена, Жора, Аня – это был его якорь, и он не собирался его поднимать.

33

Марк работал у мельницы, его руки, покрытые мозолями, сжимали молоток, вбивая последний гвоздь в новую балку, которая должна была завершить ремонт крыши. Колесо вращалось, издавая мелодию, настроенную Леной, – не идеальную, но живую, как дыхание самой реки. Мельница стояла крепче, чем когда-либо, её стены больше не скрипели под ветром, а трубы на колесе пели, как голос прошлого, который Марк научился слушать.

Жора пришёл к мельнице в полдень, опираясь на трость, его лицо было бледнее обычного, но глаза, как всегда, горели сарказмом, как угли, которые никогда не гаснут. Он держал в руках старый молоток, тот самый, что лежал в сарае ещё со времён деда, и, не говоря ни слова, начал вбивать гвозди в доску, которую Марк закрепил накануне. Его движения были медленными, но точными, как будто он не просто помогал, а доказывал что-то – себе, Марку, реке.

– Ну что, сын, – буркнул он, кашлянув так, что Марк невольно обернулся. – Думаешь, твоя музыкальная хрень уже готова? Или ещё год будешь тут стучать, как дятел на пенсии?

Марк усмехнулся, вытирая пот со лба. Он привык к язвительности Жоры, но сегодня в его голосе было что-то новое – не просто сарказм, а усталость, как будто он говорил не только с Марком, но и с самим собой.

– Почти готово, Жора, – сказал он, вбивая очередной гвоздь. – Крыша держится, колесо поёт. Осталось пол внутри укрепить, и... может, Лена права. Кафе тут сделать. Чтобы люди приходили, слушали реку.

Жора фыркнул, его кашель был резким, почти болезненным, но он не остановился, продолжая держать доску.

– Кафе? – переспросил он, его голос был как гравий, но с тёплой насмешкой. – Ты теперь ресторатор, а не композитор? Смотри, сын, начнёшь борщ варить, я первый приду пробовать. И если он будет как твои старые ноты, я его в реку вылью.

Марк засмеялся, но смех оборвался, когда Жора вдруг замер, его рука, сжимавшая молоток, дрогнула, и он кашлянул снова – на этот раз с кровью, которая пятнами упала на доску. Марк бросил молоток, подскочил к отцу, схватив его за плечи.

– Жора, что с тобой? – его голос был полон паники, как будто река вдруг вышла из берегов. – Сядь, я вызову врача!

Жора отмахнулся, его лицо было белым, как мел, но он всё ещё пытался держать трость, как будто это могло удержать его на ногах.

– Не суетись, – прохрипел он, но его голос был слабым, как ветер перед бурей. – Это не твоя забота. Дай мне... отдышаться.

Но Марк уже набирал номер скорой, его пальцы дрожали, а в голове крутились образы – Артур, его смерть, мама, её уход, и теперь Жора, который, несмотря на свой сарказм, был его якорем, его крестом...

Скорая приехала быстро, и врачи, хмурые, но деловитые, увезли Жору, не слушая его протестов. Марк остался у мельницы, глядя на пятно крови на доске, и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он думал о том, как Жора купался в реке, как говорил об искуплении, и понял, что не может потерять ещё одного человека, не сейчас, когда он только начал строить.

В больнице время тянулось, как река в засуху. Марк сидел в коридоре, пахнущем хлоркой и тревогой, пока врач не вышел и не сказал, что с отцом все в порядке – лёгкие, конечно, плохи, но он крепкий, как старое дерево, которое не так легко свалить. Марк вошёл в палату, где Жора лежал под капельницей, его лицо было всё ещё бледным, но глаза – живыми, с той же искрой, которая никогда не гасла.

– Ну что, сын, – прохрипел он, его голос был слабым, но сарказм никуда не делся. – Думал, я уже в гробу? Не дождёшься. Я ещё твоё кафе увижу и борщ.

Марк сел рядом, чувствуя, как облегчение смешивается с чем-то большим – с пониманием, что Жора, несмотря на всё, всё ещё здесь.

– Врач сказал, ты не умрешь, – сообщил Марк, его голос был твёрдым, но с тёплой насмешкой, чтобы не дать отцу уйти в сентиментальность. – Кто тогда будет мой борщ критиковать? Я ещё пианино сюда притащу, чтобы ты послушал, как я могу играть.

Жора хмыкнул, его кашель был слабым, но смех – живым.

– Пианино? – переспросил он, его глаза блеснули. – Ты рехнулся, сын. Но тащи. Только если начнёшь лабать свои питерские сопли, я его в реку скину. С тобой за компанию.

Марк засмеялся, и его смех, искренний, разнёсся по палате, как мелодия колеса. Через неделю Жора вернулся домой, всё ещё кашляя, но с той же упрямой искрой в глазах. Марк, не теряя времени, притащил своё старое пианино – потрёпанное, с пожелтевшими клавишами, но всё ещё живое. Он установил его внутри мельницы, которую они с Леной решили превратить в кафе. Лена пришла, её глаза были усталыми после похорон матери, но в них мелькнула искра, когда она увидела пианино.

– Это что, твой новый инструмент? – спросила она, её голос был с лёгкой насмешкой, но тёплый, как всегда. – Думаешь, оно впишется в нашу музыкальную мельницу?

Марк кивнул, его пальцы пробежались по клавишам, вызвав низкий, но чистый звук.

– Впишется, – сказал он. – Чтобы люди приходили, слушали реку, пили кофе, а я... может, сыграю что-нибудь. Не для них, а для нас.

Лена посмотрела на него, её глаза были как река – глубокие, но с искрами света. Она не ответила, но подошла ближе, её рука коснулась пианино, как будто проверяя, настоящее ли оно.

– Кафе, значит, – сказала она, её голос был тише, но с той же искрой, которая появилась, когда она настраивала трубы. – Ладно, Марк. Но если ты начнёшь играть что-то вроде «Yesterday», я утоплюсь.

Марк засмеялся, и они начали работать – укрепляли пол, красили стены, обсуждали, где поставить столы, как провести свет, чтобы он был как надежда, как сказала Аня в своей «карте душ». Лена рисовала эскизы вывески, её карандаш летал по бумаге, а Марк смотрел на неё, чувствуя, как её присутствие делает мельницу живой, как вода делает колесо. Они строили не просто кафе, а место, где люди могли бы остановиться, услышать мелодию реки, почувствовать, что они нужны – друг другу, этому городку, этой жизни.

Марк играл на пианино, пробуя новые аккорды, которые сливались с мелодией колеса, и чувствовал, что этот ремонт, это кафе, эта музыка – всё это для него самого, для того, чтобы наконец-то перестать бежать и найти своё место, где его крест становится не тяжёлым, а живым, как эта река, как эта мелодия.

Мельница стояла на берегу, её колесо вращалось ровно, лопасти с металлическими трубами, настроенными Леной, пели мелодию – не громкую, но живую, как дыхание самого городка. Энергия от колеса, подключённая к простому генератору, который Коля с друзьями помог

установить, питала кафе «Река Поёт», где гирлянды из лампочек уже мерцали в предвкушении вечера. Сегодня был день открытия, и Марк, стоя у входа, чувствовал, как в груди смешиваются волнение и покой – как будто река текла внутри него, унося старые раны, но оставляя следы надежды.

Внутри пахло свежесваренным кофе, тёплым деревом и пирогами, которые испекла соседка тётя Вера, чьи рецепты, по её словам, «ещё деда твоего кормили». Лена расставляла на столах льняные салфетки, её движения были точными, но с той лёгкостью, которая делала её похожей на реку – текучей, но сильной. Аня, приехавшая утром на каникулы, носилась между столами, её рюкзак валялся у пианино. Жора сидел на крыльце, его трость лежала рядом, а он, с кружкой кофе, ворчал на подростков, которые вешали гирлянды и таскали ящики с лимонадом.

Муха ухмыльнувшись, поставив ящик и бросив взгляд на Жору.

– Дед Жора, – сказал он, вытирая пот со лба, – если я что разобью, вы меня в реку скинете, как тогда грозились? Или уже старенький, не потянете?

Жора прищурился, его глаза блеснули, как угли, и он ткнул тростью в воздух.

– Старенький? – прорычал он. – Я тебя, пацан, одной левой в реку засуну, а правой ещё и твоих дружков прихвачу! Работай давай, а то твой отец мне мозги вынесет, что я тебя не воспитал.

Аня, услышав их, засмеялась, подбежав к Жоре с блокнотом в руках.

– Дед, не ругайся! – сказала она, её голос был звонким, как колокольчик. – Коля мне помогает с картой душ. Вот, смотри, я нарисовала лампочки – это надежда. А колесо – это... ну, как жизнь, крутится!

Жора хмыкнул, но его лицо смягчилось, как будто Аня была единственным человеком, способным пробить его броню.

– Если там будет мой портрет, нарисуй меня с ружьём. А то твои лампочки – это как мой кофе без сахара, тоска одна.

Марк, стоя у входа, смотрел на эту сцену и улыбался. Он думал о том, как далеко они ушли от того дня, когда подростки ломали дверь, а Жора кашлял кровью, помогая с ремонтом. Теперь они были здесь – Аня, Жора, Лена, Муха и его друзья, – и это кафе стало их общим крестом, который они несли вместе. Он повернулся к Лене, которая вышла на крыльцо с подносом, полным кружек с кофе.

– Лена, – сказал он, его голос был мягким, но с тёплой насмешкой, – ты уверена, что мы не зря это затеяли? Вдруг местные придут, попробуют твой кофе и сбегут в паб? Или Аня их своей картой душ замучает?

Лена посмотрела на него, её тёмные глаза с искорками были как река в полдень – глубокие, но живые. Она поставила поднос и скрестила руки, её улыбка была лёгкой, но с той же искрой, что появилась, когда она настраивала трубы.

– Марк, – сказала она, – если они сбегут, мы с Жорой их на моем такси догоним и привезем обратно в багажнике. А ты лучше на пианино играй. Аня, скажи ему, чтобы не ленился!

Аня подскочила к ним, её глаза сияли, как будто она только что придумала новую идею.

– Пап, я уже всё придумала! – сказала она, размахивая блокнотом. – Ты будешь играть, а я нарисую, как колесо поёт. И ещё можно поставить свечи, чтобы было как в сказке! Лена, ты же за, правда?

Лена засмеялась, потрепав Аню по голове.

– За, Ань.

Марк засмеялся, чувствуя, как их слова, лёгкие, но тёплые, делают этот момент полнее. Он хотел ответить, но тут на тропинке показалась толпа – местные, с любопытством в глазах, привлечённые шумом Люди шли – старики с палками, семьи с детьми, молодёжь с телефонами, снимающая всё подряд. Даже тётя Вера, чьи пироги уже стали легендой, пришла с корзиной, ворча, что «молодёжь теперь только и знает, что в телефоны тыкать».

К вечеру кафе было полно. Столы ломились от еды – бутерброды, пироги, лимонад, а кофе Лены, с её магией, заставлял людей задерживаться дольше, чем они планировали. Колесо крутилось, его мелодия смешивалась с гулом голосов, смехом, звоном кружек. Энергия от колеса питала гирлянды, и их свет, мягкий, как в Аниной «карте душ», заливал всё вокруг теплом. Аня носилась между столами, показывая всем свой блокнот и объясняя:

– Вот тут колесо – это жизнь, а тут лампочки – это надежда! А вот папино пианино – это... ну, как его сердце!

Один из местных, старик с бородой, похожий на рыбака из старых сказок, засмеялся и сказал:

– Девочка, если твой папа так играет, как ты рисуешь, я сюда не вернусь!

Марк стоял у пианино, его пальцы пробежались по клавишам, вызвав низкий, чистый звук, который слился с мелодией колеса. Он начал играть – простую мелодию, вдохновлённую рекой, её шёпотом, её движением. Люди замолчали, слушая, и он чувствовал, как музыка связывает их всех – местных, Лену, Жору, Аню. Он думал об Артуре, чей крест он теперь нёс, о Жоре, который, кашляя, пришёл на открытие, о Лене, чья рука сделала эту мелодию живой, и об Ане, чья энергия была как вода, питающая колесо.

Вдруг в толпе мелькнула знакомая фигура – Вадим, в кожаном пиджаке, и со скептической улыбкой. За ним шли двое парней с камерами, явно из Питера, снимая всё вокруг, как будто это был не провинциальный городок, а модный фестиваль. Марк замер, его пальцы остановились, но Аня, заметив его, подбежала и шепнула:

– Пап, это твой друг?

Марк улыбнулся, закончил мелодию и подошёл к Вадиму, который стоял у входа, оглядывая кафе с видом человека, который привык оценивать всё в рублях.

– Вадим, – сказал Марк, вытирая руки о джинсы. – Ты что, в нашу глушь забрался? Или Питер уже надоел, и ты решил деревенские пироги попробовать?

Вадим осмотрелся, его глаза обвели кафе, колесо, гирлянды, Аню, которая носилась с блокнотом, и Лену, которая разливала кофе.

– Композитор, – сказал он, его голос был с привычной насмешкой, но в нём чувствовалось удивление. – Я думал, ты тут в опилках утонешь, а ты... это что, твой шедевр? Мельница, которая поёт, и кафе, где детишки рисуют карты? Я в шоке, Марк. Это круче, чем твой провал в Питере.

Марк усмехнулся, скрестив руки.

– Не шедевр, Вадим. Просто место. Для местных. Для нас. А ты зачем приехал? Снимать репортаж для своих питерских снобов?

Вадим засмеялся, заметив, как Лена посмотрела на него с прищуром.

– Не репортаж, – сказал он. – Предложение. Это не просто кафе, Марк. Это музыкальный центр. Слышал, как твоё колесо поёт? Это бренд! Можно сделать туры, концерты, студию. Ты станешь легендой, а я... ну, я заработаю, не без этого. Что скажешь?

Аня, подслушав, подбежала, её глаза были большими, но с лёгкой насмешкой.

– Дядя Вадим, – сказала она, – если вы заберёте нашу мельницу, я вас в реку скину, как дед Жора обещал! Это наше кафе, для нас!

Вадим засмеялся, подняв руки, как будто сдаваясь.

– Ого, какая защитница! – сказал он. – Ладно, девочка, я не враг. Но подумай, Марк, это шанс. Не для Питера, а для мира.

Марк посмотрел на Аню, на Лену, которая подошла ближе, на Жору, который, кашляя, поднял кружку, как будто тостуя за что-то.

– Вадим, – сказал он, его голос был твёрдым, но с тёплой насмешкой. – Я согласен, но на своих условиях. Никаких туров, никаких студий. Это кафе для городка. Хочешь – привози своих питерских, пусть пьют кофе и слушают колесо. Но это наш дом, а не твой бренд.

Лена, стоя рядом, кивнула, её рука коснулась плеча Ани, как будто поддерживая.

Вадим засмеялся, хлопнув Марка по плечу.

– Вы тут банда, а не кафе, – сказал он. – Ладно, композитор, давайте ваш местный вайб. Но я вернусь с камерой. И если пироги будут невкусные, я напишу разгромный пост в соцсетях!

Аня захихикала, ткнув его пальцем в бок.

– Пироги тёти Веры – лучшие! – сказала она. – А если напишешь плохое, я нарисую тебя в своей карте душ как «злой дядя с сигаретой»!

Все засмеялись, даже Жора, чей кашель перешёл в хриплый смех. Марк вернулся к пианино, его пальцы нашли клавиши, и он начал играть – мелодию, которая сливалась с пением колеса, с шёпотом реки, с гулом голосов. Люди собрались вокруг, их лица были тёплыми, живыми, как свет гирлянд. Аня сидела рядом, её блокнот был открыт, и она рисовала, шепча:

– Пап, это для карты. Ты играешь, а колесо поёт. Это как мы все – крутимся, но вместе.

Лена стояла у стойки, разливала кофе, её глаза встретились с глазами Марка, и в них была та же искра, как и в тот раз, когда она настраивала трубы.

Марк улыбнулся, его пальцы танцевали по клавишам, и он думал, что жизнь – это вечное вращение, как это колесо, где потери – Артур, мама, годы в Питере – становятся силой, если ты находишь своё место. Он играл для местных, для Лены, для Ани, для Жоры, для реки, которая пела их историю. И для себя – для того Марка, который перестал бежать и нашёл свой якорь в этой мелодии, в этом доме, в этих людях.

35

Поздняя осень в городке была мягкой, но с острым привкусом перемен – листья на деревьях у реки опали, а ветер, дующий с севера, приносил холод, который пробирался под куртку и напоминал, что время не стоит на месте. Река текла, как всегда, её воды отражали серое небо, а колесо мельницы вращалось, издавая мелодию, которую Лена довела до совершенства – не громкую, но живую, как сердцебиение «Река Поёт». Кафе, открытое всего месяц назад, уже стало частью городка: местные приходили не только за кофе и пирогами тёти Веры, но и чтобы посидеть под светом гирлянд, послушать шёпот реки и пианино Марка, которое стояло в углу, как старый друг, готовый рассказать историю.

Марк был внутри, протирая стойку, когда услышал знакомый звук мотора – жёлтое такси Лены остановилось у тропинки. Но из машины выскочила не только Лена, а ещё и Аня, её рюкзак подпрыгивал на спине, а лицо сияло, как будто она несла с собой солнце.

– Пап! – крикнула Аня, бросаясь к нему и обнимая так крепко, что он чуть не уронил тряпку. – Я вернулась!

Марк засмеялся, обняв её в ответ, но его взгляд скользнул к Лене, которая стояла у машины, её джинсовая куртка была всё той же, но в глазах мелькнула усталость – не физическая, а та, что приходит после долгих разговоров. Он понял, что Аня приехала не просто так.

– Ань, – сказал он, отстраняясь и глядя на неё, – ты как, в порядке? Мама что сказала?

Аня нахмурилась, её пальцы сжали лямки рюкзака, и она опустила взгляд, как будто собираясь с мыслями.

– Мама... она хочет, чтобы я осталась в Питере, – сказала она, её голос был тише, чем обычно. – Говорит, что я должна учиться, поступать в хороший лицей, быть... не как ты. Но я не хочу, пап. Там всё чужое. А здесь... река, колесо, ты, Лена, дед. Я хочу остаться.

Марк почувствовал, как сердце сжалось – не от обиды, а от понимания, что Аня стоит на распутье, где выбор между долгом и сердцем становится её первым взрослым испытанием. Он хотел ответить, но тут на крыльце появился Жора, его трость стукнула по дереву, а голос, хриплый от кашля, разрезал тишину.

– Что за нытьё? – рявкнул он, его глаза, выцветшие, но острые, блеснули сарказмом. – Внучка, ты что, в Питер собралась? Там одни профессора да снобы, а здесь река поёт! Скажи своей маме, что дед Жора таких профессоров в реку макал, и тебе там не место!

Аня засмеялась, её лицо озарилось, и она подбежала к Жоре, обняв его, несмотря на его ворчание.

– Дед, ты неисправимый! – сказала она, её голос был звонким, но с ноткой серьёзности. – Но правда... Я хочу помогать с кафе. Я уже придумала, как украсить стены – нарисую карту душ для всех!

Марк посмотрел на неё, потом на Жору, который, кашляя, всё же ухмыльнулся, и на Лену, которая подошла ближе, её взгляд был мягким, но внимательным. Он знал, что Света не отпустит Аню просто так – её звонки на прошлой неделе были полны упрёков, что Марк «втягивает дочь в свои мечты». Но он видел в Ане ту же искру, что была в нём, когда он решил чинить мельницу, и ту же силу, что была в Лене, когда она настраивала трубы.

– Ань, – сказал он, садясь на пень у входа и глядя на неё, – ты знаешь, что мама права. Учёба – это важно. Но... если ты хочешь остаться, мы что-нибудь придумаем. Только не думай, что я неудачник с молотком, ладно? Твоя карта душ круче всех моих нот.

Аня улыбнулась, но её глаза были серьёзными, как будто она впервые поняла, что выбор – это не игра.

– Пап, – сказала она, садясь рядом и открывая блокнот, – я не думаю, что ты неудачник. Ты сделал кафе, колесо поёт, люди приходят. Но мама говорит, что я должна быть... успешной. А я не знаю, что это. Здесь я счастлива. Это не успех?

Лена, которая до этого молчала, присела рядом, её рука легла на плечо Ани, легко, как ветер.

– Аня, – сказала она, её голос был тёплым, но твёрдым, как река. – Успех – это не только дипломы и Питер. Это когда ты делаешь что-то, что делает тебя живой. Как твой папа с этой мельницей. Или как ты с твоей картой. Если хочешь остаться, мы с тобой придумаем, как стены украсить. Но маму твою тоже надо понять – она за тебя боится.

Аня посмотрела на Лену, её глаза загорелись, как будто она нашла

в ней не просто подругу, а кого-то, кто может быть ближе, чем просто союзница.

– Лена, ты как мама, только... не кричишь, – сказала она, и её слова были такими искренними, что Марк почувствовал укол в груди. – Можно я буду с тобой в кафе работать? Я научусь кофе варить, как ты!

Лена засмеялась, её смех был как звон колокольчиков, и она потрепала Аню по голове.

– Кофе? – сказала она. – Ань, ты сначала научись чашки не бить. Но да, будешь моей помощницей. Только без сахара в мой кофе, договорились?

Жора, который слушал их, фыркнул, его кашель был слабым, но глаза горели.

Марк усмехнулся, но в его груди было тепло – Аня, Лена, Жора, их голоса, их смех были как мелодия колеса, которая связывала их всех. Он знал, что разговор со Светой будет тяжёлым, но ради Ани он был готов.

Марк достал телефон и набрал Свету, чувствуя, как сердце стучит. Разговор был коротким, но напряжённым – Света говорила о будущем Ани, о лицее, о том, что городок – это «тупик». Но Марк был твёрд, его голос был спокойным, но упрямым, как река.

– Свет, – сказал он, – Аня здесь счастлива. Она не сбежит от учёбы, я обещаю. Но дай ей эти каникулы. Она нужна нам, а мы – ей.

Света замолчала, потом вздохнула, и её голос стал мягче.

– Ладно, Марк, – сказала она. – Но, если она не вернётся к учёбе, я приеду и разберу твою мельницу по доскам.

Марк улыбнулся, положил трубку и вернулся в кафе, где Аня уже рисовала на стене – линии, круги, символы. Лена стояла рядом, подсказывая, где добавить света, а Жора, кашляя, ворчал.

Вечером, когда кафе наполнилось местными, Марк сел за пианино, его пальцы нашли клавиши, и он начал играть – мелодию, которая сливалась с пением колеса. Аня сидела рядом, её глаза сияли, и она шепнула:

– Пап, это для карты. Ты играешь, а колесо поёт. Это как мы все – вместе.

Марк кивнул, его сердце было полным, как река после дождя. Он думал о том, что выбор – это не только долг или сердце, а то, что связывает их, как эта мелодия, как это кафе, как эта семья. Аня выбрала их, и он знал, что сделает всё, чтобы она могла остаться – не навсегда, но достаточно, чтобы её «карта душ» стала частью их истории.

Зима подкралась к городку незаметно, но решительно, укрыв реку тонким слоем льда, который трещал под утренним солнцем, как будто жалуясь на холод. Мельница «Река Поёт» стояла крепко, её колесо, несмотря на мороз, продолжало вращаться, хотя мелодия труб, настроенных

Леной, звучала теперь глуше, словно река пела шёпотом, укутанная в снежное одеяло. Кафе внутри было тёплым, пахло кофе, дровами в камине и пирогами тёти Веры, которые она теперь пекла каждую неделю, ворча, что «молодёжь ест, как будто завтра не наступит». Марк протирали пианино, его пальцы касались пожелтевших клавиш с той нежностью, с какой он когда-то касался нот, мечтая о сцене в Питере. Теперь сцена была здесь – в этом кафе, где местные собирались по вечерам, чтобы послушать его игру, смешанную с пением колеса.

Жора сидел на крыльце, закутанный в старое пальто, которое, по его словам, «всех пережило». Его кашель стал тише, но глубже, как будто болезнь затаилась, выжидая. В руках он держал потрёпанный блокнот, страницы которого были исписаны неровным почерком – неуверенным, но упрямым, как сам Жора. Марк заметил этот блокнот ещё неделю назад, но не спрашивал, боясь спугнуть отца, чья уязвимость была как редкий гость, которого не стоит тревожить. Сегодня, однако, Жора сам поднял глаза, его взгляд был острым, но с тенью усталости, и он сказал:

– Сын, я тут написал пару строк. Про то, как мы с Артуром фуры чинили. Думаешь, Аньке это надо?

Марк замер, его рука с тряпкой остановилась на пианино. Он посмотрел на отца, на блокнот, на его пальцы, которые сжимали карандаш, как будто он был последней тростью.

– Ты? Мемуары? – сказал он, его голос был удивлённым, но с тёплой насмешкой. – Жора, ты же говорил, что бумага для слабаков. Что случилось? Решил стать писателем?

Жора хмыкнул, его кашель был коротким, но болезненным, и он прижал кулак к груди, как будто удерживая что-то внутри.

– Слабак – это ты, с твоим пианино, – буркнул он, его глаза блеснули чёрным юмором. – А я... хочу, чтобы внучка знала, что дед не только в реку людей кидал. Может, она поймёт, почему я такой хрыч. Или хотя бы посмеётся.

Марк сел рядом, на ступеньку крыльца, чувствуя, как холод пробивается под куртку, но тепло слов Жоры согревает что-то внутри. Он думал о том, как отец, несмотря на болезнь, несмотря на годы, начал писать – не для себя, а для Ани, для памяти, для искупления. Он вспомнил, как Жора кашлял кровью у мельницы, и понял, что этот блокнот – не просто записи, а способ Жоры оставить след, как река оставляет следы на камнях.

– Она и так знает, Жора, – сказал Марк тихо, его голос был мягким, но твёрдым. – Ты её якорь, как и мой. Но расскажи. Про Артура. Про фуры. Что ты там написал?

Жора посмотрел на него, его глаза, выцветшие, но живые, были как река в мороз – холодные, но текущие. Он кашлянул, открыл блокнот и начал читать, его голос был хриплым, но полным силы:

– «Артур был упрямый, как ты, сын. Мы чинили фуру под Псковом, ночью, под дождём. Я орал, что это бред, а он лез под капот, говорил, что нельзя людей подвести. Я тогда думал, что он слабак, раз не берёт деньги за просто так. А потом понял – он был прав. Но я его не слушал. И когда он умер, я...»

Жора замолчал, его кашель прервал слова, и Марк почувствовал, как сердце сжалось. Он положил руку на плечо Жоры, легко, чтобы не спугнуть.

– Жора, – сказал он, – ты не виноват. Артур... он был таким. Он бы понял. И Аня поймёт. Она любит твои истории, даже если ты в них всех в реку кидаешь.

Жора фыркнул, но его глаза были влажными, и он быстро отвернулся, как будто пряча это от мира.

– Любит, говоришь? – буркнул он. – Ну, пусть читает. Только если начнёт реветь, как ты над своим пианино, я этот блокнот в реку кину. С тобой за компанию.

Марк усмехнулся, похлопал отца по плечу и вышел. Снег хрустел под ногами, а ветер нёс запах льда и сосен. Кладбище, куда он пришел было маленьким, заросшим, но ухоженным – местные чтили своих, и могилы матери и Артура стояли рядом, под старой берёзой, чьи ветви качались, как будто напевая что-то своё. Марк остановился перед ними, его дыхание вырывалось паром в холодном воздухе, и он опустил на колени, касаясь холодной земли.

– Мам, – сказал он тихо, его голос был почти шёпотом, как будто боялся потревожить тишину. – Я вернулся. Я не знаю, получилось ли у меня быть тем, кем ты гордилась бы, но я стараюсь.

Он повернулся к могиле Артура, его пальцы коснулись камня, где было вырезано имя брата.

– Артур, – продолжил он, его голос дрожал, но был тёплым. – Ты был прав, знаешь? Про людей, про реку. Я не слушал тебя тогда, в Питере, но теперь... я слышу. Мельница – это твоя песня тоже. Жора пишет о тебе, и... в общем, пишет...

Марк замолчал, чувствуя, как холод земли пробирается через колени, но в груди было тепло, как будто мать и Артур слушали его, как будто их голоса были в шёпote ветра, в мелодии реки, что доносилась даже сюда. Он лёг на спину между двумя могилами, глядя в небо, где облака плыли медленно, как ноты, которые он когда-то искал. Небо было серым, но с проблесками света, и Марк думал, что жизнь – это не только вращение колеса, но и эти моменты, когда ты лежишь между прошлым и будущим, слыша их обоих. Он закрыл глаза, чувствуя, как река поёт где-то вдали, и знал, что вернётся в кафе, к Ане, Лене, Жоре – к своей мелодии, которая звучала не для славы, а для них.

СЛОВО К СВОИМ

Прошло более четырех лет с момента начала специальной военной операции. Волна поддержки бойцов, участвующих в СВО, взметнула таланты, создала тысячи замечательных текстов, дав твердую основу современной патриотической поэзии и прозы. В стихах поэтов – жажда мира и понимание того, что иначе было нельзя, боль о погибших и надежда на светлое будущее.

Тема СВО нашла отражение во многих сборниках и антологиях, изданных в стране. Одно из продолжающихся изданий мы представляем сегодня: сборник стихотворений и малой прозы «Слово к Своим». Он издается в г. Москве с декабря 2024 г. Руководитель проекта – Николай Гурьянов, поэт, член Союза писателей России. Составитель: Лидия Фахретдинова, поэт, академик Петровской академии науки и искусств, член Союза писателей России.

Сборники печатаются на пожертвования, раздаются волонтерам для отправки нашим бойцам в конкретные подразделения. Уже вышло шесть выпусков сборника. География авторов, участвующих в проекте: Москва, Московская область, Республика Крым, Пенза, Ижевск, Кабардино-Балкарская республика (города Прохладный и Майский).

В проекте приняли участие восемь авторов творческого объединения «Литературный перекресток» Прохладненского муниципального района. Предлагаем вашему вниманию некоторые из опубликованных в сборнике произведений.

Андрей ЕРЕМЕЕВ,
священник

Мы не мёрзли в окопах Великой войны
И не пели «Землянку» под звук канонады.
И победу далёкой желанной весны
Не встречали в строю на военном параде.
Только время смешалось в цепочку одну,
Или солнце взошло на границе обмана,
Мы в атаку не шли, мы не знали войну,
И не знали горячее небо Афгана.
Здесь другое в кругу у закрытых дверей –
Равнодушные дни и банальность измены,
А повсюду видны отголоски тех дней,
Так же ласкова сталь и податливы вены.

Значит стоит идти, если знаешь куда,
И судьбу проверять в бесполезности тела.
Не жалея себя, до черты, до креста,
Надо просто идти и любить своё дело.

ПРО КРЫС

Проплывает за бортом земля,
Море ищет жёлтую луну,
Крысы убегают с корабля,
Крысы объявили нам войну.
Кто теперь раскрасит наш уют
И наполнит радостями дни?
Наши струны больше не поют,
И кому сейчас нужны они?..
На полу подавленный Мольер,
Черные и белые слоны,
Крысы покидают интерьер,
Унося диезы тишины.
Нам остался ржавый граммофон,
Остальное съедено, как торт.
Даже старый бронзовый грифон
Смотрит на растаявший аккорд.
Вот спускают шлюпку с корабля,
И корма врезается в волну.
Но она, не слушаясь руля,
С крысами отправилась ко дну.
Кто-то робко прошептал: ура!
Всё прошло, как утренний каприз,
Потому что нет у нас добра,
Потому, что мы не любим крыс.

Андрей ГИМЕЛЬФАРБ

Я родился и вырос в России,
Много было значительных вех,
Очарован людьми красивыми,
И влюблён в беззаботный смех.
Я горжусь Кабардино-Балкарией,

Признаюсь в любви Москве,
Глаза девушки темно-карие
В Питер манят встречать рассвет.
Побывал я не раз в Сибири,
Не забуду Калининград.
Среди этой огромной шири
Я любому успеху рад.
Пусть спортивные достижения
Прославляют нас много лет,
Будет грозным вооружение,
Остаётся лучшим балет.
Я не буду гадать на ромашке,
Основное какое богатство –
Человек, с душой нараспашку,
Сострадание, дружба и братство!
Я за Россию умереть могу!
Не надо рассуждать о смысле жизни...
Я за Россию очень жить хочу
Чтобы всем сердцем послужить отчизне!

Играли мы в детстве в «войнушки»...
Падай скорей, ты убит!
Крестились, вздыхая старушки:
Господь пусть вас всех сохранит!
А мы не жалели патронов,
Фонтанами – брызги слюны,
Громили белых баронов,
Красные – спасены!
Потом нападали фашисты,
Их ждал смертельный исход,
Пронёсся пулей пушистой,
Попав в перестрелку, кот!
А ночью, с трудом отмывшись,
Ложились бойцы поспать
И, с головой укрывшись,
Как в танк, забирались в кровать.
Как это было давно,
Я Родине смог послужить.
Армия – как кино,
Где мы учились дружить.
Боюсь за своих сыновей –

Я их не учил убивать.
Не жалко мне жизни своей,
Чтоб им не пришлось воевать.
Как хочется, чтобы внуки
Не познавали войну.
Пусть чистыми будут руки –
Не испытать вину
За слезы многих людей,
Кому был дорог твой враг,
Не верю я в силу идей,
Что мир превращают в прах!
Опять россияне стеной
Встали мир защищать.
Слёзы земли родной
Не можем больше прощать.
Дождитесь родных бойцов,
Вернитесь живыми все,
Чтоб утром могли лицо
Умыть в бодрящей росе.
Фашизм на земле не пройдёт,
Так было уже не раз.
Кто любит, тот верит и ждёт
Без фальши красивых фраз!

Иван ЕРЕМЕЕВ

ПЕХОТА НЕ ИДЕТ, ОНА УХОДИТ

Опять, опять туда, где тяжело,
Куда так долго письма не доходят,
Туда, где все дороги замело.
Где по колено грязь, воды по пояс,
Где нет еды неделями подряд,
Уходит, о земном не беспокоясь,
Пехота – за отрядами отряд.
Уходит в крик,
Уходит в боль и славу,
Уходит в недосып и недолёт,
И наше дело, как обычно, право,
А правда без пехоты не живёт.

Пехотная страна Россия в корне, –
Как все – накинута сидор и пойду.
...Не верьте маршам и парадной форме,
Пехота на параде раз в году.

ТЫ СКАЗАЛА МНЕ «ДА»,
Я СКАЗАЛ ТЕБЕ «ДА»

Я тебя не щадила, ты – щадила меня.
Смерть чертила закат, веселилась беда,
Танцевало в дыму злое тело огня.
Словно сердце мое, был холодным металл,
И, решившись, я шел, ты, решившись, ждала
Я стал радостным криком – лишь пепел летал, –
Ты влюбилась в молчанье пустого стола.
Я ушел, чтобы жить так, как прежде не жил,
Я ушел, чтобы жить, как себе говорил,
Как себе говорил, как всегда обещал.
Я всего лишь ушел, не погиб, не пропал.

БАЯН

Мы прошли с тобой земель немало,
Не страшася пуль, врагов и ран.
С нами вместе запевавший бывалый
Наш гвардейский, боевой баян.
Он нам пел о том, что за спиною,
И о том, что будет впереди:
Как мы скоро встретимся с родною,
И прижмём её к своей груди.
Он играл, и с ним душа играла,
Он смолкал, и мир молчал кругом.
Ты сидишь и думаешь, бывало,
Как далёко твой родимый дом,
И про мать, что ждать тебя устала,
Или про другое, про своё,
Иль невесте пишешь, чтобы знала,
Что всё так же любишь ты её.
Эх, баян, играй, что только мочи,
Про любовь и боевых друзей,
И про то, как тёмны будут ночи

На далёкой родине моей...
Пой про жизнь, дари нам снова радость!
Не давай сомкнуть нам ночью век!
Слишком много горя нам досталось
На короткий и жестокий век.

Ты ждёшь, ты ждёшь, а боя нет,
И нет мучительнее чувства,
И кисло на губах, и пусто,
И час как два десятка лет.
Уже внутри живёт рывок,
Но выдох ты зажал зубами,
И там, в патроне тоже, пламя
Ещё не породил курок.
Уже быстрее бы порешить
Сосущую живот минуту,
Но медлит время почему-то
Ответить, быть или не быть.
И, кажется, ты сердцем взмок –
Так тягостны минуты эти,
Пока в небесном кабинете
Подводят будущий итог.

В ТЕХ КРАЯХ, ОТКУДА РОДОМ Я

Из-за гор, не знающих о смерти,
Слаще и теплее янтара
Солнце всходит, лучшее на свете,
В тех краях, откуда родом я.
Там увидишь, что дано немногим:
Белоснежным пламенем горя,
Яблони в саду поют о Боге
В тех краях, откуда родом я.
Люди там простые и без лести,
И сосед – пусть не семья – родня:
Дай две жизни – две бы прожил вместе
В тех краях, откуда родом я.
Повелось из старины глубокой
Где ничто не делалось зазря:
Просто так не говорится слово

В тех краях, откуда родом я.
Будет всяко; примут руки вместе
Дерево сохи или цевья,
Дай лишь Бог не опорочить чести
Той земли, откуда родом я.
Жизнь идёт, скупа порой на радость,
Смерть идёт – слабее лишь себя.
Я уйду – и частью гор останусь
Той земли, откуда родом я.

*Ольга СТУПЕНЬКОВА,
мама участника СВО*

ЯБЛОКИ ДЛЯ БОЙЦА

Рассказ

В то воскресное октябрьское утро я проснулась на рассвете с чувством тревоги на душе. Все мысли были об одном – как там мой сыночек? Вот уже три недели нет от него вестей. Хотя бы строчку прочитать: «Все нормально, мама!». И тогда на душе станет светло и радостно и засияет яркими красками день!

После десяти часов зазвонил телефон. «Боже мой! Алеша!». С тех пор как сын добровольцем отправился на СВО, он не звонил, а изредка присылал короткие сообщения. Дрожащей рукой взяла трубку. Сын спокойным голосом справился о моем здоровье, а потом спросил, смогу ли я приехать прямо сейчас на вокзал. Он будет проезжать мимо Прохладного...

Такси примчалось через пару минут! «На вокзал, быстрее, пожалуйста!» – попросила я таксиста. Сердце бешено колотилось. «Что случилось? Почему проезжает мимо? Успею ли увидеть?» – кружились мысли в голове. Вот и вокзал. Таксист резко завернул на привокзальную площадь. То, что я увидела, заставило сердце сжаться в комочек. Вся площадь была заполнена ранеными бойцами. В гипсе, забинтованные, они сидели на скамейках и, опираясь на костыли, стояли, подставив лица ласковому осеннему солнышку.

«Где же сынок?» Вдали увидела Алексея. Высокий, широкоплечий, он склонился к маленькой старушке, которая, что-то приговаривая, протягивала ему пластиковый пакет.

«Что это за женщина? Ничего не понимаю...» Я выскочила из машины и, не чувствуя ног, бросилась сыну в объятия. «Мама, ты не волнуйся! Все хорошо. Меня вот немного покарябало, лежал в госпитале

в Ростове, сейчас везут в Саратов на лечение». Сын говорил, как будто извиняясь, что заставил меня волноваться. Он всегда оберегал меня, старался не расстраивать.

Помню, пятнадцатилетним мальчишкой бежал домой во время града, чтобы я лишний раз не волновалась, ожидая его. И когда служил на Северном флоте, подбадривал меня, уверяя, что все очень хорошо. Что он писал младшему брату, я не знаю, может, про суровый климат и дальние походы, когда на несколько месяцев был оторван от большой земли. Вот и сейчас, скупо изложил, что осколок прошел через щелочку между бронежилетом и шлемом, вошел глубоко в шею, едва не коснувшись позвонков. И что это пустяковая рана, скоро заживет. Я смотрела на перебинтованную шею сына, и душа разрывалась от боли. Но я старалась не показывать волнения.

Алеша никогда не прятался за спины других. Когда поставил меня перед фактом, что уходит на СВО, я поняла, что мои уговоры ни к чему не приведут, что двое детей, жена... «Ну, кто вас защитит, если не я», – сказал он тихо.

Состав простоял в Прохладном больше часа. Жители, узнав о том, что раненые бойцы сделали остановку в городе, стали нести кто что может. А та старушка передала моему сыну пакет яблок. Жаль, я ничего не успела взять домашнего. Но мы зашли в «Магнит» и купили продукты для сына и его товарищей по купе, которые не смогли выйти на перрон.

Алеша провел около месяца в госпитале в Саратове, потом лечился в Москве. Я думала, что после лечения он придет в отпуск домой, но он вернулся в отряд к своим ребятам. Так он решил... Сейчас Алексей по состоянию здоровья находится дома. Он отмечен государственной наградой – медалью «За храбрость».

*Скоро наступит мирный день,
В любой войне бывает точка.
Но не дает покоя мне
Осколок в теле у сыночка.*

ВСЕ ДОРОГИ К ПОБЕДЕ ДЛИННЫ

Сорок первый, потом сорок пятый.
Нам казалось, что годы войны
Навсегда за чертой невозврата,
Будут мирными ночи и дни...
Но, сгустились над Родиной тучи.
Долгу, чести и правде верны,
Беззащитных детей из Донбасса,
Защищают отчизны сыны!

Нелегко вам, мы знаем, ребята!
Все дороги к Победе длинны...
Но с небес на вас деда взирают.
Шепчут вам: «Победить вы должны!»

ПОБЕДА – ЧУДЕСНОЕ СЛОВО!

Победа – чудесное слово!
В нем радость, надежда и свет.
И встреча желанная дома.
И мирный, как прежде, рассвет!

Победа – щемящее слово!
В нем эхо прошедшей войны.
Потери, разлуки и слезы,
Тревожные детские сны.

Победа – заветное слово!
К ней долго отцы наши шли.
Сквозь взрывы, огонь, канонады,
И мир от фашизма спасли.

Победа – красивое слово!
Как нежной сирени букет.
Она никогда не стареет.
Юна, сколько б ни было лет!

Аминат РАХАЕВА

ПАМЯТИ ГЕРОЯ РОССИИ ТИМУРА ТАМАЗОВА

Жил на земле, как герой из легенды,
Парень, чьё имя Тамазов Тимур ¹.
Преданный данной присяге военной,
Он не погиб – он в бессмертье шагнул.

¹ Тимур Тамазов – гвардии капитан, командир штурмового отряда, погиб при выполнении боевого задания, посмертно награжден Звездой Героя России.

Мальчиком рос благородным и скромным,
С детства мечтал он Отчизне служить,
Хабзе² везде соблюдал он и помнил,
Как в этом мире достойно прожить.

В битве жестокой сражаясь отважно
И обессилев от множества ран:
«Мы их осилим, и мы им докажем,
Мы победим их», – шептал капитан.

...Воздух наполнился острой тревогой –
Скорбная весть, как стрела, ворвалась.
Пройдена воином жизни дорога –
В сердце у матери лучик погас...

Помнят в родной Карагачевской школе –
Подвиг твой в сердце ребят навсегда.
Вечная Память и Слава Герою!
Слава бойцу с позывным «Кабарда»!

ОДА КРЫМСКОМУ МОСТУ

Земли российской райский уголок,
Оторванный от матери когда-то, –
Для многих был он лакомый кусок,
Но мать всегда любила сына свято.
Быть пасынком он тоже не хотел,
Всегда мечтал вернуться в дом родимый.
Но вот зловещий ветер налетел –
И руку протянуть ему смогли мы.
Под ясным солнцем, хороводом звёзд
Открыли здесь к родной России дверцу,
Решили здесь построить Крымский мост –
Не просто мост, а мост от сердца к сердцу!
Красавец-мост! Парит он над волной,
Как птица вольная, расправив крылья,

² Хабзе – этикет кабардинского народа.

Над суетой вознёсся и молвой –
Пусть видят все, как сказка стала былью!
Видали мы Париж, Египет, Рим,
Турецкий берег видели, но всё же
Дороги все ведут сегодня в Крым –
Нет ничего родной страны дороже!

Лариса АНТЫШЕВА

ВОЙНА – НЕ ЗАБЫТОЕ СЛОВО...

Война – не забытое слово,
Дорогами десятилетий
Всплывает в сознании снова
Одна из неожиданных трагедий.
Войну, узнавая по книгам,
Пытаясь понять по рассказам,
Не сможет прочувствовать мигом
Не нюхавший порох ни разу.
И в праздники светлого мая
Не хочется думать о страшном,
Но, сердце до боли сжимая,
Звонок раздаётся однажды.
Вдруг тает надежда в секунду,
И время вокруг исчезает,
И комьями свежего грунта
Погибших земля провожает.
А в храмах пополняются списки
Ушедших в преддверии Встречи,
С молитвами дальних и близких
Заплачут церковные свечи.
А жизнь продолжается дальше,
Листая трагедий страницы,
За сытой улыбкою фальши
Оставивших душу Деннице.
Но сумраку вечно не длиться,

И сколько бы зла ни случилось,
Победою путь озарится
С надеждой на Божию милость.

*Екатерина БЫЧ,
мама участника СВО*

ОДОЛЖИ МНЕ, ПТИЦА, КРЫЛЬЯ

Одолжи мне, птица, крылья,
Чтоб к сыночку полететь.
Мне поможет Божья сила
В небо синее взлететь.
Одолжи хоть на денёчек,
Я к закату ворочусь.
Посмотрю, как мой сыночек
И к груди его прижмусь.
Одолжи, и мне не страшен
Шквальный ветер на пути –
Мой сынок стоит на страже,
Чтоб мир от нечисти спасти!

Я – мать российского солдата.
И Родину люблю я свято!
Для нас Россия – отчий дом,
В стране великой мы живём!
Так нелегко тебе, родная,
Видать, судьба твоя такая –
Сынов на битву посылать,
Чтоб землю нашу защищать.
На СВО работают герои,
Смело идут в атаку строем.
И среди них наш Алексей.
Прошу, родной, лишь уцелей!

Ты был медалью награждён.
В бою, сынок, ты был силён!
Переживало всё селение
За твоё боевое ранение.
Ты летом в отпуск приезжал,
Слова такие нам сказал:
«Меня спасла ваша молитва,
Когда жестокая шла битва».
Да, мы молились всей семьёй,
Чтобы вернулся ты живой.
За всех ребят душа болела –
Молитва в небеса летела...
Как ждем мы скорую Победу!
Клянёмся прадеду и деду:
«Не встанет на колени Русь,
Святынею твоей горжусь!»
Я – мать российского солдата,
Горжусь за всех за вас, ребята!
Вы – наша гордость, слава, честь!
И ваших подвигов не счесть!

Татьяна ШУЛИГА

Ты идёшь по дороге вдоль поля,
Где хлеба, наливаясь, шумят,
Знай, судьбой тебе выпала доля
Видеть родины лучший наряд.
Видеть капли росы на колосьях,
Слышать тихий пшеницы напев,
И внимать соловьиною россыпь,
От земной красоты оробев.
Нет на свете нам ближе, роднее
Мест, где мы родились и росли.
И чем старше, разлука больнее –
Жить от Родины милой вдали.

И во сне видеть небо России
Слышать шелест могучих дубов.
Не заменят красоты чужие,
Милых сердцу родных городов.
Нет роднее для нас той деревни,
Где гоняли своих голубей.
Нам соседей знакомые семьи
С каждым годом всё ближе, родней.
Только тот, кто родился в России
Кто впитал в себя каждый рассвет,
Любит реки, леса, купола золотые,
Знает, лучше России страны в мире нет!

Мы живём на планете великой,
Много разных народов и стран.
Перед нами путь новых открытий,
Встреч, событий и чувств океан.
Мы уроки истории помним и знаем,
Страшных войн знаем годы и дни,
Видим фильмы и книги читаем,
Кто и с кем эти войны вели.
Чтобы жили мы в счастье и мире,
В дни великой и давней войны
Уходили на фронт те герои,
Нашей славной Отчизны сыны!
И стоят средь лесов обелиски
Много их на просторах полей.
И написаны Вечные списки,
Защитивших страну сыновей!
И в памяти людской навечно
Останутся священные бои,
Нельзя менять историю беспечно,
Ведь войны много горя принесли.
Мы победили в той войне!
Но войн мы никогда не начинали.
Желаем мира мы на всей земле
И чтоб об этом в мире знали!

ЛЮБОВЬЮ К РОДИНЕ ДЫША...

Россия-мать, твои просторы
Волнуют сердце мне всегда.
Твои леса, озёра, горы
Я не забуду никогда.
Моя страна – я с детства знаю –
Страна умельцев, мастеров,
И каждой песней воспеваю
Жизнь наших сёл и городов!
Люблю тебя, страна родная
Люблю простор небес твоих,
Где песни птиц не умолкают
Над морем ковылей седых!
Люблю тебя страна родная,
Люблю зари твоей рассвет,
Что, солнцем небо озаряя,
Даёт надежду, счастье, свет!

КОНОКРАД
(Отрывок из повести)

Случившееся накануне поразило всех. Увели прекрасную верховую лошадь Жанхота Дамишукова. Говорят, адыг суров. Так считают те, кто не видел, как он гладит своего коня, с какой нежностью проводит ладонью по его шее. С этим не сравнить ни то, как сладко волчица облизнет своего щенка, ни то, как добрая бабушка приласкает внуку, ни как самый добродушный из мужчин в знак признательности хлопнет друга по плечу. Говорят, адыг нестигаем. Но кто видел, сколько боли и отчаяния в глазах того, у кого украли коня? Когда крадут верховую лошадь – ты не просто лишаешься имущества. Это позор, малодушие, стыд, осквернение обычаев.

Лошадь – часть адыга. Мужчина на коне подобен огненному вихрю, без коня – обычный воин в поле. Любые лишения готов терпеть адыг – остаться без крова и пищи, только бы лошади было хорошо, только бы ее уберечь. Есть всего три вещи, с которыми адыг ни за что не расстанется, даже если очень попросить – шапка, лошадь и оружие. Разве что отнять силой. Мало кто осмелится покуситься на верховую лошадь. Адыг всегда найдет выход из положения. Но если загнать его в угол – своими руками убьет коня, укроется за ним и будет отстреливаться до последнего заряда в газырях, а там с двумя кинжалами в руках сложит голову вместе с шапкой. Кабардинскую лошадь не остановят ни пламя, ни поток. А замешкается – значит, дальше дороги нет. Не зная усталости, стойко пройдет по самым крутым склонам и глубоким оврагам. Ходит молва, что один адыг ради лошади лишил себя глаза. Лошадь – лучший спутник, безмолвный и послушный, готовый разделить с седоком беды и радости. Поднявший руку на твою лошадь не заслуживает пощады. Только в одном случае адыг по своей воле причинит боль лошади, да и то по необходимости, – когда объезжает. Мерин смирный, не так ретив, как жеребец, который при виде кобылы будет ржать и бесноваться, забыв обо всем, выдавая себя и наездника. Вот и приходится его умирять. Но и тогда, пока не встанет он полностью на ноги и не восстановится, адыг сам служит коню, стараясь не бередить его раны. Потник – из самого мягкого войлока, седельная подушка набита оленьей шерстью, ленчик из липовой древесины, ни одной лишней детали. Сидя в седле, седок приподнимается.

Адыги никогда не использовали шпор. Говорят, увидев их впервые,

мужчины устыдились. Достаточно и плети – она, хоть и не оружие, но часть амуниции. Если кабардинскую лошадь огрели плетью, значит, она нарушила заведенный между ней и хозяином порядок. Плеть – это наказание. Обезженную лошадь она подавляет, загоняет, но никак не заставляет идти быстрее.

Кабардинская лошадь стоит больших денег. Чем она дороже и известнее, тем больше смелости должно быть у того, кто покусится ее украсть. Взять мелких воров – ничего, кроме презрения, они не удостоятся. Но конокрад... Его ненавидят, в душе желают, чтобы он сквозь землю провалился, однако за руку здороваются и за один стол садятся. Его боятся, стиснув зубы, с ним считаются, признавая его бесстрашие. Иной раз бойкие, дерзкие девушки, чтобы поддразнить робкого парня, бросят в лицо: «Эх ты, даже теленка тебе не выкрасть». Это не значит, что поощряют воровство и стяжательство. Имеется в виду, что парень несмел, и даже послушного, как корова на привязи, коня не сможет вывести из стойла.

Того, кто увел лошадь Жанхота Дамишукова, никто в отсутствии отваги не обвинит. Многие были под подозрением. Больше всего склонялись к Темиркану – самому известному в Кабарде конокраду. Говорят, и причины на то у него были, но как уличишь? О том, кто у Жанхота увел гнедую, никто не проболтается, а будешь выпытывать – беду накличешь на свою голову. Шутка ли, говорят, за гнедую ногайский хан дал тридцать золотых монет поверх своего коня. Да уж, тот, кто эту знаменитую лошадь смог прибрать, быстро найдет покупателей, слова сказать не успеешь. Такие конокрады, как Темиркан, приноровились с тамгой справляться в два счета – будто и не было ее. Чего только не делают. Но лошадь Жанхота в этих краях не оставят. Тот, кто ею завладел, поймал удачу за хвост. Переправят через море, доставят к границе с Россией – и поминай как звали. Только вот и без тамги гнедую слишком хорошо все знали, так что желающих поживиться на этой краже найдется немало.

Надо признать, нашлись и такие, кто втайне порадовался несчастьем Жанхота. Многие считали, что он слишком много на себя берет, пытаясь оспорить заведенные обычаи, вот его и проучили – заставили прикусить язык.

За полгода до этого собрались мужчины, которых объединила тревога за своих лошадей. Конокрадов развелось вокруг немало, и с каждым днем их становилось все больше, вот и предложили, как делают в соседних селлах, установить сумму, которую будут платить местным ворами, чтобы их имущество не трогали, а украденное возмещали. Мол, такие нынче правила. Однако Жанхот воспротивился.

– Это что получается, чем битым быть, дань заплатить, а? – за-

смеялся он. – Волка взять в пастухи и платить оброк! Клянусь добрым именем моего покойного отца, не сыщешь на этом свете никого, кроме адыгов, кто до такого додумается. Нет чтобы сказать: ради тебя, мол, мы все здесь собрались, и пока только нос твой в пыль ткнули, а не закидали камнями. Если впредь будешь, как все добрые люди, жить своим трудом, никто из нас тебя не побеспокоит, подумай об этом. А мы ему: молодец, братец, ты на верном пути, настоящий адыг, кради у нас, не жалея сил, а мы согласны, вот еще сверху тебе приплачивать готовы, на здоровье. До сих пор мы тебя не прикончили, более того, готовы тебя облагодетельствовать, ты уж тоже с нами помягче. Как-никак мы адыги и братья по вере, в старину говорили, адыгом быть неплохо. Ты уж так, тихонько, сам иногда спи, да и нам позволь. Всего себе не прибрать. А если все же руки чешутся, привычка – понятное дело, чью хочешь лошадь кради, только не из наших конюшен. Наша плата у тебя за пазухой, одного барана дважды не освежевать, на здоровье, мы свое слово назад не берем, хочешь, пропей в Пятигорске, а нет – спусти на терских блудниц. Мы о сделанном не жалеем. Опасаемся только, вдруг тебе покажется мало и затребуешь больше. Тогда не взыщи, вдруг кто-то из нас, маясь от бессонницы, в темноте признает тебя среди тех, кому мы дань не заплатили – можешь и пулю в лоб получить. Уж лучше один заряд потратить, чем по миру пойти. Когда целятся в глаз – целься в сердце, так в старину говорили. Вот и вспомнишь о совести. Как знать, можно и жизни ненароком лишишься. Тогда, считай, отмучился, а если ранят – вообще повезло. А если не попали, и ты удрал, все равно – не поделив награбленное, передеретесь, или кто-то из дружков тебя погубит. Сколько ни бегай – конец у бешеной собаки один.

Да, Жанхот был мастер говорить. Дождавшись паузы, Адамир, не то в шутку, не то всерьез, обронил:

– Слушай, Жанхот, конокрады такие же люди, как мы. Тоже жить и есть надо. Ты и сам говоришь – нелегка их доля. Все живые создания похожи: сытые ленивы, голодные расторопны. Всего-то по телёнку... что уж, есть скот – так и волки будут...

– Что? Как? Громче не можешь говорить? – картаво крикнул глухой Муса.

– И вправду, Адамир дело говорит, – высунулся Хамирза, за которым закрепилась слава конокрада, хотя они к себе его не принимали. – Разве есть занятие опаснее и тяжелее? Пахарь, пока не стемнеет, работает, потом всю ночь себе отдыхает, пастух скот приведет – и до утра делает что хочет. А тут... из чужой конюшни не побояться вывести верховую лошадь! Кто знает, тот...

– Да уж, много ты знаешь, купил в Прохладной у русских толстую кобылу, еще и каурую, ей богу, что та корова – только без рогов...

– Смотрите-ка, к глухарю Мусе слух вернулся, только на язык пути

надели, шепелявит больно! – не сдавался тот. – Видит бог, на твою чалую из цыганского табора не то, что конокрад, шакал не позарится. Чего тебе переживать?

– Подождите-ка, что этот гусь шипит опять?

– То самое – что ты не слышишь, глухой хряк, – закричал Хамирза-конокрад. – Выкрасть лошадь надо отважиться. Некоторые своих дочерей так не берегут, как лошадь...

Сложно сказать, обронил Хамирза последние слова не подумав, или решил сумничать, но, осознав ошибку, тут же пожалел и прикусил язык. В ту же секунду, вынув кинжал из ножен на ширину ладони, гневно сверля его взглядом, встал перед Хамирзой крупный мужчина по имени Исламгери.

– Клянусь Создателем, если не захлопнешь свою поганую пасть, грязная свинья, до конца жизни будешь вздрагивать от слова «дочь». Смотрите, какая свинья...

– Прошу, можно же не упоминать харам...

– Так пусть, Хажилянт, эта сви... этот шелудивый пес закроет пасть, – сказал Исламгерий. – Осознав, что эти отвратительные слова услышали Хажилянт-эфенди и Жанхот, он тут же о них пожалел и теперь переводил взгляд с одного на другого.

Все знали, что вынудило Исламгери вспылить, и никто его не осуждал. Было решено, что виноват конокрад Хамирза, нельзя же так давить на больное место.

Исламгери человек степенный, с князьями на равных общается, семья хорошая, – так говорили соседи. Но в один миг его гордо поднятая голова поникла из-за младшей дочери. Наутро после пышной свадьбы ее привезли обратно в деревянной повозке, заявив, что она себя опозорила. Семья поднялась на защиту своего честного имени, но против свидетелей сделать было нечего, вернули калым и расторгли брак. По сей день бедняжка Зулий никому не раскрыла, кто ее обесчестил.

Хажилянт-эфенди объявил, что она одержима злым духом, и надо выпытать его имя. С тех пор начались нескончаемые мучения бедной девушки. Хажилянт никому не раскрывал, как выпытывает имя, а с тех, кто стал свидетелем процедуры, брал слово, что они никому не расскажут, иначе вся его работа пропадет зря, расскажут одному, а дальше языки уже не удержать. Если не помогало – значит, кто-то проболтался. На все воля Аллаха. Без его ведома ничего не делается.

Так он вынуждал слушаться и не проболтаться, пока выпытывал имя злого духа. Тем не менее, до людей доходили разговоры, от которых они еще больше страшились и верили в силу Хажилянта. Тем, кто упирался, он загонял деревянные щепки под ногти, бил по пяткам стальным прутom, отогнув губу, всаживал иглу. На любые возражения – мол, такого раньше не было, у него был готов ответ: раньше люди были богобоязненные,

не позволяли шайтану себя одолеть. Случалось и так, что, выпытав у одержимого имя, он писал его на клочке бумаги и сжигал, после чего объявлял, что тот исцелился. Но добиться чего-либо от Зулий ему не удалось. Эфенди принялся за дело с еще большим рвением, отчего бедная девушка потеряла рассудок. Теперь с наступлением сумерек, когда люди сидят по домам, Зулий выбегает из дома с криком: «Не пускайте Хажилянта! Умоляю, не надо!».

Хажилянт объявил: раз у бедной Зулий помутился рассудок, Всевышний так простил ей грех, а если тот, чье имя она скрывает, себя раскроет, он отправится в ад, Зулий же окажется прямоком в райских кущах: на блаженных греха нет.

Хажилянт всегда добавлял, что пересуды вокруг таких дел не к добру. Но подобные конокраду Хамирзе, прикидываясь дурачками, снова и снова перетирают между собой сплетни. И не знают, что так они снимают грехи с других и берут на себя. Что поделать, на этом свете согрешить нетрудно.

Когда гнев Исламгери и недовольство Хажилянта поутихли, кто-то спросил:

– Жанхот, так что по нашему делу? По правде, многие дань платят.

– А я что говорю: если мы по закону жить не будем, кто его будет соблюдать? – еле сдерживая нетерпение, сказал Хамирза-конокрад. Не успел он открыть рот, чтобы продолжить, как его перебил Адамир:

– Какой закон, Хамирза? Когда это стало для нас законом? Или этим словом можно прикрыть любое бесчестие? Не тебе, Хамирза, нам о законе говорить...

– погоди, Адамир, не горячись, – вступил в разговор Мисост Хачохов. Родом из крестьян, он не уступал присутствующим в благородстве и бесстрашии, был отменным наездником и охотником. Когда-то его дед служил у деда Жанхота, но тот перед смертью освободил его за верную службу и честность.

У Мисоста, как повелось в их роду, была отменная верховая лошадь, поэтому его и приняли на собрание. К тому же конокрадов он люто презирал, не раз с ними сталкивался и знал не понаслышке об их изворотливости, и при случае ставил их на место.

По всему, Хачохов поддерживает Хамирзу-конокрада. Это обескуражило Жанхота. Из всех собравшихся он надеялся больше всех на поддержку Мисоста. Раньше Жанхот и сам платил конокрадам без лишних разговоров. Но ведь именно Мисост, побывав в разных странах и на западе и на востоке, рассказывал, что в других государствах правит один владетель, что крепкой армией они поддерживают у себя порядок, а тех, кто не подчиняется, отправляют в тюрьмы. Жанхот не раз слышал о доблести Мисоста и сам был ей свидетелем. Почему же сегодня он готов изменить своему слову?

Вот что навсегда врезалось Жанхоту в память. В одном селе на берегу Чегема играли свадьбу у Бавуковых. Жанхот был родственником по материнской линии, и ему оказывали всяческие почести. Уже стемнело, когда к старшим завели Мисоста и еще одного парня – поднять заздравную чашу. Кажется, днем они участвовали в игрищах или скачках, Жанхот не мог сказать наверняка. Как бы то ни было, он произнес тост и протянул чашу Мисосту. Тот взял ее со словами:

– Не сочти за дерзость, Жанхот, но исполни одну просьбу. Запомни, что ты этим вечером дал мне в руки чашу, и помни, когда это случилось.

Жанхот решил, что парню хмель в голову ударил, и не придавал значения его словам. В ту ночь Мисост больше не попадался ему на глаза. Наутро, когда старшие, среди которых был и Дамишуко, решили размяться в танцевальном круге, Мисост неожиданно возник перед Жанхотом:

– Смотри, я, не жалея, сбил ладони, пока ты танцевал. Но если ты не уверен во мне, и из моих уст правды не услышал, не заступайся за меня, клятву легко нарушить. А я не из тех, кто слова на ветер бросает.

С губ Жанхота готовы были сорваться резкие слова: «Сукин сын, я тебе что, мальчишка?» – однако, усмехнувшись в пышные усы, он направился в кунацкую. Свадьба была в разгаре, когда вдруг кто-то позвал Жанхота.

У ворот стояли пять-шесть всадников, среди которых был кунак Жанхота – полковник из Пятигорска. Один из парней в черкеске, указывая пальцем на Мисоста, сказал:

– Вон тот, который к усатому подходит!

– О, полковник! Петр Христофорович, добро пожаловать! Что привело тебя к нам? Проводите его, помогите спешиться, – захмелевший Жанхот шел навстречу гостю, раскрыв объятия и не обращая внимания на то, что пытается сказать ему оказавшийся рядом Мисост.

Обойдя Жанхота, Мисост подошел к полковнику, взяв удила, завел лошадь во двор, крепко держа стремя, посмотрел снизу вверх на мужчину в золотых эполетах:

– Спешивайся.

– Он, это он, – в один голос закричали его спутники.

– Ну раз он, задержите его, – скомандовал полковник, с трудом стоя на ногах после долгой поездки.

Мисост, как ни в чем не бывало, ослабил подпругу вспотевшей лошади, высвободил удила и повел ее к коновязи, словно не замечая мужчин, которые шли за ним. Повесив поводья на крюк, он смирно вернулся, резким движением выхватил кинжал и повернулся спиной к забору.

– Не приближайтесь, если вам жизнь дорога. Я не убегаю. Кто первый подойдет, погибнет на месте.

Мисоста обступили с разных сторон. Если у кого-то и промелькнула

мысль заступиться, их сдерживали люди в эполетах: адыги с некоторых пор смотрели на них с восхищением, к которому примешивался страх.

– Полковник, Петр Христофорович, что случилось? – Жанхот хотел обнять кунака, но, недоумевая от поворота событий, взял его за руку

– Этот парень ночью...

– Этой ночью? – удивленно воскликнул Жанхот, еще не зная, что произошло.

– Полковник, сдается мне, кто-то вводит вас в заблуждение. Этому парню я своими руками... – Жанхот нащупал в нагрудном кармане часы в доказательство своих слов, но, вспомнив, о чем Мисост говорил вчера вечером и сегодня утром, так и не посмотрел на циферблат. – Все присутствующие свидетели, я передал ему вчера заздравную чашу, а сегодня утром он сбивал ладони в танцевальном круге. Между этим добратся до Пятигорска и обратно можно только на крыльях.

– Не знаю, что ты передал, на чем он летал, но сегодня ночью этот парень вломился в лавку Арзаряна.

– Что? – всполошились люди. – Парня с кем-то перепутали, погубить хотят ни за что, – переживали и стар, и млад.

– Арзарян...

– Толстый армянин? – спросил кто-то.

– Тот самый, похожий на отелившуюся корову?

– Закрой рот, – гневно шикнул Жанхот. – Постой... твоего тестя?

– Моего тестя, – в голосе полковника звенел металл.

– Петр Христофорович, правда, вы его с кем-то путаете.

– Никакой путаницы нет. Я его узнал. Вон, и седло его, – сказал парень, который привел сюда погоню. Он на самом деле видел Мисоста, более того, заставил его бежать, но потерял из виду.

Мисост был в безвыходном положении. Сейчас ему оставалось либо сдаться, либо, защищаясь до последнего, погибнуть. Тогда свадьба Бавуковых закончилась бы трагедией и так и осталась бы в памяти людей: они бы начинали или заканчивали словами «на свадьбе Бавуковых», как будто говорят о голодоморе или засухе. Услышав, что Мисоста хотят повязать, старший Бавуковых – Хажмастаф – позвал к себе Жанхота и полковника.

– Уже почти сто лет я на этом свете живу, – глядел он из-под седых бровей на полковника. – У тебя ведь тоже старшие есть, родители тебя воспитали, пусть живут долго в здравии. Ради их доброго имени, к тому же ты кунак моего внука Жанхота, прошу тебя, не дай нашей радости обернуться горем. Сегодня вторник. Для нашего рода недобрый день.

– Вторник или среда, какая разница. Коли человек вор, значит, надо его в тюрьму отвезти, а там суд решит – может, в Сибирь сошлют, может, дадут срок, – сказал полковник, не осознавая, какое страдание причиняет старику неотвратимо надвигающаяся беда.

– Горе мне, горе, – Хажмастаф обхватил седую голову, словно обтянутую высохшей кожей, под которой паутиной проглядывали вены, – как же так, и зачем я дожил до этого дня, когда пора мне предстать перед умершими. Что же я им скажу? Что глаза мои смотрели, как парня, связав, увели с моего двора, или что его кровь пролилась на нашей свадьбе. Горе мне... Где мой кинжал? – старик с удивительным для его возраста проворством вскочил и схватил висевший над изголовьем кровати кинжал. Полковник, замешкавшись от неожиданности, попятился и схватился за рукоять пистолета. Увидев это, старик сказал:

– Так тому и быть, золотые погоны, доставай оружие и убей меня, вот мой кинжал, бери! – Хажмастаф взялся за клинок своего безжалостного кинжала и протянул рукоятью полковнику. – Возьми, тебе придется меня убить, иначе, хоть ты и кунак моего внука, и мой гость, я не позволю тебе осквернить доброе имя моей семьи, увести со свадьбы порядочного парня, так не годится. Держи!

Столько злобы и неприязни было на лице старика, что Жанхот забеспокоился, как бы тот не совершил непоправимое. Полковник, хорошо знакомый с обычаями адыгов, решил уступить старейшине, не скрывая, что делает это только из уважения к нему. Между тем из Пятигорска прибыл всадник и сообщил, что из лавки Арзаряна пропало только золотое колечко с камнем. Всех это немало удивило, даже самого Арзаряна, который знал, сколько добра можно было унести из его лавки. Предположили, что кто-то спугнул вора. Полковнику же казалось странным, что они застали налетчика на свадьбе, будто он и не пытался скрыться. В этом деле с самого начала были нестыковки. Но ведь армянин прибежал к нему с воплями, что его лавку обчистили. А о том, что было украдено, он не спросил. Вскочил на коня и прискакал. Теперь вот. Зачем было людей беспокоить, замки отмыкать, если ничего брать не собираешься? Может, его заметили, а может, в последний момент испугался, или вовсе пьян был? Эти вопросы он задавал себе с самого Пятигорска, но ни один из возможных ответов не был верным. Разгадку неожиданным предположением подсказала внучка армянина, дочь Петра Христофоровича, прекрасная Катя, Екатерина Петровна:

– Это сделали ради доблести!

Когда Мисост признался в своей неудаче, все встало на свои места. Как оказалось, Мисост проверял не свою отвагу – в ней он не сомневался, а силу своего коня. Однажды собралась шайка конокрадов, среди которых был и доносчик, который сегодня привел погоню, и поспорили, что ни одной лошади не под силу проскакать до Пятигорска и обратно без отдыха. Мисост услышал разговор краем уха и, говоря об одном известном конокраде, сказал: «Его вороному под силу домчать и туда, и обратно». Разгоряченные парни поспорили, решив, что победителю достанется лошадь.

– Теперь ты знаешь, Жанхот, зачем я обратился к тебе с просьбой вчера и вызвал твое недовольство утром, ты был нужен как свидетель. Сначала я решил, что тот белобрысый станет свидетелем. – Мисост повернулся в сторону парня, который привел с собой конвой, и взглядом будто плюнул тому в лицо. – Подумав, вспомнил, что ты хорошо знаком с армянином. Если бы мог я предположить, что все они придут сюда... Я думал, возьму с собой спорщиков и Жанхота, который подтвердит, что передал мне заздравную чашу и видел, как я хлопал в ладоши, вместе мы поедем к хозяину кольца – уж он-то помнит ночь, когда оно было украдено. Дальше план был такой: лошадь, честно полученную в споре, оставлю армянину в качестве извинений, а сам вернусь, доказав силу своего коня. Да что говорить, не вышло. Нынче не только князя-конокрады встречаются, но и князя-доносчики, чего раньше не бывало. Ты донес, а тебе поднесли, разве плохо? – Парня, о котором говорил Мисост, собравшиеся подняли на смех, отчего тот был готов выпрыгнуть из собственной шкуры. Такого поведения не одобряли ни князя, ни крестьяне. По правде сказать, Мисосту в страшном сне не привиделось бы, что за ним придет погоня.

– Вот, думаешь перед тобой князь с усами, а все равно как баба растреплет все, что услышит, так что дело твое обречено. Не верьте тому, что князя – не предатели, – добавил Мисост.

– Не стоит всех под одну гребенку равнять, смелость тоже требует правды, – сказал полковник, которому перевели слова Мисоста. – Но, если снова захочешь доказать свою доблесть и силу коня, сообщи мне, я помогу.

– Нет, больше я никому не доверюсь, видит бог, – ответил Мисост.

– Ну-ну не клянись, – сказал старик Хажмастаф. Он уже успокоился. Теперь, представ перед усопшими предками, ответит, что все хорошо.

– Покажи-ка нам сказочного коня, который пролетел такое расстояние, – полковнику и правда было интересно на него взглянуть, – наши еле сюда довели. Без отдыха и поле не пересекут.

– И лошади ваши отдохнут, и вы будьте нашими гостями, – сказал Жанхот. – Проходи, побудь на свадьбе, вернуться всегда успеешь.

Конь Мисоста стоял в конюшне и совсем не выглядел взмыленным и уставшим. Когда парень-доносчик хотел открыть дверь, конь сорвал с его головы шапку, ухватив зубами. Все вокруг громко рассмеялись. Мисост научил коня не подпускать к себе чужих. Тогда Жанхот обратил на это внимание и тоже научил свою гнедую никого не подпускать, если он сам не подведет человека.

– Думаешь, там корова, болван? – крикнул кто-то.

– Мисост, сколько хочешь за коня? Продай! – крикнули из толпы.

Мисост усмехнулся лишь, но ничего не ответил. Для полковника

увиденное было яснее самых громких слов, и еще долго он любил рассказывать о случившемся, вернувшись в Пятигорск, а позже в Россию. Когда заходили разговоры о человечности, уважении к прошлому и памяти предков, о том, что это история народа и его совесть, перед глазами Петра Христофоровича возникал образ старика Хажмастафа, без раздумий готового отдать жизнь за свою честь. Ревностно ее охраняя, он и сам станет историей, но потомки никогда его не забудут. С виду немощный, он внушал уважение каждому, кому довелось с ним побеседовать, не говоря о собственной родне. Тот, кто смог сохранить и приумножить, и был достоин называться человеком, семьей, родом.

Когда Петр Христофорович, уже будучи в отставке, начинал рассказ о том дне, когда взломали лавку старика Арзаряна ради доказательства доблести, Екатерина Петровна замирала, обратившись в слух, и вспоминала, что оказалась права. Когда она еще была девушкой на выданье, Мисост не раз был героем ее снов, однажды она даже попросила Жанхота привести бесстрашного наездника в гости. Однако Жанхот в сводники уж точно не годился и не преминул заметить, что обиделся бы, не зная он русских обычаев.

– Найдите себе помощника, более подходящего для таких дел.

Много лет спустя, став замужней столичной дамой, Екатерина Петровна с теплом вспоминала времена, проведенные в Пятигорске, Мисоста, которого она так ни разу и не видела, но который занимал маленький уголок в ее сердце, и Жанхота, который при упоминании его имени надулся как индюк. Все это было нежным воспоминанием юности, которое ласкало, словно утренняя прохлада. Однажды, когда гости подняли бокалы привезенного из Франции шампанского, кто-то закричал: «Тост, тост!» – а в душе Екатерины Петровны отозвалось имя Мисост, и долго еще шампанское и тост были для нее связаны с Мисостом.

После памятного случая Мисост не раз доказывал свою храбрость, но ничто не могло затмить события той ночи. Он оказывался в разных краях, и везде ходили легенды о его доблести. Именно поэтому Дамисуко никак не мог поверить, что Мисост побаивается конокрадов, не может уберечь своего коня и готов платить мзду. Все, в чем Жанхот был раньше уверен, перевернулось с ног на голову. Тот, кто раньше сетовал, мол, настоящего адыга уже не сыскать, теперь сам стал скользким, как рыба. Жанхот никогда не сомневался в порядочности Мисоста, несмотря на присущую молодости дерзость. Он всегда смотрел на него, как на честного, умного, степенного человека, который не то что на чужое позарится, сам готов отдать свое. Там, где нужно соблюсти обычаи, никогда не посрамит, знает свое место, перед старшими смирен, для младших – пример. Сколько новорожденных были названы в его честь, чтобы

выросли достойными мужчинами. Зная все это, Жанхот еще больше удивился сказанным далее Мисостом словам.

– Прости, Жанхот, что перебиваю, но один воин – не войско. То, о чем мы говорим, не новое правило, хотя Адамир не хочет признавать. Давать им плату я не считаю выходом. Наверное, можно было и другие порядки завести, но сейчас надо, чтобы это дело решали не старейшины, а суд, или чтобы конокрады не уводили наших лошадей...

– Чтобы не уводили, мы должны сами им преподнести с почестями, – закончил Жанхот за Мисоста и засмеялся. – Это вы, Мисост Хачохов и Хамирза Емиш, называете законом?! К черту такой закон и таких адыгов! Ради того, чтобы нас принимали за людей воспитанных, смелых и мудрых, все время повторяем: «Пусть слово твое будет в почете. Вот тебе моя рука», будто не замечая, как чья-то рука уже залезла к нам в карман.

– Что же нам делать, Жанхот? Научи, дай совет, люди к тебе прислушаются...

– Посоветует он, – вспыхнул Мисост от резких слов Жанхота, но, сдержавшись, продолжил: – Старший потому и старший, что говорит правду, а не то, что в голову взбредет.

– По-твоему, я лжец? – готов был вспылить Жанхот, но тоже сдержался. – Ладно. Вы все слишком умны, чтобы просить моего совета. Он вам не нужен. Пусть будет так. Но что, если конокрадам покажется мало, и они попросят добавить? Что тогда будете делать? Клянчить, как попрошайки, или торговаться, как бабы? ...Вот столько-то накинуть надо, а иначе прощайтесь с лошадьми... Нет, смилуйтесь, нам не хватает, больше нет... Эх... Ладно, бог с вами, кто согласен, тот пусть платит. Я препятствовать не стану. Клянусь богом, если каждый из вас все добро в реку бросит и шапку следом, я не спрошу, зачем вы это сделали. Но и вы от меня невозможного не требуйте. Я не возьму волка пастухом. Вот Адамир сказал, мол, раз есть овцы, есть и волки. Так что, раз есть волки, охотников быть не должно? Если так пойдет дальше, люди перестанут сеять и возделывать землю, все будут конокрадами и ворами. Вот что нас ждет. А мы сетуем, что адыги уже не те. Что ж, впору удивиться, что они вообще остались. Зато, как говорит Хамирза, конокрады храбрые малые. А нам можно платком голову покрыть. Смелость, если у кого-то единственную лошадь...

– Жанхот, ты не кто-то, и лошадь у тебя не единственная, – ухмыльнулся Мисост, но Жанхот уже побагровел от гнева и готов был сказать то, о чем его заставят пожалеть.

– В ней половина моего состояния. Делайте, как хотите. А я мизинца не уступлю. Смелость, законы... Наши законы теперь можно через сито пропустить, много чего отсеется. Пусть с меня все и начнется. И пусть один воин – не войско, – Жанхот зло посмотрел на Мисоста, – но запомни, Хачохов сын, в старину говорили, самое большое войско можно измерить веревкой или стволом ружья. Я теперь ко всему готов.

Мисост ждал этих слов. Он и сам был готов гнать конокрадов взявшей. Адамир, зная это, спешно проговорил:

– Не спеши, Жанхот, не клянись. Как знать, вдруг твою лошадь...

– Кому знать, как не мне! Пусть украдут мою лошадь, если кишка не тонка. Если силой отберут, так тому и быть. Клянусь богом, Аллахом и всеми предками...

– Тоба, тоба скажи, Жанхот. Тоба истофириллах, – забеспокоился Хажиянт, – не испытывай веру. Что в твоей голове – одному Всевышнему ведомо.

– При чем здесь вера? Или конокрады теперь и к религии отношение имеют? – взревел Жанхот. После этого он еще немало сказал в адрес конокрадов. Многие корили Жанхота, качали головой, приговаривая, что пожалеет он о своих словах, но будет поздно, угонят его гнедую да быстро переправят за семь морей. Были и те, кто встал на его сторону: в самом деле ведь – что насильно плату брать, что коня угнать – все одно. А для совести адыгов второе, может, даже более допустимо.

Люди знали, какие мысли тяготили Жанхота. Все, что имел, он делил на две части – гнедая и все остальное. Между тем Жанхот отправился за перевал в Грузию и вернулся с тремя мужчинами, которые должны были построить из камня крепкую конюшню наподобие башни. День и ночь работяги таскали валуны, камни и песок, такое, и что воловьей тяге было бы не под силу.

Возвели они конюшню добротно, тщательно заделав известью тонкие стыки между камнями. Теперь хоть из пушки стреляй, ни за что не пробить. Да и не подпустят к ней два огромных пса – разорвут на части. Говорят, трусливый мужик заводит злую собаку. На подобные разговоры Жанхот и бровью не повел. У бдительного сына мать слезы не льет, береженого бог бережет, – так Жанхот и жил.

Ко всему прочему, гнедая Жанхота, как и конь Мисоста, к себе никого теперь не подпускает, затопчет копытами насмерть. Только если Жанхот сам выведет – смиренная и послушная. Поэтому многие сомневаются, что лошадь норовистая. Но Жанхот в душе спокоен. Пусть сам он живет в деревянном доме, зато лошадь теперь в каменной конюшне. Но и это не все. Боковая стена дома соединена с конюшней, в нее можно попасть через потайную дверь. Возле нее стоит кровать. То есть чтобы попасть в конюшню, нужно перешагнуть через Жанхота и его супругу.

Когда об этом прознали люди, начались издевки, мол, Жанхот спит между лошадью и женой. Пусть болтают, но сам он будет жить, как учил его старый аталык, да покоится он с миром: будь осмотрителен, не зевай.

Кому-то могло показаться, что с конюшней Жанхот перестарался.

Что с них взять, кто говорит – слишком высоко, кто – слишком низко. Люди есть люди.

Встав с кровати, Жанхот подходит к потайной двери, отодвигает щеколду, заходит в конюшню, изнутри отпирает засов, выводит гнедую и седлает. По делам отправляется на лошади, возвращается так же. Так ему спокойнее. Крепко заперев дверь конюшни, он возвращается в дом через потайную дверь, закрывает на щеколду и ложится спать. Так-то. Со стороны улицы к двери конюшни ни за что не приблизишься незамеченным. Конечно, лошадь и кормить, и поить надо. В доме все это держать не пристало. В стену конюшни встроено корыто и труба. Через корыто ясли наполняют сеном, а через трубу чан наполняется родниковой водой. Лошадь смиренная – и хозяин спокоен. Особенно сейчас: от царапин и изъязнов на копытах приготовит соль, выстелет пол соломой, смочит соленой водой, чтобы приготовить гнедую к осенним походам. Теперь дверь конюшни он откроет раз в неделю, чтобы вычистили и перестелили солому. И так ближайšie две недели. Потом каждое утро будет выводить гнедую под уздцы к реке, чтобы искупать. Потом будет выводить и утром, и вечером, седлать, скакать то рысью, то галопом, тщательно обтирать и снова ставить ее в конюшню. И так в течение месяца. И, чтобы на лошади нарастал не жир, а мышцы, он будет кормить ее только просом и поить холодной родниковой водой. При этом с каждым днем забеги будут на все более дальние расстояния. А когда созвездие Тельца покажется над верхушками деревьев, откормленную в течение сорока дней гнедую он проверит на игрищах.

Но... всего этого Жанхот был лишен. Всего-то через пару дней. Именно столько прошло с того дня, как он поставил гнедую в конюшню. Корм и еду ей обеспечили, проверять каждую минуту нужды не было, даже домочадцев он попросил не шуметь и не беспокоить гнедую. Ослушаться Жанхота никто не смел.

Людам до всего есть дело. Ходили слухи, что когда Жанхот Дамишуко справил новую конюшню, конокрады устроили совет, чтобы увести гнедую, но, не найдя, как подступиться, плюнули, мол, пропади ты пропадом, скряга. Однако теперь люди твердят наперебой, что Жанхот своими речами сам бросил конокрадам вызов, и те поклялись, что не будет им покоя, пока не выкрадут лошадь.

Конечно, пытаться как-то сломать конюшню было бы глупо. А вот подобраться незамеченным, увести лошадь и спрятать без следов – дело непростое. Если кто-то заметит и выдаст, не сносить тебе головы, а то и в семь раз дороже заставят заплатить, да и от позора не отмоешься. Некоторые своему языку не хозяева. Предатели, негодяи. Если конокрады перестанут воровать, засядут по домам с разинутыми ртами, так

и помрут. Как Ходжа из сказки, пилят сук, на котором сидят. Князя не выдают, и то хорошо. Если бы Жанхот донес, когда Темиркан с друзьями увели жеребца того чеченца, не сносить бы им головы. Конюшня чеченца тоже была из камня, крепкая, как сундук. Только вот она стояла поодаль, задней стеной выходила к реке, а с других сторон была окружена зарослями. Чеченец, понятное дело, надеялся на крепость конюшни и на то, что подобраться к ней можно было бы только пройдя через весь двор. Но на то они и конокрады, чтобы подойти к делу так, как обычный человек не додумается. В ночь, когда увели коня чеченца, конокрады подошли со стороны реки и, орудуя только ножами, разобрали стену конюшни, и вот теперь ищи ветра в поле. Только не успели они обрадоваться, что все прошло гладко и даже погони нет, наткнулись посреди дороги на Жанхота. Тот с раннего утра отправился на охоту. Хороший мужчина обычай знает.

– Насчет меня не переживайте, Темиркан, – первым заговорил он. – Я для вас не опасен, если кто другой не приметил. Князь не выдаст.

Красавец-жеребец тогда исчез, чеченец не нашел ни следа. Однако теперь сам Жанхот оказался в том же положении. С кого теперь спросить? Что толку всех расспрашивать, скажи одному или двоим. Нет же, надо всем вокруг донести, а виновной стороне предъявить в лоб. Как бы ни крепка была конюшня Жанхота, разве не знает он, что руками человека ее возвели, значит, и разобрать можно так же. Да, работа кропотливая, но ведь смогли найти когда-то и ключ от сундука, в котором была заперта душа великана. Землю обошли, всю живность перебрали, утку подстрелили, из нее вытащили яйцо, в котором был заветный ключ. Конюшня Жанхота не на краю земли ведь стоит. Что сказать, молодец, крепость возвел, собак размером с телят откормил, будто этого недостаточно, саму лошадь, говорят, выдрессировал не хуже псов. Зачем было клясться при всех, сидел бы тихо дома в тепле. Так нет. Надо опозорить таких мастеров своего дела, как Темиркан, и заведенный в народе обычай перед всеми оспаривать с ослиным упорством.

Все сказанное Жанхотом на том совете мигом донесли до конокрадов, а они так же незамедлительно передали ответ. Сложно сказать, подслушал их кто-то, или кто-то рассказал. Второе больше похоже на правду, потому как особый язык конокрадов не каждый поймет. Как бы то ни было, говорят, Темиркан тоже дал клятву, как и Жанхот, только еще более суровую.

– Клянусь всем, что есть святого, – Темиркан обвел взглядом присутствующих, ухватившись за рукоять кинжала, – пока не заберу лошадь у Жанхота, на оленя в чистом поле не взгляну.

– А если цепной бычок? – спросил кто-то. Это означало, «что, если лошадь в конюшне».

– Даже если калину сорвать? – добавил еще кто-то. Смысл этих слов

тоже был известен Темиркану. Это значило: если калина-кровь может пролиться, не остановится ли?

– Как пойдет. Пусть откупиться не пытается, меня это не остановит.

Это означало одно: если вдруг Жанхот, услышав про калину, испугается и сделает вид, что не уследил, Темиркан сделает свое дело и легко завладеет лошадью.

Однако, вспомнив, что такой трусости от Жанхота свет не видел, добавил:

– Я еще не встречал адыга, настолько в этом вопросе стойкого. Видал таких, кто, прикинувшись слепым и глухим, позволял умыкнуть собственную дочь.

– А жену?

– Не знаю, врать не буду.

– А я вот знаю.

– Видать, жена опостылела, – толстые щеки Темиркана приподнялись от улыбки, но он тут же, вздернув нос, вскочил в седло. И тут кто-то крикнул:

– Темиркан, даю тебе слово: если незамеченным сможешь увести лошадь Жанхота, я отдам тебе своего коня вместе с седлом и удилами. Возьмусь за плуг или палку пастуха.

– Я тоже.

– И я, – поддержали все, что, как говорят, еще больше раззадорило Темиркана. Среди конокрадов было немало тех, кто позлорадствовал бы неудаче Темиркана. Если бы Жанхот его подстрелил или опозорил – они бы посмотрели, как Жанхот утирает ему нос белоснежным платком, потом топчет в грязи. Но и Темиркан не дурак. Да, он, как и Жанхот, поклялся и должен слово сдержать. Что ж, осталось выяснить, чья возьмет. С этими мыслями Темиркан взял шашку с двух концов, и конокрады присягнули, что если он, Темиркан, выкрадет гнедую, все они бросят свое ремесло. День, когда он незамеченным завладеет лошадью Жанхота, положит конец конокрадству.

Когда Мисост Хачохов услышал о клятве конокрадов, поначалу не поверил. Но, став свидетелем слов Темиркана: «Из-за таких, как Жанхот, я клятву не преступлю», забеспокоился. Когда встретил Жанхота с другими, Мисост не подал вида, что ему что-либо известно.

– Ну, Жанхот, отказавшись платить дань, ты заставил конокрадов точить на тебя зуб, – сказал он как бы в шутку. – Теперь глаз не своди с гнедой.

Слова Мисоста были не только о лошади, в них была тревога за жизнь старшего. Конокрад хуже того, кто идет умыкнуть девушку, он ни перед чем не остановится. Вот только Хамирзе дела не было до переживаний Мисоста.

– Честное слово, Жанхот, это было бы отличным решением. Если бы ты откупился своей лошастью и заставил конокрадов бросить свое дело. И мы бы вздохнули свободно. Вот только с клятвой твоей... может, Хажиянт что-то сумеет сделать?

– То есть ты говоришь, Хамирза, если бы я не поклялся, или если бы мы сладили с помощью Хажиянта, свою гнедую я конокрадам на откуп должен отдать?

– Нет, только Темиркану. Остальные сами оставят. А уж с Темирканом мы бы как-то договорились, черт бы его побрал.

– А ты предложи ему свою каурю, вдруг за так возьмет, – сказал Исламгери, поддакивая глухому Мусе, чтобы позлить Хамирзу.

– Так у него одна забота. Он все боится, что другие конокрады уведут его каурю, они не больно брезгливые. А вот Темиркану такие лошади, как Хамирзы...

– Адамир, как сказал Мисост, пусть слово твое будет твердым...

Однако Хамирза снова перебил Жанхота:

– Я считаю, лучше всего такой расклад: чтобы гнедая Жанхота досталась не Темиркану и его поделщикам, а кому-то другому. Вот это было бы отлично.

– Это почему?

– Ты тоже некогда был конокрадом, Хамирза. Говори, в чем дело.

– А вот в чем. Темиркан поклялся, что ему нужна только гнедая? Поклялся. Остальные присягнули, что, если украдут лошадь Жанхота, перестанут воровать. Вот и получается, что конокрадство все оставят.

– Чтоб уши отсохли у того, кто тебя послушает, Хамирза...

– Что? Что? Они поклялись. А вору лучше других свое слово держат. Если они его нарушат, руки трястись начинают, и их тут же схватят.

– Да ладно! – принял за чистую монету Исламгери.

– Так и есть, – подтвердил Жанхот. – Клятвопреступника бог покарает на месте.

– Хуже всего тем, кто клянется Аллахом, на Коране, они или сразу от разрыва умирают или каменеют, потом падают замертво.

– Так может, тот бедолага в соседнем селе помер от этого в прошлом году, а не от страшной болезни, как сказали? – спросил Исламгери, по очереди глядя то на Жанхота, то на Хажиянта.

Хажиянт только этого и ждал, стал божиться, что нисколько в этом не сомневается.

– Надо же! – в один голос удивились Адамир и Мисост и, поскольку Хажиянт только что поклялся и не помер, все убедились, что он говорит правду.

– Ну, в таком случае, береги лошадь, Жанхот, – сказал Мисост, и все поняли, что он имел в виду. Раз язык сдержат не можешь, так ходи и оглядывайся. Хачохов на самом деле переживал, как бы не вышло

худого из-за клятвы Жанхота. Ведь до сих пор Дамишуко слыл мудрым и рассудительным. Но сегодня Мисост убедился, что тот мерит нынешнюю жизнь мерой былой чести и доблести. И Жанхот точно за это поплатится. Конокрады и не на таких, как Жанхот, стали замахиваться. Раньше никто не посмел бы плеть у князя украсть, а нынче у кривого Исмея целый табун угнали, убив пастуха. Никаких следов не нашли. Кабан заберется на вершину горы, если волка не боится. А конокрады сейчас никого не страшатся. Тех, кого раньше сдерживала совесть, становится все меньше. Дело кривого Исмея передали русскому судье, но ничего из этого не вышло. Один другого покрывает, мол, князь не выдаст, не можем мы предателями прослыть. А конокрадам того и надо. Все шито-крыто, и ходят вольно среди людей. Делают все, чтобы их не раскрыли. Сможет ли Жанхот уберечь от них свою лошадь, спрашивал себя Мисост с сомнением.

Чутье его не подвело. Жанхот не смог уберечь гнедую, несмотря на все приложенные усилия. Старшие удивились, как это он не упал замертво, открыв потайную дверь и не найдя за ней свою лошадь. Его сознание с трудом справлялось со случившимся. «Лошадь, «лошадь...» – повторял он, долго возясь с потайной дверью, вместо того чтобы выйти через дверь конюшни, на которой не было засова. В дерганных движениях он все пытался протиснуться в узкую дверцу то левым боком, то правым. Наконец не придумал ничего лучше, как вылезти задом наперед на четвереньках. Говорят, когда он выпрямился, был бледен, как мертвец, и все повторял: «Лошадь», «лошадь».

– Чтоб сквозь землю провалилась эта лошадь! Зовите эфенди Хажиянта, – крикнула мать Жанхота. – Сынок, Жанхот, родной, приди в себя, не убивайся так.

Жанхот положил свою седую голову на колени матери. «Лошадь, лошадь», – все повторял он.

– Прошу тебя, не убивайся. Ты цел, хвала Всевышнему! Много еще на свете лошадей, которых ты можешь оседлать, держись, сынок, не пристало так себя вести, – старуха перебирала поредевшие волосы Жанхота скрюченными пальцами. От этого Жанхот присмирел, его клонило ко сну. Но людям показалось, что это Хажиянт постарался, прочтя над ним молитвы.

Жанхот пролежал так порядочно времени. Весь встревоженный род Дамишуко, семья и соседи были рядом. Для них было уже неважно, как увели гнедую, только бы мужчина не лишился рассудка. Наконец Жанхот поднялся, покачиваясь от слабости. Под молчаливыми взглядами вышел, дойдя до угла дома, кликнул собак:

– Миша! Чаро!

Собаки не подали голоса. Жанхот решил, что у него пропал голос, и изо всех сил крикнул снова. Но собак во дворе не было. Поначалу все решили, что собак убили или вывезли, чтобы затем украсть лошадь. Жанхот направился на сеновал, где псы обычно любили отдыхать.

– О-о-х, чтоб вам провалиться, твари! – закричал Жанхот, на бегу выдернув палку из плетня. Два пса размером с бычков только приоткрыли глаза, но не пошевелились. Оба с трудом удерживали в лапах норовящие выскользнуть два рога, из которых обычно пьют брагу. Забрав рог у оскалившегося Чаго, Жанхот заметил, что на нем была тамга, но ее не только старательно стерли, но и стесали, чтобы ничего нельзя было разобрать. Рог был плотно набит мясом. Такой же вертел в лапах Миша. Съев верхний кусок мяса у широкого края, они никак не могли достать следующий. Им явно не было дела ни до хозяйского двора, ни до всего белого света.

– Беспольные твари, знал бы, что вы с голоду помираете, зарезал бы барана, – в сердцах крикнул на собак Жанхот, запустив в них рог. Попало, видимо, Чаго, потому что он вскочил, скуля, и махнул через плетень. Миша, поджав хвост, ринулся в толпу и, распугивая кур и индюков, выскочил за ворота.

Кое-что стало проясняться. В краже гнедой не замешаны нечистая сила и духи. Прежде всего конокрад обманул собак. В этом нет сомнений. Но как он вошел в дом? Как, минув Жанхота, оказался в конюшне, вывел гнедую и, вернувшись к потайной двери, замкнул ее? И где все это время был Жанхот? И когда это случилось? Минувшей ночью или еще раньше? В последние две ночи Жанхот не заходил в конюшню. Прикинув, решили, что это случилось прошлой ночью: навоз уже остыл, воды в чане доверху, в корыте корм также не тронут.

Жанхот пытается вспомнить, чем же он был занят вчера ночью. Ничем. Сейчас младший сын в отъезде, поэтому жена ходит к невестке ночевать. Жанхот в спальне один. Как стемнеет, ложится спать, ночи сейчас короткие, скоро урожай убирать, работы много, вставать на расвете. Да и, по правде, в его возрасте какой уж сон. Чуть задремлет, встрепенется, потом никак не устроится, так и ворочается. Бывает, что и встанет да во двор выйдет. Вот и бедняжка Зулий все чаще стала с криком из дома убегать, видно, тяжелее обычного ей в летний зной. Минувшей ночью или вчерашней? Вчерашней ночью она добежала до реки, пока ее нашли. Минувшей ночью в ярком свете полнолуния он видел, как ее вели домой, даже вышел навстречу, погладил бедняжку Зулий по голове, так сжалось его сердце от жалости. Разве можно было улучшить момент, когда скроется луна и людей на улице не будет, чтобы выкрасть лошадь, и даже если получилось ее вывести, как далеко кто-то мог добраться незамеченным? В это никто не верил, включая самого Жанхота.

Вскоре люди снова заговорили о том, что не обошлось без колдовства

или проделок шайтана. Может, Жанхота шайтан обманом из дома вывел. Или вот, говорят, бывают люди, которые с джиннами знают. Могут творить такое, что и подумать страшно. Остается только молиться, чтобы они на тебя глаз не положили. Похоже, что это именно джинн. Что бы он ни натворил, следов не найдешь. Иначе за ночь увести лошадь Жанхота из конюшни невозможно, она бы затоптала любого. Так нет, замок на потайной двери будто и не отмыкали, все на своих местах. Как знать, может, эта дверь им и не нужна была. Если ты с джином на пару орудуешь, он куда угодно проникнет, вот он открыл засов и вывел лошадь. А чтобы их не заметили, и всадника, и лошадь укрыли колдовским покрывалом.

– Клянусь, может сейчас они тут на нас смотрят и смеются, тоба истофириллах, Жанхот, не обошлось ли тут без нечисти. Надо почаще говорить бисмилляхи рахманиррахим, – внушал собравшимся Хажилянт.

– Если замешаны нечисть и колдовство, почему же меня оставили? Разве ты не говорил, что в нашем селе ведьм не осталось? Или опять кто-то появился?

– Храни нас Аллах! Как знать, может и появился кто. Разве они нас спросят? На то они и зло, что у добрых людей совета не спрашивают.

Во двор зашли Исламгери, Адамир, Хамирза и Мисост. Пожимая руку Жанхоту, они желали, чтобы все плохое ушло с этой потерей. Кто-то сбегал, принес волчьих жилы. Эфенди Хажилянт что-то прочел и бросил их в огонь, снова заверив, что виной случившемуся ведовство и нечистая сила.

Хамирза подхватил:

– Может, одурманили тебя сонными травами, Жанхот? А что, могли поджечь незаметно, а ты бы и не понял, что проспал два дня.

– Клянусь, так оно и было, как Хамирза говорит, – упреков руки в бока, сказала жена Жанхота. – Когда утром я пришла заправить постель, такой запах дыма ударил в нос, чуть не задохнулась, честное слово...

– Хоть бы задохнулась, – Жанхот гневно осек жену, которая осмелилась влезть в мужской разговор. – Не помню, чтобы вчера утром я встал раньше.

– Может, и правда, – воодушевился Хамирза, – сначала тебя одурманили, а потом ты пришел в себя.

– Посмотрите-ка, Хамирза точно что-то знает. Ты у кого таким путем увел лошадь, Хамирза? – спросил Мисост не то в шутку, не то всерьез, отчего Хамирза раздул ноздри, как бык.

– Вы нам вот что скажите: как гнедая к себе чужака подпустила? – раздался чей-то гнусавый голос.

Тут-то и выяснилось, что пропали шапка и фуфайка Жанхота.

– Все ясно, – снова сказал Хамирза. – Жанхот, тот, кто это сделал, знает больше тебя и меня. Понятное дело, в темноте лошадь тебя узнает по запаху. Вот это конокрад! – с восхищением добавил Хамирза. – Твоя фуфайка за столько лет впитала твой пот, а если еще и шапку надел...

Хамирза еще много чего хотел сказать, но тут во двор, поднимая пыль, заехала запряженная повозка. Петр Христофорович прислал из Пятигорска. Из повозки вышел молодой мужчина с собакой-ищейкой на поводке. Не задавая лишних вопросов, парень зашел в конюшню, там он дал собаке обнюхать и взять след. Серая псина бодро взялась было за дело, но тут на нее накнулись неизвестно откуда взявшиеся Миша и Чаго и чуть не разорвали в клочья. Мужчины еле отогнали злополучных собак Жанхота. После этого ищейка поджала хвост и, пугаясь каждого шороха, уже не слышала настойчивых команд хозяина, очевидно решив, что лучше убраться подобру-поздорову, чем выполнить свой долг. След, взятый в конюшне, привел ее к Жанхоту и она под общие насмешки вцепилась в подол его рубахи. Потом она стала упрямо преследовать Хамирзу, пока тот убежал, выкрикивая угрозы: «Чтоб тебе провалиться, а ну пошла вон, а не то получишь у меня!»

Отстав от Хамирзы, под общий хохот она взялась за Мисоста, но как-то неуверенно: сделала вид, что кусает его за лодыжку, но, передумав, побежала к хозяину и легла у его ног, высунув язык. Вот и вся польза от ищейки.

Жанхот, не желая расстраивать молодого человека и того, кто его прислал, распорядился, чтобы в повозку погрузили зарезанного барана.

Что поделать? Люди, собравшиеся выразить Жанхоту сочувствие, пожелали счастливого разрешения дела и стали расходиться, по пути обсуждая странное поведение ищейки и то, как ее чуть не разорвали Миша и Чаго.

Вечером, когда сгущались сумерки, у дома Жанхота спешился незнакомый всадник. Его привели Исламгери с Адамиром и сказали, что он свидетель, впрочем, не вдаваясь в подробности – слово дал.

– Я много хорошего слышал о тебе, Жанхот. – начал он. – Прошу, не спрашивай, кто я и откуда. Доносить мне не пристало, но я услышал, что украли твою лошадь, и решил, что могу оказать услугу хорошему человеку, рассказав, что видел. Вчера на рассвете в Герпегежскую пещеру привели и спрятали лошадь. До ночи я проследил, не выведут ли ее, однако же ее не вывели, а поменяли. Кто-то привел другую лошадь, а ту, что была внутри, увел. Ночью... мне пора. Дай мне то, чего не жалко. Если в той пещере вы не найдете лошадь, я вернусь, и можете меня наказать.

– Дадим, если найдем, – сказал Исламгери, однако Жанхот не разрешил. Ночного гостя отпустили, дав в награду теленка.

Среди соседей быстро разнеслась новость, что к Жанхоту приходил осведомитель, и они снова собрались узнать подробности, однако уже стемнело, и все заторопилось по домам.

– Разные бессовестные люди повадятся к тебе, Жанхот, чтобы обогатиться на твоём несчастье, ты уж будь повнимательнее, не раздавай

нажитое тяжелым трудом, – сказал, уходя, Хамирза. Он явно злорадствовал. Даже глухой Муса это заметил и крикнул вслед Хамирзе:

– Что, Хамирза, веселишься и греха не боишься? Так рад, что у Жанхота украли гнедую, как ты и хотел, теперь один Темиркан-конокрад остался, а твоя каура ему даром не нужна?

– Колючку тебе в рот, глухая свинья. Тебе-то страдать не о чем. Можешь быть доволен, нет у меня каурой...

– Честное слово, Хамирза, уж не знаю, что стало с твоей каурой, но сдается мне, прав Муса, – сказал Адамир.

– Побойся бога, Адамир, как тебе такое в голову пришло? – развернулся Хамирза, но Адамир вытолкнул его со словами:

– Уже и шуток не понимаешь?

Адамир обрубил разговор на полуслове, уловив взгляд Исламгери, который ясно дал понять, что дело спешное. Он гордился в душе тем, что привел осведомителя и собирался принять в деле самое активное участие.

Не обратив внимания на переглядывания двух мужчин, Хамирза ушел. Последним остался Мисост. Адамир и Исламгери досадовали, что он не спешит уходить. Каждый хотел бы найти способ его спроводить, но побаивался его острого языка. Поэтому предпочли промолчать. Должен же сам догадаться, если с ним не разговаривать. Таков обычай: кого с собой брать не хотят, зовут в последний момент, а кого в дело посвящать не хотят, оставляют без ответа. Если бы Жанхот хотел рассказать Мисосту об осведомителе, взял бы его в свидетели. Раз не взял и ничего ему не сказал, значит, у Адамира с Исламгери преимущество. Вот пусть сидит теперь, раз не хватает ума вовремя уйти, думали они, когда вернулся Жанхот и заявил:

– Я заставил тебя ждать, Мисост. Отправлял за тобой человека, но тебя не застали. Хотел, чтобы ты был свидетелем, как Адамир и Исламгери. Наверняка они тебе рассказали, – Мисост взглянул на сидевших перед ним и незаметно усмехнулся, – сюда приходил осведомитель, если не обманывает, то лошадь, на которую поменяли мою гнедую, сейчас в Герпегежской пещере. Если мы сейчас же туда не отправимся, можем не успеть.

– Мы готовы, – сказал Исламгери, не глядя на Мисоста.

– Думаю, и без меня дело обойдется, Жанхот, что нам всем там делать? – выпалил Мисост и тут же осознал, что сказал лишнее.

– Ну вот, обиделся, – улыбнулся Жанхот, ничего не подозревая о напряжении между свидетелями и Мисостом, которого, как ему показалось, задело, что осведомителя отпустили, не дождавшись его. – Тяжело соблюдать законы адыгов. Оступиться ничего не стоит. Хоть я и старше, прошу у тебя прощения.

Адамира и Исламгери не на шутку злило то, что Жанхот отчитыв-

вается перед вчерашним крепостным рода Дамишуко. Вот ведь правду говорят, дай волю слуге, и он отберет у тебя дом. Оба подумали об одном и том же, но не решились сказать вслух. Попробуй предъяви такое Мисосту!

– Ладно, ладно, Жанхот, это я сказал лишнего, прости. Поехали, раз уж вы готовы, а я вас нагоню.

С тем Мисост и вышел из дома Жанхота. Хозяин сам проводил его до ворот, дальше его младший сын сопровождал гостя до середины пути, держась левой стороны и не забегая вперед, пока тот не сказал, что можно вернуться.

Он все еще с удивлением думал об осведомителе, который видел лошадь в Герпегежской пещере, ему хотелось бы с ним встретиться. Но не вышло. И хоть он поначалу и хотел проявить характер, все же теперь ему не терпелось посмотреть, кто и каким образом надумал обмануть народ. Мисост был уверен, что все это ложь и опасности никакой быть не может, но все же надел амуницию и даже прихватил кое-какую провизию.

Мисост прищепил коня, не желая, чтобы остальные его дожидались. До Герпегежской пещеры рукой подать, всего-то реку перейти. Больше всего Мисоста удивляло, что мужчина, или тот, кто себя таковым считает, мог выбрать старую пещеру своим пристанищем. Уже долгие годы здесь играет ребяшня. Правду говоря, благодаря эфенди Хажилянту сюда давно никто не ходит. По его словам, именно там совершили зло с бедняжкой Зулий. Это точно происки язычников. В позапрошлом году старики и молодые устроили возле пещеры древний праздник, до утра хороводили, вот из-за этого напасть с Зулий и случилась. Попробуй узнай, кто с ней был? Кто из парней? А может не парень вовсе, а шайтан или алмасты, она ведь не помнит. Все, что она повторяла, когда выпытывали имя: «Пещера, проклятая пещера...» И больше ничего. Нечистая сила все себе прибрала.

Такие истории людей пугали, а еженощный душераздирающий крик бедняжки Зулий не давал о них забыть. Дети перестали ходить в пещеру, где раньше любили играть в прятки. С тех пор как они забросили излюбленное место, стали забываться и детские забавы. Играть в других местах им казалось не таким веселым занятием. Хажилянту это было по душе. Детей все больше увлекает темнота, а тех, кто боится, легче усмирить.

Сердце Мисоста билось все чаще, пока он приближался к пещере Герпегежа. Хоть и недолгую жизнь он прожил, но полную воспоминаний. Старая пещера... С ней связаны его детство и юность. Разве только его? Всех жителей села. И ушедших, наверняка, тоже. Теперь здесь все решает Хажилянт. Для людей это было местом отдыха, игр, беззаботных развлечений. Отобрать у них это – все равно что лишить их радости,

смеха, жизни. Мисост всегда терпеть не мог Хажилянта, вот еще добавилась причина.

Услышав топот копыт в темноте, Жанхот со спутниками затаились. Поначалу решили, что это тот, кто едет в пещеру поменять лошадь. Мисост, догадавшись, решил обозначить свое присутствие:

– Думал, вы уже добрались, Жанхот.

– Тебя ждем, парень, вместе-то лучше. – отозвался Адамир дрогнувшим голосом.

– Лучше подойти пешими, давайте коней здесь привяжем и...

– Ну уж нет, Исламгери, если ты решил своего коня отдать сверх гнедой Жанхота, дело твое, а я своего не оставлю, – решительно отрезал Адамир.

– Думаешь, уведут?

– Уверен! А ты что думал?

– Не спорь, Исламгери, правду Адамир говорит. Кого оставим с лошадьми? – спросил Жанхот.

– Если хотите, я останусь, – сказал Мисост, не желая обидеть старших.

– Нет, пусть Адамир останется, – ответил Жанхот.

Выругавшись про себя, Адамир согласился.

– Как скажете, останусь сторожем. Только пусть Исламгери потом на меня не пеняет.

– Что ты такое говоришь? Я, по-твоему, ребенок? Раз уж кто-то из нас должен остаться... так для всех будет лучше. Правда, Мисост? – Исламгери показалось, что Мисост оскорбился и пытался его задобрить.

– Еще бы, – сказал Мисост и незаметно для всех ухмыльнулся. – Тут четыре отменные верховые лошади остаются, если так подумать, что может оказаться в пещере? Какая-нибудь кляча...

– А вдруг там моя гнедая, зачем так говоришь? – обиделся Жанхот.

– Нет, Жанхот, не она. Разве осведомитель не сказал, что ее обменяли на другую лошадь. – снова поддакивает Мисосту Исламгери.

– И то правда. Ну, пошли, – сказал Жанхот.

– Будьте осторожны, конокрады – коварный народ. Вдруг их будет несколько, не дайте вывести лошадь, кого-нибудь пристрелите, остальные сами сознаются, – напутствовал вдогонку Адамир.

– Смотри, что он несет, – громко засмеялся Исламгери, но Жанхот шикнул на него, и тот замолчал.

Исламгери – первый, за ним Жанхот, замыкающим шел Мисост, так они добрались до герпегежской пещеры. В темноте вход в пещеру кажется еще чернее. Прислушавшись, они слышали храп лошади. Сомнений нет, в пещере точно находится лошадь. Жанхот приободрился: неужели он напал на след гнедой? Даже если ее поменяли, за тем, кого

оставили здесь, рано или поздно вернутся, и тогда... Мысли Жанхота прервал быстрый звук шагов.

Все трое замерли в темноте. В пещеру, тихо насвистывая, вошел человек, явно не опасавшийся слежки. Исламгери в своем укрытии зажег головню и встал во весь рост. Вошедший в пещеру заметался, его тень кривыми линиями бросалась то на одну стену, то на другую. Потом тень исчезла, человек нашел убежище и спрятался за мокрым камнем. Не понимая происходящего, притихла и лошадь, ее глаза светились в темноте. Стоя за камнем, Исламгери осветил пещеру:

– Кто здесь? Брось оружие и выходи, нас трое! – От последних слов спутника Мисосту стало стыдно, и он бросил взгляд на Жанхота.

– Видал героя? – тихо отозвался Жанхот.

Сидящий в пещере не шевелится. Только слышно, как кто-то дрожит, как загнанная в угол собака, и лошадь наострила уши, должно быть, решив, что возле нее прибилась испуганная псина.

– Отвечай, кто ты? Нас трое, и у каждого ружье, – снова прокричал Исламгери.

– Эт-т-т-о я, у меня только кинжал. Прошу, пощадите, не стреляйте...

– Выходи на свет.

– Иду.

Исламгери поднес головню к лицу мужчины. Жанхот решил, что ему померещилось, и стал тереть глаза, Мисост громко рассмеялся, и этот звук пронзил пещеру и темную ночь. Перед ними стоял Хамирза-конокрад.

– Черт бы тебя побрал, какая нелегкая тебя сюда принесла? – спросил Жанхот, забыв об украденной лошади и еле сдерживая смех.

– Ло-шадь, моя лошадь... каурая...

– Чтоб тебе провалиться вместе с твоей каурой, где гнедая Жанхота? – в нетерпении спрашивает Исламгери.

– Обменял, не знаю. Ай, ты зачем меня сбиваешь, Исламгери, не знаю я ничего про Жанхота... поменял, говорю же, обменял...

– Кого обменял?

– ...Каурую.

– С кем поменял каурую? – спросил Мисост, утирая слезы, – насмешил ты нас. Так кому, говоришь?

– Я не знаю, на базаре в Пятигорске встретились...

– Вшивой шапке своего отца эти байки рассказывай. Почему к тебе на обмен не пригнали?

– Ты моего отца из могилы не вытаскивай, Исламгери, я тебе так задам, что искры из глаз посыплются. Узнаем тогда, кто тут вшивый.

– Ты, болван, обмен своей лошади обстригал, когда у Жанхота гнедую украли? Ты знаешь, осел, что приходивший сегодня осведомитель указал, что в этой пещере спрятана лошадь, которую обменяли на гнедую?

– Как? Когда? Доносчик на базаре не захотел, в пещере каурая, как? – Хамирза так разволновался, что просто сыпал словами.

– Оставь, Исламгери, – сказал Мисост, сжалившись над попавшим в переплет Хамирзой. Несчастливого и на горбу верблюда собака кусает, вспомнилось ему. Вон как все обернулось.

– С него сейчас взять нечего. Берите лошадь под уздцы и выходим, – Жанхот вернулся к тому месту, где ждал Адамир. Разозлившийся Исламгери зашел в пещеру, вывел лошадь и идет вслед за остальными. Больше всего он злился из-за Мисоста. Простолюдин, а ведет себя будто князь. Жанхот, непонятно почему, перед ним благоговееет и щадит его.

Утром каурая Хамирзы оказалась в пустом сеннике. Хамирза сначала подбежал к ней и обнял за шею. «Вернулась», – радостно сказал он. Потом вспомнил свои ночные злоключения, оглядел обступивших его людей и добавил: «Улизнула».

– Раз уж каурая улизнула, может, и та пропажа вернулась? – с издевкой говорит Исламгери. Все направились во двор Исламгери, чтобы взглянуть на лошадь, которую обменяли на лошадь Жанхота (теперь в этом никто не сомневается – каурая Хамирзы – вот она, никуда не делась). Увидев толпу, заполняющую двор, бедняжка Зулий, которой мать расчесывала волосы, вырвалась и выбежала на улицу, причитая: «Не надо, пожалуйста, не приводите эфенди!»

Хажиянт протянул руки к небу и тихо прошептал молитву. Потом рывкнул на Исламгери, мол, какое твое дело, зачем лошадь привел в свой двор?

– Жанхот сказал вести. Вон он сам, спроси его!

Бедняжка Зулий, босая, с развевающимися на ветру волосами побежала по улице. Мать, не поспевая за ней, умоляла: остановите, она к обрыву побежит. Ребята пошустрее догнали ее, но она вырывается. Схватить ее накрепко им не позволяет совесть, все же молодая девушка, а бедняжке терять нечего, царапается, кусается, вырывается. В конце концов Исламгери ухватил дочь под шею и под бедра накрепко, будто в капкан, и оторвал от земли. Несчастные и отец, и дочь. Это все, что подумали люди. Когда Зулий заперли в доме, все снова оглянулись на Хамирзу-конокрада, мол, теперь твой черед. Хажиянт, очнувшись, велел привести лошадь из конюшни Исламгери.

Черная лошадь, на которую, как клялся Хамирза, он обменял свою каурую, уж точно когда-то была неплохой. Как у самых породистых, голова у нее была небольшой, а тело стройным. Но она была такой тощей и невзрачной, что определить ее породу было крайне затруднительно. На бедрах и лопатках уже не было шерсти из-за многочисленных клейм. Наверняка не один конокрад выжигал предыдущее тавро и ставил новое. Одного вида Хамирзы в тот момент хватило бы, чтобы перерезать

тихонько всех конокрадов, сказал позже об этом дне Жанхот. И он был отчасти прав.

Хажиянт, Адамир и прочие ставили под сомнение каждое слово Хамирзы. Неизвестно, на что он способен, прикидываясь дурачком. Самый пропащий мужчина воду в ступе мутит, а если это адыг, у него девять дел на уме. Такую мысль при всех высказал Исламгери, еще больше настраивая всех против Хамирзы. Хажиянт бросил на него грозный взгляд. Эфенди, разумеется, знал, что Исламгери на дух не выносит Хамирзу, особенно в последнее время, когда тот при каждом удобном случае упоминает его несчастную дочь Зулий. Хажиянт нисколько не сомневался, что Исламгери останется доволен, если сейчас при всех Хамирзу опозорят так, что он до конца своих дней не отмоется. Но эфенди не спешил. Оставить такое дело без должной огласки он, конечно, тоже не собирался. Разве можно оставить без внимания злодеяние? Хажиянт, бывало, из мелочи раздувал повод для назидания. Так он укрепляет свою власть среди людей. Слова Исламгери напомнили ему о случившемся с его дочерью. Нет уже в селе ни старших, ни младших, кому о том было неизвестно, а эфенди все повторяет, смакует, и люди слушают, усваивают урок.

Вскоре после случая с бедняжкой Зулий в дом эфенди приехал один князь: так, мол, и так, наш мулла посоветовал обратиться к тебе, потому что ты много знаешь. Дочь мою обманули, а обидчик безродный забулдыга (смотрите-ка, Хамирза, в сравнении с этим, достойный мужчина), в общем он умер. Никто не узнал, пока не выяснилось, что она беременна. Теперь и выдать замуж как полагается невозможно.

Ох, как Хажиянт стал сокрушаться и убиваться. Вот, мол, весь род адыгов Всевышний теперь проклянет. Затем спросил родословную князя. Тот начал с отца и деда и без запинки назвал всех до седьмого колена.

– Видишь, – сказал Хажиянт, – ты из достойного княжеского рода, в настоящей адыгской семье воспитывался, знаешь свое прошлое, чтить честь и обычаи предков. А теперь ублюдок, который родится в твоём доме, чье имя назовет? Без никяха отца нет. Сказано ведь, хочешь соврать, свали все на мертвого. Тот ли парень его отец или кто другой? А вдруг ваша дочь обманывает? Не говоря уже о вере, посмотри на это по-людски: от того, кто своего отца не знает, что хорошего можно ожидать? Ни в чем пользы от них нет.

– Что теперь делать?

– Тут один обычай для всех. Ты сам должен раскаленным железом прижечь груди дочери...

Хоть никогда о таком обычае не слышал, князь промолчал. Хажиянт намного старше его, знает наверняка больше.

– Такой обычай не вчера появился, – продолжает эфенди. – Твоя дочь принесла большой позор. Чтобы из ее груди не вышло ни капли

молока, ты должен прижечь раскаленным железом. Хуже, чем дать жизнь безродному – выкормить и вырастить. Воспитаешь такого – и уже весь род запачкан, того и гляди останутся одни ублюдки и падшие женщины. Аллах, убереги нас, мусульман, от такой напасти.

Уже не первый раз Хажилянт придуманное им самим выдавал за обычаи и законы, и постепенно люди принимали это на веру. Суровый князь исполнил все, как сказал Хажилянт, а по весне отправил ему в знак благодарности стельную корову...

Имя Хамирзы теперь в народе склоняли вдоль и поперек во многом благодаря стараниям Хажилянты, Исламгери и Адамира. Поначалу ему льстило, что его заподозрили в краже лошади Жанхота, и из-за него приходил осведомитель. Однако то, как все обернулось, дошло до него слишком поздно. Ему припомнили и вчерашние советы Жанхоту, и его предположения о том, что его одурачили. Вот и Исламгери солгал, что запахом мака и отравить можно, но никто ему не возразил. Эти слова тоже приписали Хамирзе. Раз за разом все, что Хамирза когда-либо сделал, вынесли на обсуждение. Решили отправить дело на разбирательство судь. Уж конечно, раз Хажилянт принимает участие, как бы ни выкручивался Хамирза, его расколуют, как орех. В конце концов, как и с бедняжкой Зулий, будет пытать имя того, кому он обменял лошадь.

Все было шито-крыто, но Жанхоту никак не верилось, что его гнеду выкрал Хамирза. И он решил:

– Погодите, Исламгери, Хажилянт, не торопитесь, давайте обдумаем.

Спустя шесть дней после кражи гневной Жанхот снарядил коня и, взяв в попутчики Мисоста, заторопился в дорогу. Всадники спешили к дому конокрада Темиркана. У привязи стояли две оседланные лошади – сивая и чалая. Судя по их виду, обе устали и проголодались, вон как нетерпеливо перебирают ногами. Когда Жанхот с Мисостом подошли привязать своих коней, те недовольно фыркнули и ударили копытами о пыльную землю.

Увидев двух лошадей, Жанхот расстроился: к Темиркану гости пожаловали, потолковать не выйдет. Он хотел встретиться с Темирканом с глазу на глаз. Судя по этим лошадям, гости никуда не торопятся. А вдруг компания выпивает? Только этого не хватало. Однако шума не слышно, непохоже на веселое застолье.

Увидев гостей в окно, Темиркан сам вышел навстречу.

– О, добро пожаловать, Жанхот, здравствуй, Мисост. Давайте-ка, заходите. Прошу, Жанхот, проходи, – сказал хозяин, бросая грозный взгляд на Мисоста. Разумеется, он понимал, по какой причине эти двое почтили его своим вниманием. Хозяин проводил их в кунацкую и распорядился накрыть на стол. Жанхот вежливо отказался. Обрадовавшись,

что догадка его не подтвердилась, и гостей у Темиркана нет, он решил сразу приступить к разговору.

– Прошу, Темиркан, не сочти за неуважение. Ты знаешь, в каком положении я сейчас. Надеюсь на твое понимание. Это звучит немного по-детски, но, может, ты видел мою лошадь? Тяжело у меня на душе, если тебе что-то известно, скажи, а если ты угнал, признайся без утайки, клянусь честным именем отца, оставлю лошадь тебе в подарок и обещаю, что ни один волос не упадет с твоей головы. Хочу, чтобы сердце мое, наконец, успокоилось.

Еще никому не доводилось видеть Жанхота таким жалким. Сердце Мисоста сжалось, а вот Темиркана, похоже, ни одно слово не проняло. Недаром он предводитель конокрадов, что ему до слез и переживаний? Жесткий и решительный, он не остановится ни перед мольбой, ни перед угрозами, а совестить его вовсе бесполезно. Он всегда не прочь выпить, устроить скандал или драку...

Мисост и сейчас почуял запах перегара. Лицо Темиркана покраснелось, и он был чрезвычайно словоохотлив. Жанхот решил, что это ему на руку, у пьяного что на уме, то и на языке, быстрее все выложит. С другой стороны, они сюда пришли не для того, чтобы услышать, какой конокрад славный малый и как он чтит обычаи (подумав об этом, Жанхот про себя ухмыльнулся).

– Я конокрад, Жанхот, я князь. Отец мой был конокрадом, и дед тоже. Если хочешь знать, я этим горжусь. Настоящий князь или сам крадет, или, как в твоём случае, у него крадут. Я бедняков не выношу. Посуди сам, бог от них отвернулся. Украсть у них нечего, а протянешь им украденное – так они и съесть толком не могут, все разжевать и в рот положить надо.

– Кого это ты накормить не смог? – с усмешкой произнес Мисост.

– Я тебя хорошо знаю, парень, ты помалкивай. Я с Жанхотом разговариваю. Уже и спокойно поговорить старшим не дадут. Если бы твою лошадь выкрал я, Жанхот, уж поверь, ты бы ни сном, ни духом не ведал, а я бы нашел по такому случаю предлог устроить праздник жертвоприношения. Твою лошадь, которую, как ты клялся, никто не сможет увести! Не тут-то было, Жанхот. Сейчас везде глаза и уши. Поверь мне, – Темиркан тряхнул головой, словно бык в упряжи, – всю эту неделю я не меньше тебя ищу, везде спрашиваю про твою лошадь. Только до сих пор ни единого следа не нашел. Даже мои друзья думают, что это я ее выкрал и спрятал. Вон доказательство. Сивая и чалая на привязи. Если б ты видел радость того, кому выпала удача забрать чалую, ты бы понял, каково это – проиграть на спор свою лошадь и оставить ее на чужой привязи. Да он и года на ней не сидел. Как говорят, кто коня найдет, того рассвет не застанет.

– За год рассвет не наступил, так, что ли? – снова усмехнулся Мисост.

– А ты никак рот не закроешь, парень. Сегодня Жанхот мой гость, я сегодня добрый.

– Я не один, Мисост тоже твой гость, – сказал Жанхот.

– Так-то оно так. Только что ты в нем нашел? Что ты вечно его с собой таскаешь?

– Не говори лишнего, Темиркан. Если о причине моего прихода тебе ничего не известно, что ж, будь здоров.

– Ладно, ладно Жанхот. Так вот, я говорил по поводу тех лошадей на привязи. В мое отсутствие их привязали, а сами ушли пешком. Думаешь, легко это? Но таково было условие спора. Сейчас, может, и лишнее болтаю. Те две лошади не единственные, которых сюда приводили. Сколько лошадей я велел увести прочь с этого двора с тех пор, как угнали твою лошадь, на целый табун хватило бы. И какие лошади, Жанхот. Но я не пойду против совести. Я доказал всем, что твою лошадь угнал не я, ты тоже поверь. Эх, если б это был я. Только когда выкрали твою гнедую, я понял, какой славой увенчал бы себя, если б смог ей завладеть. Если хочешь знать, я завидую тому, кто выкрал твою лошадь. Будто меня в скачках обогнали, причем с большим отрывом. Ну да ладно, – Темиркан на миг задумался. – Это дело прошлое, Жанхот, только вот в последнее время не к лошади твоей, а к тебе я присматривался. Из-за нее что ты со мной сделал?

– Ты не перегибаешь ли? – вмешался Мисост. От взгляда Жанхота не ускользнуло, как эти двое враждебно буравили друг друга глазами. Темиркан, видимо, решив, что после всего сказанного останавливаться нет смысла, продолжил:

– К моему ремеслу спустя рукава подходить не годится. Хорошо, когда дело по душе, а когда ты им одержим, назад дороги нет. Как знать, Жанхот, возможно тот, кто угнал твою лошадь, сделал два добрых дела. Во-первых, сохранил тебе жизнь, во-вторых, меня уберег от убийства. Как говорят, собаку без вины не убей, жену без вины не прогоняй. Мужчины без вины... Хотя ты сейчас на невиновного не тянешь. Мужчина за сказанное и содеянное ответ должен держать.

– Никогда в жизни безвинного...

– ...не убивал, хочешь сказать, Мисост Хачохов? Давай тогда, разоблачи меня. Попробуй сказать, что я убийца...

– Довольно, Темиркан, никто тебя не обвиняет. Все хорошо, – пытался усмирить Жанхот конокрада. Но Темиркан уже разошелся, с пеной у рта доказывая свою правоту, отчего его огромный нос и толстые щеки то белели, то краснели.

– Может, и ружье у тебя на ремне игрушечное, Мисост? Сейчас такое время, лучше убить кого-то, чем прослыть лгуном. Но ты докажи, без доказательств нет убийцы. Много с кем беда случилась – утонули или волки загрызли. Поди узнай, как их смерть настигла. А если найдешь тех, чья смерть на мне, так не прощай...

– Как насчет совести?

– Мисост, сейчас спор не имеет смысла. Кровной вражды между нами нет. Но если пожелаешь...

– Да что это с вами? Постыдились бы...

– Ладно, ладно, Жанхот, ты старший, твое слово закон... Ради совести все и делается. Совесть, отвaga или богатство. Чего еще? Хотя, уж прости за прямоту, Жанхот, еще ради женщин. Вот и все. Человеку, мужчине выпадает много испытаний. Первое – богатство, второе – женщины. Тот, кто устоял, идет дальше. Это честь, уважение. Их завоевывают доблестью, Мисост, запомни, если не знал.

– Премного благодарен, – усмехнулся в усы Мисост.

– Так-то. Запомни это. Чтобы не стать клятвопреступником, я любыми путями забрал бы лошадь Жанхота. Но кто-то меня опередил. Либо он более ловкий, либо более везучий. Теперь, чтобы сдержать клятву, я, как видите, навсегда покончу со своим ремеслом. Тех двоих лошадей на привязи заберут хозяева. Уж как они обрадуются, что я не сумел выкрасть лошадь Жанхота! Надо отдать должное его отвage, ей-богу, Жанхот, не обижайся, но тот, кто смог ее увести, достоин ее больше, чем ты или я. Надо уметь признавать. Ты подумай, с таким присмотром и охраной выкрасть и замести следы... Видит бог, будь это моя лошадь, даже если б сейчас мне ее вернули, я бы отдал как заслуженную награду. А потому, Жанхот, не унывай. Тому, кто тебя лишил самого дорогого, храбрости не занимать. Это я тебе говорю. Даже если ничего другого он в жизни не сделал, он достоин похвалы. Отвага есть отвага, хоть некоторые теперь пытаются всю ценность жизни запихнуть в карман или за пазуху. В жизни самое ценное совесть и доблесть. Тому, кто смог достойно совершить храбрый поступок, я завидую. Дobleсть окрыляет. Вот некоторые и думают, почему, мол, у меня таких крыльев нет? А нельзя кому-то зла желать. С тобой что приключилось, Жанхот? Ты нам, конокрадам, бросил вызов и шапкой своей поклялся. Конокрады не назначали платы или оброка. Клянусь богом, многие сами за мной бегали, просили заплатить, но я ни у кого не взял и медяка. Но что правда то правда, твой конокрад сделал это ради риска и бесстрашия. Я вот думаю, это кто-то мне неизвестный, тот, кто услышал, как ты поклялся и решил разорить и тебя, и меня.

– Бог его знает, – сказал Жанхот, поднимаясь. Мисост тоже встал. Из всего, что наговорил Темиркан, он сделал вывод, что его угроза была более чем реальной: «Ключевая вода для Жанхота течет до тех пор, пока он по осени не отправится в поход».

– Насчет Хамирзы у меня сомнения, – будто между прочим проронил Жанхот.

– Да, я и забыл. Слыхал такое. Кто знает, Жанхот? Я всякое видал. Хамирза мог это проверить, хоть и прикидывается простаком, на самом

деле он хитер. Я так говорю, потому что раньше он такое творил – не поверишь. Есть у него интересная черта – прижмешь его к стенке, он шутками да разговорами может дело замять, а если никто не узнал, то и взять с него нечего.

Таким образом все повернулось против Хамирзы. Мисост в этом окончательно убедился, когда задал Жанхоту вопрос:

– Постой, ты веришь тому, что сказал Темиркан?

– Ничего другого мне не осталось, Мисост. Были у меня сомнения насчет Темиркана, но это не он. Я не пши, никто мне лошадь не вернет с извинениями. Все указывает на Хамирзу. Если признается, укажет след, куда увели гнедую – будет ему пощада.

– А если нет?

– Если нет, есть судья, эфенди, пусть разбираются.

– Почему же? Если в царский суд...

– А-а, все они свою выгоду ищут. Если на то пошло, еще никого я не встречал, кто их судом свое дело смог разрешить. Одна выгода – взятки.

– Не говори так, Жанхот. Оттого что ты укажешь на Хамирзу, дело не заведут. Нужно во всем разобраться.

– А если разобраться, то зачем мне их суд? Чтоб мне провалиться, возьму его за глотку и заставлю сознаться.

Мисост любил Жанхота, но не того, кто сейчас стоял перед ним, а того мудрого, рассудительного и справедливого, которым всегда восхищался. Возможно, сейчас Жанхот был в сомнениях после разговора с Темирканом, или оттого, что уже не надеялся найти свою гнедую. Все эти дни до встречи с Темирканом он на что-то рассчитывал. Теперь и эта слабая надежда растаяла. Мужчине, которого опозорили кражей лошади, ничего не остается, кроме как обвинить во всем Хамирзу и пустить ему кровь. Это лучше, чем позорное неведение.

– Послушай, Жанхот, ответь мне. Ты и правда думаешь, что Хамирза выкрал твою лошадь и обменял? – повторил вопрос Мисост.

– Да, – в сердцах бросил Жанхот, невольно выдавая, что на самом деле он в это не верит.

Мисост хотел было что-то добавить, но Жанхот дал понять, что продолжать разговор не желает. Вскочив на коня, он резким ударом плети погнался за ним, выместив на нем всю злость.

По правде говоря, Жанхот никогда не выходил из себя по мелочам. Какая нелегкая привела его к Темиркану? У этого грязного пьяницы, воняющем кислятиной, он искал правды. Глупость ведет к глупости. И этот тип указывал Жанхоту, что такое совесть, честь и отвага. Теперь вот Мисоста слушает. Разве не позор? Не подобает это Жанхоту. Лошадь твою увели и следа не оставили. Лучше б ее съели волки, чем люди судачили, что Хамирза выкрал и обменял на облезлую лошадь. Уж лучше пусть говорят, что обидчика своего он наказал, хоть лошадь не нашел.

Эх, Хамирза, Хамирза-конокрад. В дом приходил, за стол садился и лошадь увел. А вдруг он напрасно человека обвиняет? Что, если это и вправду не Хамирза? Так ведь осведомитель, герпегежская пещера... Совсем Жанхот запутался. Не дает совесть сказать, что он так решил. Если адыг лишился лошади, лишился всего.

До наступления полудня совет старейшин во главе с Хажиялантом вошел в кунацкую Жанхота. Раньше, если нужно было рассудить что-то, летом собирались они под тремя старыми ивами у реки. Говорили, что эти три дерева помогают отличить правду от лжи. Со всего села устремились сюда стар и млад, чтобы послушать клятвы Хамирзы. Проще говоря, им было любопытно, что Хамирзу, как когда-то бедняжку Зулий, будут пытаться, чтобы он признался, куда дел гнедую Жанхота. Ходили разговоры, что Хамирзе ничего другого не остается: либо он признается, либо ему прижгут губы раскаленным железом, как когда-то прижгли грудь дочери сурового князя. Народ, хоть и делает вид, что страшится крови, а любопытство берет верх. У адыгов ведь не принято наказание плетью или пытки, какой бы проступок человек ни совершил.

Теперь же чего только не придумают. Раз такие порядки пошли, значит, станут обычаем. И угораздило же Хамирзу влипнуть в историю. Будь это кто другой, не то, что признаться перед угрозой пытки, дал бы ответ так, что не поздоровится. А бедняга Хамирза за себя не постоит. Раз у мужчин стали выпытывать признание, как у женщин, того и гляди, до каждого доберутся. Как же так? Клеймить каленым железом? О чем только не судачат. Бедняга Хамирза ведь не скотина какая. Неужели Жанхот тоже забыл, что он адыг? Придется ли связать Хамирзу? Как ему жить после такого? Его род как с таким позором справится? Что они скажут, представ перед предками?

Обо всем этом судачат люди, им любопытно, что будет дальше. Больше всех трещали женщины, клялись, что не смогут посмотреть бедняге Хамирзе в глаза, а все же расходиться не спешили. Дети взгромоздились на деревья, взрослые, стараясь выглядеть невозмутимыми, стояли чуть поодаль, готовые, как только старейшины займут свои места, подойти поближе. Так и кружили люди вокруг трех ив, будто коршуны, высматривающие цыплят. Некоторые говорили, что не просто так подождли навозную яму неподалеку от трех ив, а по приказу Хажияланта.

Хамирзе дали месяц обдумать, что его ждет, если не признается, с кем обменялся лошастью Жанхота. Раз он стоит на своем, все взрослые мужчины рода должны поклясться в его невиновности. Потом двое честных мужчин из села должны свидетельствовать перед судом, что Хамирза лошадь не крал. Однако в защиту Хамирзы со всего села вышел только Мисост. Да и того эфенди отверг, придумав какие-то причины.

Хажиянту это не сложно. Сначала он сказал, что свидетелем не может быть тот, кто не перечислит своих предков до седьмого колена. Видимо, он рассчитывал, что Мисост, чья семья стала свободными крестьянами не так давно, свою родословную не знает. Мисост же, зная о порядке, без запинки перечислил всех предков. Старшие его слова подтвердили. Тогда Хажиянт заявил, что Мисост якшается с гяурами, гостит у них и не соблюдает пост и намаз. Ни старшие, ни сам Мисост на это ничего не смогли ответить. Так Хажиянт вывернул, что клятва Мисоста ничего не стоит. Он ничем не смог помочь Хамирзе, хоть громко спорил с эфенди.

Бедные жители села, чьи сердца охватил страх от спора Мисоста и эфенди, поднимались и уходили прочь. Хажиянт говорил, что голод, болезни и несчастья люди получают за свои грехи. Позволяют шайтану себя обмануть, перешагивают через священную веру. За грехи одного отвечают трое. В такие времена, прежде чем клясться за кого-то, надо хорошо подумать. Уж лучше смиренно сложить руки и опустить взор.

Кто-то пустил слух, что Хамирзе назначат сто ударов розгами и что исполнит приговор Исламгери. Это еще больше взбудоражило народ. С другой стороны, стали говорить, что Хамирза с Исламгери старые друзья и тот сжалится, не станет его истязать. Другие спорили, что Хамирза не на шутку разозлил Исламгери и уж теперь-то поплатится. Многие вспомнили, как однажды перед честным народом человека наказали ста ударами. Не то турок это был, не то татарин или кумык, точно никто не помнил. Но и тогда бедняга украл лошадь. И у кого? У дедушки Жанхота. Тогда тоже все думали, что не позволит он связанному человеку выпить сто ударов. Однако ведь и бровью не повел. Видно, и вправду, когда адыг лишается лошади, он не знает пощады.

Сославшись на сильную жару, Хажиянт перенес суд в кунацкую Жанхота, чем весьма расстроило сельчан. Их будто лишили чего-то важного. Но перечить Хажиянту никто не осмелился.

Спешно привели Хамирзу в дом Жанхота. Бедняга был не подпоясан, и рубаха свисала, словно женское платье, – ни дать ни взять живой мертвец. Все же как важен пояс с оружием для мужчины. Вид у Хамирзы жалкий, он весь ссутулился и поник. Догадавшись, о чем думают окружающие, он присобрал рубаху, уперев руки в бока. От этого небольшого движения он сразу приосанился, будто давая понять, что храбрым смерть не страшна.

Когда Хамирза переступил порог гостевой, все замолчали. Хажиянт что-то сказал. Люди стали говорить: «Тише, помолчите», отчего гул только нарастал. Тогда кто-то крикнул:

– Давай-ка громче, Хажиянт!

Разговоры в гостевой стали более различимы. Исламгери и Адамир поклялись на Коране, что у Жанхота был осведомитель. Мисост тоже не отрицал, что видел Хамирзу в герпегежской пещере. Хажиянт сказал:

– Хамирза, от тебя клятвы не требуем. Если, кроме всего прочего, ты станешь клятвопреступником...

– Эфенди, Жанхот, люди, не губите. Поклянусь Аллахом и Кораном, что не видел я эту лошадь.

– Тоба, тоба скажи, безбожник, – побагровел от ярости Хажиялент. – Думаешь, игрушки это? А?

Хамирза-конокрад сам себе рыл яму. Сказать, что не видел гнедую Жанхота – все равно, что сказать, что на лысой голове эфенди выросли волосы. Люди, которые до сих пор ему сочувствовали, теперь смотрели осуждающе. Кто-то вспомнил историю о некоем мужчине, который обманул народ, принеся клятву. «Однажды некто украл корову, и его заставили принести клятву. Тогда он велел уложить себя в люльку собственного внука. Его запеленали и тут же распеленали. Когда ему велели положить руку на Коран и поклясться, он замялся. Все вокруг были уверены, что он вот-вот признается, убоится божьей кары, однако тот, не моргнув, положил руку и сказал: «Клянусь Аллахом и Кораном, что не то что корову, но и курицу чужую не брал с тех пор, как меня распеленали. Если лгу, не сойти мне с этого места». Раз он не упал замертво на месте, значит не лжет, решили все, и так он остался безнаказанным.

Вот и дело Хамирзы-конокрада свелось к байкам и шуткам. Как знать, если бы сейчас с ним что-то случилось, умом тронулся или умер на месте, люди бы сказали, это потому, что он лжец.

Хамирза громко закричал:

– Не подходите, клянусь, оплатитесь!

Но что он мог сделать, с голыми руками, без оружия. Когда приносишь клятву на Коране, оружие при себе держать нельзя. Так учит Хажиялент.

– Ой, что делает, – всполошились стоявшие у двери.

– Что? Что он сделал? – стоящие за их спинами поднимаются на цыпочки, пытаясь что-то рассмотреть. Бедняга Хамирза решил, что терять ему нечего, бросился к эфенди и выбил из его рук трость, однако в руке эфенди осталась рукоять с клинком и, оседая, он удержался, опираясь на него.

– Смотрите, у Хажиялента внутри трости клинок, – удивленно произнес кто-то.

– Ну так чему удивляться? Этот лысый в разных переделках бывал, – ответил второй.

– Вот сейчас что-то будет, – потирая руки, говорит тот, что стоит у двери.

Вдруг раздался нечеловеческий крик: «Ой-ой!» Хажиялент ядром из пушки вылетел из кунацкой, не понимая, что произошло. Его пнул Мисост. Бледный как полотно, Мисост обратился к Жанхоту:

– Жанхот, твою лошадь украл я, но не для того, чтобы эти бессовестные, – он бросил гневный взгляд на Хажиялента, – пытали беднягу

Хамирзу. Я не могу всего сейчас тебе объяснить, но если так у нас и дальше пойдет...

– Клянусь, я выпущу тебе кишки при всем честном народе, – Хажилят неловко выпрямился, выхватил до недавнего времени скрытый от всех клинок и с почерневшим от злости лицом двинулся на Мисоста, однако толпа его не пропустила, и он снова остушился.

– Да покарает вас Аллах, нечестивцы. Вам это с рук не сойдет. И тебе с рук не сойдет, Хачохов сын. Даже на хромой лошади кара тебя настигнет, проклятый гяур. Погоди, увидишь, – сыпал угрозами Хажилят, лежа на земле, но его никто не слушал. Всем не терпелось узнать, как Мисосту удалось выкрасть лошадь Жанхота.

– Твоя лошадь в моей конюшне, Жанхот. Если кому любопытно, зачем я ее увел, так вот что я скажу: мы, адыги, любим лошадей, но из-за них друг друга выслеживать, охотиться, как на кабанов, считаю неправильным. Я бывал среди разных народов, все они основали свои государства, живут, разрастаются и развиваются. А мы скоро превратимся в кучку никчемных отбросов. Возможно, я это понял только сейчас, но это правда. Чтобы было яснее, твою гнедую я выкрал, потому что Темиркан поклялся тебя погубить. А если он надумал, тебе от него не спастись. В наше время нечасто человечность одерживает верх над подлостью. Если вы позволите таким, как Хажилят превращать наши хабзэ в гнусную мешанину, не останется адыгов, только калеки да душевнобольные. Посмотрите, что происходит. С молчаливого согласия Исламгери Хажилят бедняжку Зулий свел с ума.

– Все в руках Всевышнего, грязный ты подлец, – закричал Хажилят.

– Дочь того безжалостного князя, будто овцу, клеймили, да еще наградили эфенди коровой за услугу, – продолжил Мисост.

– Потому что таков закон. По-твоему, лучше, если безродные среди нас будут ходить? Побойся Всевышнего, на все его воля. Поэтому ты здесь, поэтому ты заговорил и признался в краже. Даже если мы не знали, а Аллаху все видно, и что Хамирза невиновен, а иначе, поклявшись, он упал бы замертво. Он направил меня. Ясно тебе?

– Довольно уже, Хажилят. Дай послушать, как Мисост вывел лошадь из конюшни Жанхота, – перебил его молодой парень.

– Да, правда, как он туда вошел?

– Как ты вошел в конюшню, Мисост? – спросил Жанхот, который никак не мог взять в толк происходящее. Мисост немного помялся и поведал то, о чем спросил Жанхот:

– Бедняжка Зулий невольно стала мне помощницей. С тех пор как Темиркан принес клятву, я твердо решил: если не уведу лошадь Жанхота, он из-за нее погибнет. Но не знал, как все повернуть. Я следил, когда он выходил по ночам или задерживался по вечерам, но не мог решиться, риск был велик. Тогда я заметил, что он выходил на крик бедняжки

Зулий, когда она убегала по вечерам, и подолгу с тревогой смотрел ей вслед. В ту ночь Зулий была особенно беспокойной. В свете полной луны, несмотря на погоню, она со всех ног неслась к обрыву. Кто знает, может безветренная жаркая ночь ее тревожила. Посмотрел я – Жанхот тоже пошел. Да, люди, да. Если б я не забрал гнедую, Темиркан бы не упустил. Не потому, что Жанхот отказался платить дань, а потому, что тот принес клятву. Разве так правильно? Подумайте, как мы живем. Князья думают только о себе, народ сам по себе. Скоро мы все, как бедняжка Зулий, побежим к обрыву. С одной стороны...

– А ты кто такой, чтобы дела князей решать? С сеновала едва слез, а важный такой, что всех предков до седьмого колена знаешь. Видали мы таких...

Убедившись, что Хажилянта никто не слушает, Мисост продолжил:

– С одной стороны, жизнь наша неплоха. Живем по совести, чтим старших и обычаи. Наш уклад ясен, как те седые вершины гор. Только вот давайте поднимем снежный покров и глянem. Там или овраг, или обрыв.

Сложно было сказать, растрогала Жанхота пылкая речь Мисоста, или он обрадовался, что его лошадь не стала добычей Темиркана, но, обращаясь к Мисосту, сказал:

– Будь счастлив, мой младший брат. Ты не дал мне совершить ошибку.

Подойдя к Хамирзе, он крепко его обнял.

– Если б не было таких настоящих адыгов, и ты, и я пропали бы, Хамирза. Прости меня, брат. Я был несправедлив, прости.

Мисост рассчитывал, что далее Жанхот обратится к людям, скажет, что таким, как Хажилянт и Темиркан нельзя давать волю, что нужно собрать членов хасы из каждого двора в селении, что нужно принять правила и законы, которые объединят народ. Но ничего такого не случилось. Наша воля, наш суд – на том и расстались.

Если так и дальше пойдет, с одной стороны мусульмане, с другой гяуры, народ попадет меж двух жерновов. Если одна семья пойдет против другой, один род против другого – это конец народа.

О том, что на уме у Мисоста, никому дела не было. Все, о чем они могли думать и говорить – как же мастерски он смог вывести из конюшни лошадь Жанхота. Как говорится, из каменного сундука достал яйцо, не разбив скорлупы. Кто-то засомневался, не колдовство ли Мисосту помогло. Это дошло до ушей Хажилянта. Убедившись, что Мисоста нет рядом, будто между прочим заявил, что есть у него сомнения, не сошелся ли Мисост с черным джинном или шайтаном. Иначе как объяснить, что ему хватило десяти шагов бедняжки Зулий, чтобы вывести лошадь из каменной конюшни. Все это ложь.

Хажилянт говорил с нажимом. Сейчас главное – посеять в людях сомнение. Это первое. А уж после Хажилянт получит желаемое: отправит Мисоста туда же, куда и ведьму три года назад – в огонь. Непременно

прямо в пламя. По правде, до сих пор мужчин-ведьмаков не было. Но ничего, они ведь кем угодно могут обернуться: кошкой, собакой, змеей. Кто сказал, что в мужчину не может превратиться? Если мы не видали, не значит, что быть не может. Вот и посмотрим. Если удастся избежать, так тому и быть. А если нет... Посмотрим, кто тут отребье.

Эфенди представил себе охапки терновых колючек, разложенные вкруговую на расстоянии семи шагов с небольшим центром. Вот Хажилянт ведет Мисоста в круг и оставляет, сам поочередно поджигает охапки. Если после того, как все колючки сгорят, он останется жив, так и быть, в ведовстве не замешан. Но еще не было таких, кто спасся.

Размышления Хажилянты прервал Мисост. Он появился перед людьми верхом на лошади Жанхота, словно сияющий воин. И лошадь, и всадник были прекрасны, словно утренняя звезда – вроде знаешь, что долго смотреть нельзя, глазам больно, а взгляд не можешь отвести от восторга. Будто забыв обо все своих злоключениях, Хамирза, чуть с опаской, то зажмутив один глаз, то другой, смотрел на Мисоста, не скрывая восхищения. Хажилянт мог оседлать только осла или мула с тех пор, как его в детстве сбросила лошадь, но и он долго и пристально разглядывал Мисоста. То он видел всадника как есть, то с огненной шапкой на голове.

– Мисост, от всего сердца дарю тебе гнедую, – сказал Жанхот.

– Нет, Жанхот. Адыг свою лошадь не дарит. Тот, кто знает обычай, такой подарок не примет. Будь здоров и счастлив, пусть ничто вас не разлучит. Прости, в последний раз без твоего позволения сел на нее верхом. Если в седле черкесской лошади пусто, кажется мне, что чего-то не хватает, будто солнце стало квадратным, – тепло улыбнулся Мисост.

Казалось, гнедая понимает, о чем разговор, притихла, но на месте устоять не может, поворачивается к людям то одним боком, то вторым. Ни нагрудник лошади, ни седельные пряжки, ни колпаки газырей Мисоста, ни черненное серебро на его ремне не блестит на жарком летнем солнце. Все степенно и сдержанно. Лошадь высоко держит худую голову, парень расправил плечи под красивой черкесской, чем не нарт. Большие влажные глаза гнедой отражают небо, будто вот-вот оторвется она от земли, взмыв в голубую высь. Всадника из любой беды готова выручить.

«Готова ли?» – подумалось Хажилянту.

В это мгновение послышался душераздирающий крик:

– Люди, молю, не пускайте! Беда мне, догоните, остановите! Бежит она, уже близко!

То была мать бедняжки Зулий. Мисост пришпорил гнедую и, словно ветер, полетел в сторону обрыва. Вот только не успели, опоздали они с гнедой. На краю никого уже не было. Внизу, на уступе утеса, развевался подол красного платья Зулий, словно флаг на ее свадебной повозке.

Перевод Лилианы Шардановой

ТЕРЗАНИЯ СЕРДЦА

Снова весна.

Снова цветет сирень.

Снова птицы поют.

Снова вдалеке звучит мелодия и выворачивает наизнанку душу.

Та самая мелодия, оставшаяся в сердце навсегда.

Ты сидишь, Марьят. И ты одна. Одолеваемая мрачными мыслями, смотришь в распахнутое окно.

Кто же вогнал тебя в тяжелые думы? Весна? Расцветший после зимы мир? Или музыка, запечатанная глубоко в груди?

Нет, Марьят. Это сделало я, твоё сердце.

Я бережно храню воспоминания, которые разбредили доносящиеся издалека звуки весенней музыки.

Запомни, Марьят: сердце никогда и ничего не забывает.

Ты вспоминаешь странную ночь... Ночь, ценою в жизнь...

Какая же красивая была та ночь, Марьят!

Какая же короткая была та ночь, Марьят!

В комнату заглядывала полноликая луна. Горный ветер нёс запах весны. Издали доносились звуки твоей любимой песни... Они проникали в сердце, бредили душу и будоражили городские сны. Та ночь была настолько удивительной, что всё вокруг казалось нереальным, сказочным. Тебя переполняли мысли. Ты то выглядывала в открытое окно, то останавливала взгляд на муже, то замирала в его теплых объятиях.

«Муж». Тебе нравилось это новое слово, и ты с удивлением смотрела на любимого человека, с которым разделила свое тепло, — на Жансоха. Он, как и ты, был наполнен сладкими желаниями. Его грудь часто вздымалась и поднимала твою голову, лежавшую на ней. Ты чувствовала себя самой счастливой девушкой на свете. И радовалась тому, что тот, кого ты считала самым лучшим, оказался настолько близко к тебе, что стал твоей половинкой. Ты надеялась, что так будет всегда: чудесный вид весенней луны и биение трепещущего сердца Жансоха.

— Посмотри, Марьят, какая она красивая. Она никогда не была так прекрасна. Она словно улыбается, благословляя с небес нашу любовь... Есть старая легенда про двух влюбленных: Солнце и Луну. Их неудержимо тянет друг к другу... Но у них нет ни малейшей надежды на встречу, потому что им суждено целую вечность бежать друг за другом по не-

бесному своду... Яркий свет этой несчастной любви согревает наш мир, тогда как самих влюбленных никто не может освободить от безысходного одиночества... Люди намного счастливее их, Марьят. Особенно ты и я! Мы ни на кого не похожи!..

Ты не ответила ему, Марьят. Его слова были наполнены такой огромной любовью, что ты промолчала, просто радуясь чистоте его души и мыслям, обращенным к свету... Жансох засмеялся, сжал тебя еще крепче в своих объятиях и снова заговорил:

– Я много думаю, Марьят, о том, что в мире много тайн и загадок, которые не под силу разгадать человеку. Но одну, кажется, я разгадал: какими бы цветами ни окрашивалась жизнь, она всегда прекрасна! Ежедневно свет луны освещает наш мир, а свет солнца озаряет наш мир ежедневно... Счастье есть! Просто иногда его надо искать и находить. А еще, надо верить, верить в то, что любые печали рано или поздно пройдут.

Ты слушала возвышенные мысли Жансоха, и удивлялась каждому его слову.

– Как же много у меня планов и надежд, Марьят! Главное, чтобы руки дошли до всего, к чему тянется сердце. Например, я мечтаю...

Ты знала, Марьят, что все, что он говорит, это не пустые слова, и что Жансоху под силу многое... Он был именитым художником и живописцем. Его имя гремело на самых известных выставках. И в том, что его ждет большой успех, не было никаких сомнений.

С той памятной ночи прошло несколько лет. Одна весна сменила другую. Одна наполненная любовью ночь сменила следующую. Но разве человеку дарована жизнь, состоящая только из радости и счастья?

Ты помнишь тот день, когда изогнулась прямая дорога вашей жизни? Забыла? Не думаю, Марьят. Такое люди не забывают...

Тогда тоже была весна. Стоял май. Жансох почти две недели расписывал стены гостевого дома в Приэльбрусье. Ты прекрасно знала, что ему предстоит работа, которую невозможно закончить и за месяц, но ты ждала возвращения мужа именно в тот день. И была уверена, что он обязательно придет. Обязательно! С тех пор как вы поженились, он ежегодно отмечал этот день особенным вниманием. Ведь это был день твоего рождения, Марьят.

Фатимат, мать Жансоха, скупилла тогда на базаре и в городских магазинах все, что было доступно, приготовила и заставила праздничный стол вкусными ароматными блюдами.

Смеркалось, а Жансоха все еще не было.

Вскоре пришли твои коллеги по работе – и, в радостном оживлении,

расселись за столом. Все было бы хорошо, если бы не отсутствие Жансоха. Гости подшучивали и намекали на то, что его, возможно, увлекла и задержала светловолосая горянка. Ты пыталась посмеиваться вместе с ними, но при этом не могла остановить поток совершенно других мыслей.

Как же пышно праздновали твои предыдущие дни рождения! Жансох приглашал своих друзей – художников, писателей, артистов. Они вместе с твоими гостями-врачами становились одним целым и весело, с шутками да прибаутками справляли застолье.

Твои коллеги надеялись и в тот год встретиться с ними, поэтому очень удивились, не увидев их. Вскользь поинтересовались их отсутствием, а потом потихоньку, по одному, по два разошлись.

Наверное, у каждой матери есть способность интуитивно чувствовать, что происходит с ее ребенком. Вот и Фатимат в тот день не находила себе места.

Говорят, когда сердце сильно тревожится, то обязательно что-то случается. И вот, словно в подтверждение этого, за час до полуночи зазвонил телефон. Ты вздрогнула, словно в сердце вонзилось что-то острое. Не сумев унять дрожание рук, все же, сняла трубку.

– Слушаю.

– Это дом Джатежевых?

– Да.

– Извини, сестра, если побеспокоил. Кем ты приходишься Жансоху?

– Супругой.

– Тогда... здесь... это... Не могла бы ты приехать в Тырнауз прямо сейчас?

– Что случилось?!

– ...По дороге в Нальчик... твой муж... В общем, машина перевернулась... Его доставили в тырнаузскую больницу... Все не так страшно, но будет лучше, если ты приедешь... Меня зовут Беслан, я хирург, друг Жансоха...

Печальное зрелище предстало тебе в больнице, Марьят: окровавленные бинты, безжизненные плотно сомкнутые глаза и губы... В ту ночь Жансоха буквально вырвали из лап смерти...

Немало горьких слез было пролито тобой, Марьят. Даже для меня поначалу было загадкой, кого ты оплакивала: Жансоха, саму себя или вашего шестилетнего сына? Да ты и сама не знала ответ, когда оплакивала ужасную трагедию, изменившую ход вашей жизни.

Ты часто заходила в опустевшую мастерскую Жансоха. А когда надо было принять важных гостей, тщательно прибиралась... Как же там было спокойно. Повсюду лежали эскизы мозаики, которой должны

были украсить фойе театра. На стенах висели гравюры с сюжетами из нартского эпоса. Но что более всего тебя увлекало и завораживало, так это недописанная картина, названная им «ИстамбылакIуэ». Жансох собирался написать еще несколько полотен на тему изгнания адыгов в Турцию. Но, как оказалось, было не суждено...

Все вокруг ждали, Марьят, одного: чтобы Жансох выздоровел и вернулся к работе.

После двух лет пребывания в разных больницах, врачи ампутировали ему обе ноги, и он настоял на возвращении домой. Но его беспокоили легкие и печень, задетые сломанными в аварии ребрами.

От прежнего Жансоха мало что осталось: лицо осунулось, как у покойника, конечности усохли, вид стал жалкий...

Но все-таки как прекрасна жизнь! Кто бы что ни говорил, но еще никто не уходил в иной мир по доброй воле, зная, что вернуться точно не получится. Но тогда почему по-особенному блестят глаза умирающего? А потому что между ним и той, от которой не получится убежать, стоит яркий свет. И имя ему – Надежда! Нет ничего, что ценилось бы человеком больше, чем надежда.

Не родился еще человек, который не шел бы за ней по пятам, не бежал бы вдогонку, тяжело дыша, не полз бы за ней на животе, выдыхаясь, из последних сил. Так и не было на свете людей, не обманутых лживыми обещаниями Надежды. И даже тогда, когда свет жизни гаснет в застывающих глазах, человек до последней минуты надеется, что ему достанется то, что не досталось другим. Но он не слышит, как горящая дьявольским огнем Надежда хихикает из бесконечной тьмы.

Эх, Надежда, Надежда! Как же ты прекрасна! Как же особенно сладка твоя ложь, когда жестокий рок заносит над человеком свой клинок.

Вот так и протекала жизнь Жансоха – под лучами твоего фальшивого солнца. Некогда раскаленные угли из очага его жизни потихоньку догорали. И только глаза в черных глазницах говорили о том, что он хочет жить. Они беззвучно кричали и безмолвно молили о здоровье, о котором мечтало сердце. А ты, Марьят, смотрела на него только с жалостью, когда обострившаяся боль безжалостно скручивала его. Как же он не был похож на прежнего Жансоха! Прежний был высокий, красивый, сильный, быстрый, веселый... и с ногами... А этот...

Долго держаться за хорошее прошлое оказалось тебе не под силу. Вскоре ты перестала скрывать, что отстраняешься от Жансоха и его матери Фатимат. Накопившиеся потаенные мысли, не давали спать по ночам. А родители еще больше подкармливали огонь, сжигавший тебя изнутри. «Не дури, – говорила твоя мать, до аварии не чаявшая души в зяте. – Ты еще молода и красива. Возвращайся в родительский дом.

Никто не осудит и ни в чем не обвинит. А там, глядишь, встретишь другого и познаешь счастье... Вот и Заурчик так привык к нам, что не хочет уходить».

Конечно же, ее слова совпадали с тем, о чем ты тихо мечтала. Но как это сделать? И тогда ты начала искать причины, чтобы постоянно к чему-то придирааться. А разве мало в жизни поводов для недовольства, Марьят? Особенно, если она тяжелее, чем у всех!

Жансох догадался, почему ты себя так ведешь. Подгадав, чтобы матери не было дома, он сказал тебе:

– Марьят, все что было между нами – прошло... Прошлого не вернуть. Я не могу обещать тебе, что будущее принесет радость и спокойствие. Я не знаю, каким оно будет, Марьят. И я не хочу, чтобы твое счастье засохло на руинах моей сломанной жизни. Возвращайся домой... За мной присмотрит мать...

И, вместо того, чтобы с радостью улететь в рай родительского дома, ты насупила лицо, надула губы и пустила слезу.

Эх, лицемерие, лицемерие! Какими же отвратительными ты делаешь людей.

– Я давно поняла, – оскорбленно заявила ты, – что вы с матерью ненавидите меня. А значит, мне нечего делать в этом доме!

Ты запихнула вещи в первый попавшийся чемодан, громко хлопнула дверью и ушла, так и не сказав ни одного доброго слова людям, которые сделали для тебя много хорошего.

Ты ушла именно тогда, когда Жансох нуждался в тебе, в твоих словах, в твоем смехе, который был для него самой красивой мелодией. Он не думал, что все разрушится вот так сразу. Он надеялся, что взгляд твоих глаз станет лекарством и исцелит его боль... Тот самый взгляд, излучавший раньше свет любви. Жансох отчаянно хотел верить в то, что любовь всё еще живёт в твоём сердце. Но его надежды растворились в фальшивых слезах лицемерия. Он не окликнул, не остановил тебя, а потом даже не оплакал. Боль спряталась глубоко внутри него.

После того, как от него отказалась та, которая, как он думал, любит его, он остался с той, которая любила его на самом деле – с матерью.

Снова весна.

Снова цветет сирень.

Снова птицы поют.

Снова вдалеке звучит мелодия и выворачивает наизнанку душу.

Та самая мелодия, оставшаяся в сердце навсегда.

Ты сидишь, Марьят, у распахнутого окна, словно ничего не случилось.

Так всегда. Вселенной нет дела до того, как живут люди. В противном случае, разбирая хорошее и плохое, правду и ложь, из которых

соткана человеческая жизнь, она дала бы трещину и рассыпалась. Ведь во всем происходящем виноват человек, Марьят, и изменить что-то может только он.

Вот ты и сидишь, утопая в вопросах, ответы на которые не найти и за тысячу лет. Как же их много, Марьят. Они существуют испокон веков.

Думай, Марьят, думай. Тебе есть и что вспомнить, и о чем сожалеть.

Жансох... Ты надеялась быстро забыть его. Но ты ошиблась, потому что он остался навсегда во мне, в твоём сердце...

После того, как ты оставила его, он не прожил и года. У твоего лицемерия не хватило терпения на этот короткий срок. Бедная Фатимат ненадолго пережила своего сына...

Тебя это горе не коснулось... Ты до сих пор живешь в достатке, о котором мечтают люди. Муж твой из тех, про которых говорят «как сыр в масле катается»...

Но есть на свете то, что не может дать никакое богатство. Это свет! Свет, который женщина ищет в мужчине. Наверное, ты из тех женщин, Марьят, которые не могут быть счастливы без этого света. А твой муж оказался из тех мужчин, которые его не излучают.

Жизнь твоя протекает тихо, гладко, но я-то знаю твою тайну. С годами образ Жансоха все чаще и четче предстает перед глазами. Ты чувствуешь свою вину и пытаешься спрятаться от нее, но не получается. Не получается, потому что именно этому человеку ты отдала меня, свое сердце... А сердце можно подарить один раз, Марьят! Один раз!.. И никому другому у уже не достанусь.

Как же тяжело жить с нелюбимым человеком, да, Марьят? При-творяться, что нравятся ненавистные поцелуи, засыпать под скучные разговоры в холодных объятиях... Так ты и живешь, Марьят.

Я знаю, что тебе хочется все забыть и жить так, словно ничего не произошло! Жить без всего, что тревожит и терзает тебя.

Но тебе не избежать моего наказания...

Сердце ничего не забывает, Марьят.

Сердце ничего не прощает, Марьят.

ЛутЫж, Борис К., Тхыгъэхэр: усэхэр, сонетхэр, новеллэхэр, пьесэхэр. Налиык: Эльбрус, 2010.

Перевод Залины Лукожесвой

СОВА
Сказка-быль

У изножья древнего дуба пищит что есть мочи маленький птенец. Может, болит у него что? Или просто дурно воспитан? Или испугался, оставшись без матери? Возможно всякое. Собрались вокруг лесные звери и птицы, не знают, что делать со своенравным птенцом, выпавшим из гнезда. Шумят, суетятся, но никто бедняжке не поможет.

– Это уже который птенец! – причитает расхрипавшийся заяц. – Сколько им ни говори, все без толку, не умнеет птичий народ.

– Мне кажется, сами матери выбрасывают детей из гнезд. Думаете, не могут? Еще как могут. Если много птенцов вылупилось, прокормить всех не могут, вот выкидывают самых прожорливых, ей богу! – вторит зайцу медведь.

– С чего им прожорливыми быть? Не медведи поди... – произносит кто-то робко.

– Знаете, чего понять не могу? Не можешь прокормить – зачем плодиться? Вот я, к примеру, думаете, не мечтаю о лисятах? Мечтаю. Так и вижу востроглазых рыжих малюток с белой грудкой и носом-пуговкой, как у меня. Ну, заведу, а потом что? Пустить их по миру, чтобы не знали, куда головы приткнуть?

Тем временем птенец пытается приподняться, но снова падает. Лиса крадется к нему на цыпочках, обнюхивает и брезгливо фыркает:

– Фу, даже волк не решится отведать этого маленького вонючку. Но... Если вы не против, заберу я его к себе в нору и буду за ним приглядывать, пока его кто-нибудь не хватится. Все хотят псапэ ¹, богом клянусь, позабочусь о птенце.

Все разом замолкают...

– Эх вы, вам ли не знать, что лиса с птенцом сделает? – ухает с верхушки дерева сова. – Иди ко мне, никто тебе из них не поможет. – Подсаживает бережно птенца к себе на спину и взлетает.

– Эй ты, головастый, если бедный птенец еще раз с дерева упадет, то поминай как звали его. Вдруг передумаешь, смотри, из гнезда не выбрасывай, спусти обратно на землю, – язвительно произносит медведь.

Раздается взрыв смеха, и непонятно – то ли в угоду косолапому смеются собравшиеся, то ли им и вправду весело.

¹ Доброе дело, поступок (каб.).

– Ну, если вам хватило зрелищ, можете расходиться, – отвечает сова на лету.

– На что угодно готова поспорить, сова себе обед несет. Ей богу, провела она нас, из-под носа кусок мяса увела. Ох и хитер совиный народ, больно хитер, – не умолкает облезлая лиса, трусящая вслед за медведем.

– Совиный народ, говоришь? А лисы каковы? – Медведь, шедший вразвалку, выкидывая тяжелые лапы, останавливается и смотрит на лису.

– А-а-а, о чем ты? Лисы... Во всяком роду найдется кто-то плохой, и если пара лис хитрыми оказались, не стоит по ним обо всех судить! Ты хоть и большой, но не прав сейчас.

– Эй-эй, ты знаешь, кто прав, плешивая? Тот, кто сильнее, так что помалкивай там, где есть звери сильнее тебя. Полакомиться можно только тем, кого одолеть можешь...

По пути к гнезду спасительницы ослабевший птенчик успевает вздремнуть и набраться сил.

– А чем питается мелюзга вроде тебя? Справишься с одной упитанной мышью? В этом году их много развелось, так что пирую я часто.

– Мне мать червей скармливала, – пищит птенец.

– Ну и дела, буду сейчас искать корм для тех, кем питаюсь! Может, тебе еще и воду в сите носили?

– Я могу и не есть, главное полежать да отдышаться, я, я-я-я...

– Не вздумай здесь умирать, а то начнут говорить, что я тебя съела, еще и в песне высмеют.

В общем, принесла сова жирного червяка, жалкий птенчик тотчас его и съел. Не успела сова отвернуться, глядит – в гнезде не птенец, а соенок сидит!

– Подумать только, что это, глазам своим не верю!

А соенок, моргая, к спасительнице жметя.

– Я тут забыл тебе сказать, что я не простой птенец. Я принимаю облик того, кто меня кормит. Вот так вот.

– Хм-м. Не надо меня разыгрывать. У меня чуть сердце не остановилось, жалкий птенец! – хмурится сова, впервые на своем веку увидев чудо.

– Если хочешь знать, я не жалкий птенец.

– А кто ты тогда? Индюк? Медведь? Волк?

– Не помню. С тех пор как на свет появился, я постоянно меняю облик. В самом начале был медведем, нет, горихвосткой, или медведем, или лисой.... Ну как бы там ни было, сейчас я сова.

– Как это?

– Этого не могу сказать, но уж нет на свете существа, которым я не был. Эй, если правду говорят, то совы мудры. Ничего не могу сказать по этому поводу, но то, что вид у вас грозный, это точно, недаром же

говорят: хмур как сыч. Ой, хотел сказать, сидите себе на верхотуре и свысока на всех смотрите.

– Много не говори, внешность твоя хоть и меняется, а ум все одно короткий.

– Ерунду говоришь. Послушай, лучше, что я придумал. Давай устрой нам сладкую жизнь этой препротивной лисе.

– А давай ты лучше вспомнишь, кем был.

– Это неважно, мне та лиса покоя не дает. Помнишь, как она взъелась на меня? Как подумаю, так кровь вскипает.

– Оказывается, ты готов отомстить за себя. А вдруг ты на сородича войной пойдешь? – смеется сова.

– А что с того? Тот мне сородич, кто меня кормит, а на всех остальных мне плевать.

– Эх, будь ты один такой, смяли бы тебя и забыли, но, на беду, вас много таких. Знаешь, чего не пойму? Как ты будешь лисе противостоять? Она заглывает все, что перед ней оказывается, даже мухами не брезгует, а ты для нее лакомый кусочек.

– Я сова, а мы, совы, мудрые, придумаю что-нибудь.

– Прошу тебя, не позорь меня, называя себя совой. Посмотри на себя, всклокоченный, лохматый, тобой разве что детей пугать.

– Вот и посмотрим!

– Если удастся задуманное, даю слово – всю жизнь тебя кормить буду. Считаю, повезло тебе тогда, всю жизнь совой будешь!

– И зачем мне такое бестолковое благодеяние? Говорю тебе, не смогу я еще шестьдесят лет хмуриться!

– Эх ты, недотепа! Совы столько не живут!

– Хм-м, так ты хуже меня! Хотел, чтобы я совой жил и рано умер?

– А разве твою жизнь назовешь жизнью?

– Может, ты этого и не знаешь, но жить ради кого-то – самообман.

– Сейчас заведешь старую песню – «живу ради чести своего рода, у нас испокон веков красивые обычаи»... Много таких сказок я слышал. Ничего это не значит. В конце концов, ты поймешь, что все это был обман, окажешься у кого-то на крыше и будешь сидеть угрюмым вестником.

– А что в этом плохого? Мы приходим к лучшим, к тем, кого скоро не станет.

– Да уж, чем гордиться!

– А что в этом плохого? Те, кто знает о нашем назначении, сможет подготовиться к своей кончине.

– Хм-м. Как? Возьмут кусок мыла, обмотаются тканью, крепко закроют глаза и радостно прилягут? Ей-богу, смешно. Слышал, как говорят «совы мудрые», решил, что вы и вправду особенные...

– Ради бога, посмотрите на эту горихвостку! А ну-ка давай, улепетывай отсюда, да подальше!

– А теперь пораскинь мозгами, если бы Создатель не относился ко мне благосклонно, разве создал бы меня таким?

– Очнись, ты, несчастный, как раз наоборот, совсем неблагосклонен Он к тебе. Упаси Боже, жить так, не зная, какого ты рода.

– Подумать только. А те, кто знает, кем они рождены, прямо в достатке живут и в радости! Будь я нужен тем, к кому принадлежу, то заботились бы обо мне, а не бросали бы меня друг другу по очереди.

– Я теперь понял! Знаешь, кто ты? Ты кукушка, так и есть. Кукушка. У них есть привычка подбрасывать свои яйца другим птицам.

– Перестань, они грязнокровки. Я! Я, я никогда не смог бы подбросить своих птенцов другим.

– Прекрати. Ты раб тех, кто тебя кормит, что уж о твоих птенцах говорить.

– Вот сейчас как обижусь, как...

– Не посмеешь. Обидишься и уйдешь от меня? Нет, нет, только не это, не переживу я этого.

– Какие же совы черствые, сердца ваши каменные!

– Дожил, недосовенок меня отчитывает!

– Прости, если обидел. Я никуда не смогу уйти, ты же знаешь, что у меня никого нет, кроме тебя.

– Как видишь, и у меня нет семьи! – отвечает сова, простирая крылья и хмурия брови.

– Послушай меня. Принеси мне полынь, барбарис и корень кориандра, – приказывает новоявленный совенок.

– Бестолочь ты самовлюбленная! Сейчас же, пока не устроили тебе взбучку, собирайся да уматывай из моего гнезда.

– Вы, совы, не знаете, как жениться, откуда вам знать, как гостей потчевать.... А теперь слушай меня. Если не будешь делать, что я говорю, очерню тебя перед всем лесом, худую молву о тебе разнесу.

– Да пожалуйста. Одним слухом больше, одним меньше.

– Что скажу всем...

– Что? Негодник ты, паршивец!

– Когда сова меня к себе в гнездо унесла, увидел в нем полно маленьких черепов. Детенышей всех тех, с кем справиться может, а также всех, на кого осердится, съедает сова. Все пропавшие в лесу малыши – дело рук совы. Так и скажу!

– Ты совсем с ума сошел? Я малышей ем? О, Мезитх²! Все знают, что я очень люблю малышей.

– Вот именно поэтому все и поверят моим словам.

– Полынь, барбарис, а что было третье, дохляк, чтобы ты хромым остался...

² Покровитель леса в адыгской мифологии.

– Корень кориандра...

– Да чтобы ты и тебе подобные без корней остались!

– Погоди, а разве совы не по ночам перемещаются?

– Как видишь, и м-м-мы меняемся, – отвечает сова, взмахивает сильными крыльями и улетает из гнезда.

– Хм-м, невоспитанная какая. Даже не попрощалась, – кричит вслед совенку.

– Хоть бы тебя ветром из гнезда сдуло к моему возвращению, – ворчит сова в полете.

Ближе к вечеру все необходимое было в гнезде.

– А еды нам принес? Голова от голода кружится, – жалобно спрашивает совенку.

– Нет, дорогой, хватит, накормили тебя один раз, и довольно.

– Мои кишочки болят, вот бы червячка заморить, хотя бы одного!

– Мир большой, сейчас спущу тебя вниз, и трескай на здоровье всех насекомых, которых в лесу отыщешь.

– Ишь чего, а! Меня там самого съедят.

– С удовольствием посмотрю, что станется с тем, кто тебя съест.

– Неужели сможешь своего сородича кому-то скормить и глазом не моргнуть? Представь себе эту картину! Хорошая из тебя вышла бы мамочка, как же!

– Что правда то правда, хорошей матери из меня явно не вышло бы...

– Почему так говоришь? Есть в тебе милосердие, иначе кто бы спас меня?!

– Кривляка, какой ты кривляка! Я совень, понимаешь ты или нет... Филин.

– А, вот оно как. Ладно, оставим спор. Значит так, встанем рано утром, соберем росу, это единственное, что осталось.

– Вот встанешь и сам соберешь, мы, совы, поздно встаем.

– Ничего с тобой не станется, если один раз рано поднимешься.

– И не подумаю. Что это вообще такое? Еще немного, и слугу из меня сделаешь! Вот возьму и мигом тебя проглочу

– Не дури! Я тебя отблагодарю.

– Не хочу!

– А я тебе скажу, где много упитанных мышей водится.

– «Благие дела убогих сами убоги». Слышал такое? Последний раз тебе повторю, а ты запомни! В этом огромном лесу нет существа мудрее совы. Понял? От таких, как ты, не нужно нам ни советов, ни наставлений. Мы сами прекрасно справляемся.

– Хорошо, ладно, не убивайся ты так, сам встану...

На следующее утро совы проснулись далеко за полдень, солнце давно успело слизать всю росу с земли. С трудом собрали по капельке

с цветов и замешали зелье для лисы. Но теперь встал вопрос – надо же лису им накормить.

– Ну когда я уже от тебя избавлюсь? Сколько раз тебе говорил, не буду я лисе зелье давать.

– А кто обещал мне помочь? – возражает совенком.

– Забываю спросить, а что с лисой станет от зелья?

– Увидишь!

– Говори! – требует сова, нависая над совенком.

– Ну... м-м-м... Лиса больше врать не сможет.

– Ха-ха-ха. Бедняжка. Разве можно так с лисой поступать? Она бы скорее предпочла, чтобы с нее заживо шкуру сняли.

– Так поможешь мне?

– Уговорил, в кои-то веки повеселимся.

Сова ловит жирную мышь, хорошо обмакивает ее в зелье, а потом обе совы относят ее к реке, куда лиса пить ходит. Подвесив мышь к ветвистой иве, совы взбираются повыше и начинают наблюдать.

Наверное, лиса голодная проснулась:

«Цып-цып-цып, жирный индюк,

Вырос в лесу, откормлен на совесть,

Попадись ты мне хворый,

Никто бы о том не прознал,

От воды только жажда утоляется,

Ох, как я голодна, о Мезитх,

Подкинь мне сегодня индюка...»

С этой песенкой появилась лиса и тотчас мышь заметила.

– И вправду, Бог есть, – говорит лиса, хватая мышь и проглатывает, тут же рыгнув от отвращения.

– Фу-фу-фу. Раньше вкуснее мыши были. Тьфу, – плюётся, высоко задирает голову. – Наверное, в другом дело. Моя бабушка из уорков³ была, значит, и во мне течет дворянская кровь. Никогда мы такими объедками не питались, всегда мяса у нас вдоволь было. Эх. Кровь не вода, ее не обмануть, а тем более благородную кровь. Тьфу, тьфу, а это что? Не змея же эта мышь, почему так горчит? – Лиса трясет головой и вдруг резко меняется. – Ты чего голову морочишь, жалкая лиса? Какие дворяне, какая благородная кровь? Эта бабушка, которую я упомянула, от голода умерла. А отец, о котором я всем рассказываю, как о лисе-смельчаке, пал жертвой ленивого охотника. Что до моих дел, так они и вовсе плачевны – сама голодаю, еще и блохи заели. Ох, горе мне, горе, – плачет навзрыд лиса.

Услышала ее жалобный плач птичка, сидевшая в густой листве ивы, спустилась вниз к лисе и спрашивает:

³ Дворяне у адыгов.

– Самая красивая из лис с прелестной шерсткой, что случилось, чем тебе помочь?

– Чем сможешь ты мне, маленькая, помочь? Мало мне осталось жить, умираю. Умираю я, и прежде чем на тот свет отправиться, покаюсь. Грех на мне, это я съела твою бедную мать.

– Разве? Дело ведь как было. «Скажи, когда есть меня соберешься», – спросила тебя мама. – «В ср-р-р-еду», – ответила ты, и она вылетела из твоей пасти. Забыла?

– Это было в первый раз, а во второй раз... я не сказала ей день...

– Так и поделом тебе, убийца моей матери, – бросает птичка и улетает прочь.

– Ох, горе мне, умираю... Даже птицы теперь от меня нос воротят, – причитает лиса.

В это время плескался у берега журавль. Подбирается смело к лисе и спрашивает:

– Отчего плачешь, пышнохвостая?

– А ты что – увидел, что умираю, и осмелел? Подходишь ко мне без страха, ох, представляю, какой ты вкусный...

– А зачем мне тебя бояться? С тех пор, как вынудила тебя моя бабушка голову в кувшин с молоком засунуть, знаем мы, как ты погибнешь, вот и не боимся совсем.

– Хм-м. Если бы в этом была моя погибель, не сидела бы я здесь. А хочешь, расскажу тебе про то, как твоя бабушка погибла?

– Как?

– Да от моих острых зубов! Ох и полакомилась я тогда. Не переживай, судя по всему, она сразу в рай попала.

– Ах ты, злая лиса! Пусть конец твой станет таким же жалким, как и твое существование! – выкрикивает журавль и улетает.

Так и продолжала сидеть лиса под густой ивой, причитая. На этот раз ее плач привлек волка. Смотрит он на лису то так, то этак, но ничего не говорит и близко не подходит.

– Эх, серый, не жалеешь ты меня, умру я, а ты останешься. Может, не станет меня завтра, как же мне худо! Съела одну мышь, а она как будто предназначена лис губить.

Волк очень медленно подходит к рыжей и смотрит на нее:

– Кажись, и впрямь умираешь, губы посинели, да и бледна ты, подруга!

– «Посинели» говорит, – плачется лиса. – Конечно, посинели, как у твоего деда, когда предложила ему однажды зимой в прорубь хвост опустить, чтобы рыбу ловить, Хвост тогда и примерз. Как его селянки коромыслами били, видел бы ты. Я на горе сидела, все своими глазами видела. Так испугался твой дед, что деру дал, да про хвост свой забыл. Ей богу, забыл...

– Ах ты, проклятая, так это из-за тебя наш род «куцехвостым» обзывают?

– Эх, из-за меня.

– Убью тебя! – волк готов вцепиться в лисью глотку.

– Я и так помираю. Съела одну мышь, а она мне костью в горле встала.

– Если вправду помираешь, так и хвост тебе не нужен, – с этими словами дергает он бедную лису за прекрасный хвост и довольный убеждает с добычей.

На плач лисы являлись разные звери и птицы, каждому она поведала, какая вина перед ними на ней лежит. И такой шум в лесу поднялся, такой гам, что никто друг друга не слышит. Сорока поспешила к медведю, все ему рассказала, тот примчался и глазам своим не верит, смотрит на взбеленных зверей и птиц и отдает такое распоряжение: все звери и птицы, обитающие в лесу, должны собраться на хасэ⁴ до захода солнца.

Времени до заката оставалось много, и разбрелись обитатели леса по домам. Обе совы отправились на охоту.

– Вот, ешь. Ладно, побудь еще немного совой, – говорит филин, бросая еду на лист лопуха.

В мгновение ока все уплели. Чего греха таить, вкусно поели. Чистит свои перышки соенок да говорит:

– Слушай, может, и не нужно нам на хасэ ходить? Мне кажется, и не заметят нас вовсе.

– Ты глупый совсем? Не услышал приказа медведя?

– Услышал, а что с того? Прекрасно, если старейшина и большой хасэ соберет. Чем он лично мне помог? Стоял столбом, когда я полумертвый лежал.

– Диву даюсь, какой ты невоспитанный, совсем хабзэ⁵ не следуешь. А если так продолжишь себя вести, ни в одном лесу не уживешься! Выходит, ты еще и клятвопреступник.

– А ну-ка объясни мне, чем медведь лучше тебя. Все знают, что ты самый умный! И в лесу славись добрыми поступками. А все равно старейшина медведь... Уважения силой не заслужить. Как видим, в лесу кумовство процветает.

– Лохматый, есть какая-то правда в твоих словах.... Если на то пошло, то у нас, птиц, должен быть свой старейшина. Мы, хранители неба, отличаемся от обитателей леса. Как ангелы смерти и жизни, мы находимся между небом и землей.

⁴ Совет, собрание у адыгов.

⁵ Свод правил и законов у адыгов.

– Вот-вот. Тогда зачем тебе идти на хасэ, который медведь собирает? Если хотят тебя там видеть, почему не известили отдельно? Разве ты не заслужил?

– Хабзэ ни в ком не осталось, брат. Раньше совы большим уважением пользовались. А сейчас... Знаешь, что еще толкуют? Будто медведь вместо себя лису поставить хочет...

– Лису?

– Слабо в это верится после того, что случилось. Погоди, что такое? Почему я такой болтливый стал?

– Так на сердце у тебя легче стало, тебе в собеседники нормальная сова попалась.

– Ты! Куда ты дел остатки зелья?

– Ну, они были здесь на лопухе...

– Недосовенок, что ты натворил?!

– Что теперь делать будем?

– Съем тебя, и все.

– Не пойдет. Съешь меня, и что дальше? На хасэ тебя спросят, как я поживаю, и что ты ответишь?

– Хорошо, после хасэ с тобой разделаюсь. Готовься, но только zapomни, не дай Бог, ты там чего лишнего сболтнешь, ошпилю тебя, мать родная не узнает!

– А если ты сам чего лишнего скажешь?

– И тогда тоже тебя ошпилю.

Собирается хасэ, все в группы сбиваются, друг друга ругают, а что удивительно – никого вниманием не обходят. Совы садятся на большую грушу, под которой расположились обитатели леса. Тут шакал смотрит на них и говорит:

– А вот и прибыли – ученая сова и ее кусок чурека.

Все смеются.

От этих слов злятся совенок и выпаливает:

– А мы много чего знаем, что вам не известно, даже то, отчего лиса честная стала.

– Прекрати, хочешь, чтобы на нас все набросились, узнав, что это мы приготовили зелье? – произносит сова.

– Садитесь оба передо мной, – приказывает им подошедший медведь и затягивает пояс.

Обе совы садятся в середину круга, опустив головы.

– Во-первых, благородный филин, расскажи нам, откуда прибыл твой сородич, а во-вторых, куда ты дел птенца. Отправил к тебе сороку, осмотрела она твой дом, но нигде его не нашла. Съел ты беднягу или умер он?

– Старейшина, если можно, не давай мне сегодня говорить, мне лучше бы помолчать.

– Это почему?

– Мы случайно съели зелье, которым лису окормили, и теперь только правду говорим, – спешно отвечает соенок.

Поняв, что произошло, пришедшие на хасэ начинают смеяться.

– Лисе, конечно, досталось, но из-за вас перессорились все обитатели леса, это первое, и еще, ты не рассказал, что случилось с птенцом, это второе.

– Старейшина, так вот же он, стоит рядом со мной. Он становится похожим на тех, кто его кормит. Отнес я его в гнездо птенцом, а превратился он в сову. Я и сам сначала не поверил, но...

– Прекрати врать! Как не стыдно перед старейшиной!

– А когда это перестали врать на хасэ? – выпаливает весело соенок. – Хочешь правду, мы тебя не считаем хорошим старейшиной. Прежде чем сюда прийти, мы с совой о тебе говорили, и одинакового о тебе мнения. Сдается мне, так же думают и остальные обитатели леса. Просто боятся тебя, потому что ты большой...

Медведь от этих слов помрачнел, испугавшиеся его грозного вида звери и птицы пришли в волнение. Из толпы выбегает шакал:

– Царь наш, неправду они говорят, самую что ни на есть неправду. Давайте выгоним из леса этих двух колдунов. Кто знает, на что еще они способны.

– Да, давайте, выгоним, выгоним, – вторят ему остальные.

– Погодите, – грозит медведь посохом из бузины. – Сегодня я собрал вас по более важному делу. Насчет сов мы потом решим, кто знает, может, они нам помогут.

– Только накормите меня, – снова говорит соенок.

– И накормим тебя, и самого съедим, – отвечает ему шакал.

– Прекратите, а то свяжу вас друг с другом, да и скину с Харамы горы ⁶, – рычит рассвирепевший медведь. – На лес беда надвигается, – говорит он, ковыряя посохом землю.

– Какая беда? – спрашивают один за другим собравшиеся, голоса их разносятся эхом.

– Те, кто ближе к опушке живут, видели, что там появились люди, – они вырубают деревья. Не зная покоя ни днем, ни ночью, срубают деревья.

– Зачем им нужны наши деревья? – выкрикивает кто-то из толпы.

– Не знаю, только корни оставляют, а остальное с собой забирают. Не пойму я, зачем людям деревья, оставшиеся без души, но больно торопятся.

– Только пеньки остаются.... Как хорошо! Мне нравится на них на солнышке греться, люблю я пеньки... – молвит ласка.

⁶ Мифическая гора в нартском эпосе.

– Ах ты негодник, весь лес ведь в пеньки превратить могут! Какой же глупый ваш род, – еще больше заводится медведь. – Где старый ворон, пригласите его сюда, на место старшего, он живет на свете с тех пор, когда еще не появился на свет мой прадед, нужно его уважить.

Вдали от всех собравшихся сидят двое зайчишек и шепчутся:

– Везет же, смотри, сколько ему чести! Вот бы и мне так! Слово на больших собраниях давали бы. Но зайцы мало живут, поэтому не видать нам такого уважения...

– А что, охотник, который за тобой гонится, много чести тебе оказывает? – спрашивает второй заяц.

– Не знаю, никогда не встречал охотников, но мама говорит, что встретившиеся с ними больше в лес не возвращались!

– Интересно, что они делают с обитателями леса, которых себе забирают? Может статься, что дела у них лучше наших.

– Ваши дела улучшатся, когда попадете в мой теплый живот, – говорит шакал, облизываясь.

– За молчи, а то и тебя, и меня со свету сживут, – накидывается на шакала волк.

– Кто какой выход предложит в этой ситуации? – спрашивает медведь и оглядывает собравшихся.

– Ну... давайте все вместе из лесу выбежим и людей напугаем! – неуверенно предлагает комар.

– Допустим, сделаем по-твоему, а чем ты сможешь помочь? – спрашивает медведь, улыбаясь.

– Правду комар говорит, давайте прогоним людей, – соглашаются другие лесные обитатели.

– Вы думаете, что говорите? Кто-то из вас хоть раз встречался с людьми? Я вот встречался, и били по мне огненными палками. То, что вы предлагаете – путь к гибели. Мы не пойдем против людей, даже если нам придется в другой лес перебраться.

– А никто нас не пустит, – говорит куцехвостая лиса. – Много дел я натворила в соседнем лесу, говоря, что от всего нашего леса действую. А еще, Мыша, набрала много долгов от твоего имени, да не вернула, никто из тамошних не будет нам рад.

– Разорву тебя в клочья да по всему лесу раскидаю, лиса плешивая, что это ты за моей спиной вытворяешь?

– А что? Думаешь, я одна за твоей спиной что-то делаю? Просто остальные не признаются...

– А ну-ка замолчи! По тебе тоже решение примем, – говорит медведь и изгоняет лису из круга.

– Не отмалчивайтесь, предлагайте выход. Одним моим умом не обустроить нашу жизнь в лесу. Как что, сразу все умные. А в чем ум-то? Совы, летите сюда к нам. Расскажите, что вы думаете.

– Младшего не зовите, он не сова, – говорит сова постарше и спускается к медведю.

– Ничего страшного, пусть тоже летит, может, что предложит...

– Не знаю, уважаемый старейшина, я еще это дело толком не обдумал, но каждую ночь, когда лес облетаю, тоже замечаю, как он мельчает. Правда, кое-где молодые деревца появляются, но некоторые места совсем опустели... А что если нам в таких местах деревья посадить, посеет там семена?

– Не поспеем, сова, люди с каждым днем все больше подступают, а деревья годами растут. – А совенок что скажет? – смотрит медведь на спокойно усевшегося совенка.

– Мне кажется, что надо людей в лес вернуть...

Не успел он закончить, как разгневались все, загалдели.

– Закройте пасти и клювы, а то получите посохом по голове, – грозит сова медведю. – Может, тебе и не известно, совенок, но нас из лесу люди и гонят, как это их в лес приведешь, да и зачем они нам тут?

– Ничего вы не понимаете. Я говорю не о тех, что лес рубят, а о других. Не помню, где видел, но припоминаю, что мне встречались люди, которые лес любят. Они приходят в лес, отдыхают, корм нам приносят...

– Ага, а еще лис убивают и мех с них снимают, вот это, наверное, хотел добавить, – говорит лиса из-за дерева.

– Да кому ты нужна, плешивая, да еще и с куцым хвостом? – отвечает волк, и лес снова наполняется смехом.

– Нет, они никого не убивают, они отпускают тех, кто в капкан угодил, возвращают обратно птенцов, выпавших из гнезд.

– А-а-а, понял теперь, с чего ты облик менять стал. Ты, видать, маленьким из гнезда выпал, и тебя рука человеческая коснулась. Фу, человеческий дух! – говорит филин и кривится.

– Нет! Не пойму, почему вы так удивляетесь, но я все равно скажу – нам смогут помочь только люди. Я их знаю, а какие чистые сердца у их детей. Они очень нас любят.

– А как ты их в лес вернешь? – удивленно спрашивает медведь.

– Он правду говорит, клянусь, правда это. Когда я маленький был, люди были нашими друзьями, лес любили, мой дед много добрых историй о них рассказывал, – с трудом произносит ворон, – у моего прадеда была такая история...

– Ворон, сегодня некогда нам истории слушать. Нужно нам выход найти, предлагай, если что есть у тебя на уме, – едва произносит медведь эти слова, как обидевшийся ворон улетаёт прочь.

– Можешь и не возвращаться, – кричит кто-то вслед ворону. Толпа снова смеется, шумит, и каждый начинает своим мнением делиться.

– Постойте! Совенок, если больше ничего говорить не будешь, давайте так условимся: даю вам срок до завтра, соберитесь своими родами,

и каждый пусть придумает выход, а завтра до заката солнца ставлю срок старейшинам родов, – наказывает медведь, и все расходятся.

Утро принесло печальные новости. Люди спилили дерево, на котором находилось гнездо жаворонка, и все яички, выпав из гнезда, разбились, да и сама птичка сломала крыло, пытаясь спасти еще не вылупившихся птенцов. Долго она еще летала над скорлупками, горестно чирикавая. А люди то ли не заметили ее, то ли совсем были равнодушны к случившемуся...

С трудом долетела печальная птичка к медведю – жалко было на нее смотреть, настолько она сокрушалась.

– Не пойму одного – люди то ли могущественные, то ли бестолковые.... Самый сильный ветер, самая суровая зимняя пора, самое знойное лето ничего не сделали с деревом. Я толком не поняла, что случилось, когда люди дерево повалили. Разве в этом смелость? Они уничтожили дома всех птиц, обитавших на этом дереве, все яички. Весь наш мир рухнул с этим деревом. Не в этом ли глупость? – жалуется медведю птичка с кровоточащим крылом.

– Вероятно, жаворонок, в людях есть и глупость, и могущество. Сказать по правде, кажется мне, что мы вовсе не нужны людям. Но не пойму я, зачем они так над деревьями глумятся.

– Они дома строят, я видела дома людей, они строят их из дерева.

– Хм-м, интересно.... Ломают наши дома, чтобы построить свои... Как думаешь, может, они и нам дома строят? Может, они вырубают лес с благами для нас намерениями?

– У кого благие намерения, не станет твой дом сносить, твоих детей уничтожать. А еще мы не сможем жить в их домах. Они совсем не похожи на лес, в них нет души.

– Но ведь сами люди в них живут? Как говорит ворон, были времена, когда люди в лесу жили, и только позже стали дома строить. Может, и нас такое ожидает?

– Я парила над ними битый час, так вот – они ни разу на небо не взглянули. Они давно позабыли о небе... А еще говорят, что люди лучше нас.

– Обещаю тебе, жаворонок, положить конец бесчинствам!

На закате, как и было условлено, все снова собрались у старейшины, но, как говорят, «о чем сердце тревожится, на то вор и зарится». Всех одолело волнение. Возник пожар и нанес большой урон опушке леса и всем его обитателям. Больше всего досталось птенцам да зверенышам. Одни оставались в своих домах, пока родители отправились на поиски пищи, кто-то не успел вернуться, кто-то не понял, что происходит, так и случилось с детенышами непоправимое...

Ни разу в жизни медведь не чувствовал себя таким беспомощным, от этого злился еще сильнее.

– Никогда прежде не случалось с нами такого горя, братья и сестры. Скажу вам правду, не вижу я решения, не могу придумать выхода. Вероятно, мозг обитателей леса не в силах разрешить эту проблему. За себя не беспокоюсь, переживаю за братьев и сестер наших меньших, они толком ничего и не повидали в этой жизни...

Давайте вот как поступим. Пусть каждый расскажет, что знает о людях. И клянусь Богом, может, мы им и проиграем, но легко не сдадимся.

– Хм-м... как же его звали, того, кто к нам на хасэ никогда не ходит, того, кто был людьми приручен? А, краснозобка, точно, птица из орлиного племени. Вот кто много знает, – говорит лиса.

Послали за ним, и вскоре явился перед лесными жителями красноклювый орел.

– Брат, нам как никогда нужен твой совет. Ты жил среди людей, знаешь, как они живут, скажи нам, какие они, а главное, что они делают с птицами и животными? – с просьбой в голосе обращается медведь.

– Я жил в месте, где были одни животные, держали меня в отдельной клетке, как и всех остальных. Люди меня кормили, ухаживали за мной, но не заметил я, чтобы они чтили хабзэ, как мы. Оказавшись среди них, птицы и животные не остаются самими собой. Я не встретил ни одного существа, которое говорит на родном языке, помнит свои традиции и обычаи. Все они с радостью ели с человеческих рук, от которых жареным пахло. А вообще люди смелые, наши жизни в их руках, но не стоит их считать всемогущими, у них много слабых мест.

– А какой выход? Будь краток, прошу тебя, я оставила своих детей в норе, волнуюсь, а вдруг снова... – неуверенно произносит зайчиха.

– Нелегкая у вас задача. На мой взгляд, лучше поступить так. Соберите всех, кто погиб на пожаре, да положите на опушке леса. Во-первых, среди людей есть очень добрые, кто знает, может кому вас жалко станет. Во-вторых, если будет запах гнили, люди не смогут работать, и вы выиграете время.

– А кто отдаст прах своих сородичей на поругание? – говорит волк, понутив голову.

– Отдадут, волк, отдадут, по-другому нельзя, скажите, что я попросил, – отвечает ему медведь.

Так и поступили. Погибших птенцов и детенышей животных собрали и перенесли к опушке леса, чтобы люди проявили милосердие. Оказались среди них сердобольные. Орел не ошибся. Люди хоть и не перестали лес рубить, зато стали медленнее работать. Но все же продвигались все дальше и дальше, с каждым днем неся урон лесу. Позвал тогда медведь двух сов, приготовивших зелье.

– Сова, скоро мы потеряем лес. Не говорю я тебе, чтобы ты мою голову спас, прекрасно понимаю и то, что ты сам себя защитишь сможешь – перелетишь на другое место, и дело с концом. И так в лесу птиц

почти не осталось. Посмотри вокруг, видишь, как все напуганы. Могли бы мы в соседний лес переселиться, но полагаю, что люди и до него доберутся. Нужно что-то придумать. Все знают, что совы – мудрый народ. Лиса мне свидетель, даю слово: сможешь лес спасти – сделаю тебя старейшиной леса.

– Старейшина, желаю тебе долго править! Не нужны мне свидетели моей мудрости, и к правлению я тоже не стремлюсь. Самое главное счастье – свобода, а она у меня есть. Но не прощу я людям их злодеяния. Видя такую беду, как осмелюсь я перебраться в другой лес? Это низость! Ни одна уважающая себя сова так не поступит! Я к людям присматриваюсь, изучаю их тайны, но пока не знаю, как нам их одолеть. Дай мне время.

– Сам видишь, нет у нас времени.

– Я знаю, что делать, – говорит соенок.

– Что? – одновременно произносят медведь и сова.

– Давайте зелье приготовим!

– А?

– Зелье, говорю давайте приготовим.

– Зелье правды? Зачем нам их правда?

– Нет. Зелье, от которого люди умрут.

– Ты совсем дурак? Кто решится людей убивать? – возражает сова.

– Люди...

– Какие люди? – вытягивает голову соенок.

– Кто ты такой, чтобы их убивать?

– А скольких из нас они погубили?

– Прекрати, соенок, пока я из тебя самого корм не сделал. Нужно найти другой выход. Д-р-у-г-о-й. Забудь то, что ты предложил. Старейшина, есть у меня идея, посмотрим, что получится.

Ночью лес успокоился, но он больше не напоминал прежний лес. Больше не перекликались между собой кузнечики, лисы, искавшие себе спутников, птицы. Кругом стояла тишина. Все разошлись по домам и сидели настороженно, ждали неминуемого, даже вздремнуть себе не позволяли. Оставшиеся в живых птенцы и детеныши были грустны не по-детски. С каждым поваленным деревом ад становился ближе.

А филин каждый день садилась на ближайшее к рубившим лес людям дерево и начинала ухать. Услышав вблизи крик совы, люди говорили, что смерть близка и не шли туда, откуда раздавалось свиное уханье.

Утренняя роса испарилась, день был в самом разгаре, и проголодавшийся соенок, пролетавший над большим боярышником, увидел, что старая сова сидит на дереве, ухает время от времени и бросает вниз ягоды боярышника.

– Друг, что ты тут делаешь? Если у тебя живот болит, я тебе трав соберу, отвар приготовлю.

– Знаешь, как называется дерево, на котором сию, малыш? – спрашивает сова.

– Знаю, это боярышник, лекарство от многих недугов. Но он еще не созрел, ягоды собирают по осени, о-с-е-н-и.

– Нет, это молитвенное дерево.

– Как так?

– Прошу у Всевышнего милости для леса. Каждый день тысячи молитв возношу, и намоленные косточки по лесу разбрасываю.

– И ты в это веришь? Ждать, что кто-то спустится с неба и поможет нам – это глупость. Особенно для такой взрослой совы, как ты...

– Прекрати!

– Ради Всевышнего, ответь – почему не разрешаешь мне зелье приготовить? Ты что, в долгу перед людьми?

– Вероятнее всего, именно мне стоило в первую очередь убить людей, из-за них погибла моя семья, но...

– Что «но», не сиди тут, строя из себя праведника. Видишь же, что они с лесом сделали, или мало тебе погибших птенцов?

– Это я тебя совой сделал, хоть ради этого дай мне слово людей не трогать.

– Не пойму тебя...

– Брат, говорят, что мы тоже когда-то людьми были. Людьми. Я... я когда-то очень сильно мечтал человеком стать...

Однажды повалили старую бузину, и стеблем придавило уснувшего под ней олененка... Увидев детеныша с перебитыми ногами, люди поспешили к нему сквозь густой подлесок. Сам детеныш был крепкий, высвободился и убежал. Видят люди, что не нагонят они олененка, один из них прицелился в него из ружья. Но тут устремилась к нему сова и, размахивая мощными крыльями, бросилась негодяю в лицо. Олененок уцелел, но вот сове не повезло...

– Дурак, зачем убил сову? Говорят, это к несчастью. Нельзя сов трогать.

– Бабушка нам еще говорила про это. Говорят, у них душа человеческая, поэтому мордочкой на людей похожи, еще и умны...

– Да перестань, надоел со своими сказочками, – так, споря, уходили из леса люди.

Совенок в тот день в поисках совы не оставил ни одного оврага, ни одного боярышника. Надеялся, что сова испугалась и лес покинула, хотя понимал, что не способна она на это. И продолжал искать без устали. Чувал, что приключилось с ней неладное...

Весь лес опечалился, когда узнал о смерти совы. Может, никому эта птица пользы не принесла, но и вреда не сделала, ее мудрость помогала

рассудить спорящих, она была самой умной среди птиц и животных. И если до сих пор у зверей и птиц была надежда, что они уцелеют, то теперь уныние овладело ими. Самым неугомонным был совенок. Непонятно было, то ли он в азарт вошел, то ли от горя с ума сошел.

На следующее утро, едва рассвело, совенок отправился к медведю, стал кликать его с дерева, разбудил.

– Эй, совенок, ты все еще совенок? – спрашивает косолапый.

– Как видишь, еще два дня и две ночи буду им оставаться, а дальше стану тем, кто меня накормит.

– Как хорошо, что ты это сказал! Дай людям себя накормить. Стал бы человеком, спас бы нас всех, – невесело усмехается медведь.

– Мне это в голову еще в первый день пришло, да вот не смогу это сделать. Вы все тут хотите людьми стать, кроме меня.

– Тогда сделаю из тебя медведя...

– Чтобы меня из-за шкуры и мяса убили? Спасибо, не надо.

– А что ты тогда хочешь? Надо было раньше об этом задуматься, пока не разлетелись все лесные птицы.

– Не для этого я к тебе пришел, старейшина. Мне нужны змеи.

– Сколько?

– Семь разных змей. Не малыши, не старые, среднего возраста, чтобы яд был сильным, чтобы год в поле прожили, чтобы не были утомлены рождением и воспитанием потомства.

– Зачем тебе?

– Я соединю пчелиное и змеиное зелье...

– И убьешь людей?

– Сделаю так, чтобы они больше в лес не совались.

– Ничего не выйдет. Знаешь, что я понял? Не избежать того, что суждено. Очень много лесов, погибли, как наш, никто не спрашивал его обитателей, люди превратили эти леса в пустынные равнины, или сами в них устроились. Ты, наверное, слышал, что спасенный соевой олененок упал с обрыва и разбился. Я собственными глазами видел, как его родная мать сбросила. Я ее и не виню, его ноги несоро срослись бы, и чтобы он второй раз не попался людям, она его лягнула задними ногами.... И если раньше у меня хоть какая надежда была, то сейчас ее не осталось. Изменились сами обитатели леса, совенок. У зайчихи было девять зайчат, и когда она больше не могла их кормить, то отдала голодным волчатам. Люди ударили нас в самое сердце и убили нас, хоть и теплится в нас еще душа, совенок. Но клянусь, я без боя не сдамся, заберу с собой людей сколько смогу!

– Так помоги мне!

– Старая ласка поможет тебе всех змей собрать. Но будь осторожен. Змеи самолюбивы, прослышат, что колдовством промышляешь, живым не уйдешь.

- Я хорошо знаком со змеями.
- А теперь скажи мне, кто ты на самом деле.
- Я сова, никогда прежде не было у меня облика лучше. Все совы целители, все совы мудры...
- Не забывай, что когда-то ты был человеком...
- Я видел «хорошее» у людей и у сов. Гордиться нечем... Завтра рано утром приходи к боярышнику. Возьми зелье, намажь дикую яблоню с солнечной стороны там, где люди смогут достать, мажь густо, не жалейте, зелье будет замешано на крови, отчего яблоки станут красными, люди набросятся и станут есть.
- погоди, а чью кровь ты собираешься использовать?
- Свою, до зелья не дотрагивайся. Оставлю свои перья в коре дерева, вот им мажьте. И можно будет не бояться человека, который это зелье отведаст.
- Но съедят его всего несколько людей, а сколько их?
- Не переживай, многие узнают «вкус» этих яблок. Им не то что до леса, им даже не до себя станет...
- Совенок, с кем ты войну затеял?
- Вам всем кажется, что люди – боги. Если это так, если они всемогущи, то пусть найдут противоядие моему зелью, я тогда голову перед ними преклоню. Посмотрим, кто сильнее – люди или птицы?
- Не слишком ли ты далеко зашел?
- Год к дикой яблоне не подходите, она потом сама засохнет, не трогайте. Обходите то место стороной. Пейте воду у истока реки. Если с губ матери постоянно будет молитва сходить, то даже от одного ее поцелуя можно излечиться, расскажи об этом всему лесу. Как наказывал мой брат, старый совень, разнесите везде семена и молодые ростки, а излишки фруктов бросайте в речку, так лес разрастется.
- Ну хватит, раз это не твоя последняя воля, оставь что-нибудь и напоследок, малой.
- И последнее... Прошу вас, исполните то малое, о чем я попросил. Пусть я разделю судьбу смелой совы, умершей ради спасения олененка.
- Утром по приказу медведя все обитатели леса исполнили просьбу совы. Как только подошли люди к огромной дикой яблоне, сразу накинлись на спелые яблоки... С тех пор стало меньше в лесу людей, и потихоньку они вовсе перестали в лес ходить.

Звери и птицы вновь свободно расселились в своем «доме». Правда, они все еще оставались настороже, но.... Но как же сладок мир свободы! Совенок бесследно исчез. Кто-то говорил, что по ночам раздавался его крик. Молодые голуби клялись, что видели его в селе, что те, к кому он

наведывался, открывали в скором времени ворота для похорон. Кто-то и вовсе не считал случившееся его заслугой.

В лесу завелось много ворожей, и как результат – много надувательства и мошенничества. Звери вернулись к прежней жизни, ранней весной возвратились птицы и принялись за благоустройство своих гнезд, в лесу было много работы. Жизнь зверей и птиц вернулась в прежнее русло, чего нельзя было сказать о людях...

На этом я заканчиваю свою сказку, но разве на этом закончились дела мои на земле? Чуть не забыл, давайте познакомимся. Я сова, нет, я человек, нет.... Хотите правду, я не помню, кто я. С тех пор, как я появился на свет, я иногда зверь, а иногда человек. И мое назначение в том, чтобы и те, и другие не прекращали своего существования на земле. Наверное, вы видели, а если не видели, то слышали истории о зверях в человеческом обличье, или рассказы лесных обитателей о друзьях-людях. И если вы до сих пор в это не верили, то вот он я, сижу перед вами. И у меня много историй. Это правда, что я становлюсь похожим на тех, кто меня кормит, но я не ем из рук всех подряд. А это уже другая история... В этот раз я спас животных. А сейчас пойду и поем из рук какого-нибудь добряка... Того, кто питает свое сердце, не обращаясь в того, кто его кормит...

Перевод с кабардинского Светланы Сиховой

Поэт и драматург Мурадин Ольмезов стал лауреатом Всероссийской литературной премии им. А. Б. Чаковского «Гипертекст» 2026 года с книгой «Самум» (пьесы), представленной в переводе с балкарского языка (переводчик Л. Местич, издательство «Принт-центр», Нальчик). Торжественная церемония, посвященная финалу конкурса, прошла 28 мая в Большом зале Центрального Дома литераторов в Москве.

ПТИЧЬЯ ЗВЕЗДА

КОМНАТНЫЙ ЦВЕТОК

Красуюсь меж подарков и картин –
Изнеженный, как юный господин,
И за окном дождя глаза оленьи,
Лаская, изливают сожаленье.

Язык твой, дождь, зверью и людям ясен,
Лишь я один понять его не властен.
Я не умру ноябрьским днем суровым,
Не расцвету в апреле цветом новым.

И скажет гость: «Чудесен ваш цветок,
Я красоту его сравнить бы мог
С тем, как однажды пела мне на сцене
Мирей Матье и отражалась в Сене

В наряде переливчатом своем».
А мне и ветер, звездопад с дождем
И бабочки любовь... Всего лишь дни,
Но жизнь и сердце отдают они...

1980

СНЕГ

А снегопад – это музыка перед затишьем.
Видим, читаем, как ноты, хотя и не слышим.
Гибкая ива, на гладь положившая ветви,
В позе своей замерла, словно лебедь в балете.

Снег своей поступью в детскую сказку уводит.
Снег на пушистых зверей своим видом походит.
Вот осторожно крадется, как рысь на опушке,
Вот, словно кошка, улегся на белой подушке.

Снег над горами, как белая стая, кружится.
Снег кружевной пеленою на склоны ложится.
Снег у подножий, бывает, недели не тает.
Кто ни проходит – пороша следы замечает.

И тишина, тишина. Не вспорхнет даже птица.
Сторожевая дворняга залаять боится.
Слышится лишь поутру: затрещали поленья,
Топит охранник печурку в конторе правленья.

Холод задержится – снег не растает и в марте.
Тополь застыл кораблем на космическом старте.
Падают хлопья – и свет проникает в теснины.
Воздух становится чище и шире равнины.

1973

СЕЯТЕЛЬ

Я ранним утром на равнину выйду,
Сухую залежь я разборю.
Я смех девичий в землю зароню
И жгучую мальчишечью обиду.

И выйдет из обиды дождь грибной,
Из смеха радужное семицветье.
Но не сошлись бы тучи надо мной,
Не обратилось ужасом столетье,

Не выпал дождь отравой лучевой,
От горя черной радуга не стала...
Обида детства, ты была живой,
Смех юности – в тебе любовь звучала!

ЗОЛОТИСТЫЕ ОБЛАКА

Утром над родиной, широкоплечей страной,
Птицей расправила сильные крылья заря,
Облака, еле слышно плывущие надо мной,
Раннее солнце окрасило в цвет янтаря.

Это оттуда, из детства степного, они,
Солнцем пропитанные, притянулись сюда –
С тех еще пор непокорному сердцу сродни,
Вольнолюбивая золотая гряда.

Сыну изгнанника, думалось мне, что запрет
Храбро они преступают, плывя на Кавказ.
Грезится мне невеселый казахский рассвет,
Грустный подросток в степи, не сводящий с них глаз.

1975

МУЖСКОЙ ПОСТУПОК

Стройной ланью, белой голубкой звал,
Ясной звездочкой над родным Чегетом.
Не страшили ни выступления, ни провал
Под ее путеводным надежным светом.

Но бывает, что искорки меркнут глаз,
Как роса на траве высыхает вскоре.
И, когда мы встречались в последний раз,
Странный холод в ее я увидел взоре.

– Детства друг, было славно дружить с тобой,
Но другой человек мое сердце занял.
И такую от слов испытал я боль,
Словно недруг меня подстерег и ранил.

Так положен конец был моей мечте,
Черным облаком стало что было светом,
И блистающий замок на высоте
Вдруг обрушился в пропасть при слове этом.

Замолчала она, опустила взгляд,
Отходить от меня начала несмело.
Странно было, что звезды еще горят
И сияет луна над вершиной белой.

Сделав шаг к ней один, я сказал себе «стой»,
Дал уйти навсегда ей, моей голубке.
Это первый поступок мой был мужской,
С ним сверял я все годы мои поступки.

1975

СТАРЫЙ КАШТАН

С воспоминаньем, как здесь бродили вдвоем,
В темную ночь выхожу один налегке.
Ясно и ветрено. В бархатном небе ночном
Звезды купаются, словно девчата в реке.

Старый каштан у дороги. Под ним не раз
Прятались в ливень и проливень я и ты.
В капле большой, превращая ее в алмаз,
Луч играл, пробившийся сквозь листья.

Вот и окно твое. Много тогда цвело
На подоконнике роз и азалий там.
Ты на меня не смотрела – глядя в стекло,
Гребнем вела по длинным своим волосам.

Ставни уже закрывал твой отец, когда
Я провожал тебя улочкой в час ночной.

Светит все так же над домом твоим звезда,
Только не кажется больше она родной.

Вот уже скоро опять зацветет каштан,
Грусть навевает, качнувшись, седая ветвь.
Где ты теперь? В какую из дальних стран
Ты увезла мое счастье? Скажи, ответь...

1973

ОСЕННИЕ ПРОВОДЫ

Полчаса до твоего отъезда.
Улетают журавли на юг.
Верю – долетят они до места
И воротятся – неожиданно, вдруг.

Поезд подан. Позади аллеи
С окликом тревожным журавлей.
Листья мокрые все тяжелее
Шлепаются оземь с тополей.

Тронулся состав. И загудели
Над ночным перроном провода.
Ты забудешь все, достигнув цели,
И не возвратишься никогда.

1975

ДОРОГА К ТЕБЕ

По грязной дороге к дому с края села
Маленькой нищенкой поздняя осень шла.
Я шел к тебе и надежду бережно нес
Перед собою, словно охапку роз.

Ослик жался к забору, а сам я был
Робок, застенчив, неповоротлив, хил:
Букет подмышкой и задран ворот плаща.
И крылья ворон свисали с ворот, трепеща.

Я много слов заготовил в сердце своем,
Они живым, негасимым горят огнем.
Их не погасят ни мороси, ни ветра –
Только улыбка твоя, если нет в ней добра.

1979

СИЛУЭТ

Уже рассветает, а сна все нет.
Она осторожно раздвинет шторы,
С морозных стекол сотрет узоры
И в доме напротив увидит свет.

Приляжет, но жестко и плед не холит,
Печурка в углу холодна, как лед.
А ветер то ей оскорбленья шлет,
То плачет навзрыд, о прощенье молит.

Муж, дочка – все отдано им, любимым.
А в доме напротив не гаснет свет.
За тонким инеем – силуэт,
Окутанный сизым табачным дымом.

1980

НОЧЬ, ВЕТЕР, ДОЖДЬ

Звездная ночь, меж холмов распростертая, спит,
Голубоглазому ветру во власть отдана.
Вот налетел он стремглав и украл ее стыд –
Больше она не застенчива, не холодна.

Ласковый дождь полюбил ее плеч красоту,
Трепет хрустальных грудей сквозь волос черноту.
Лунному свету подобен мерцающий дождь,
Но только ветру во власть она отдана – ночь.

Голубоглазый, безумный, вихрастый, шальной
Любит ее, называет своею женой.

В губы целует, и слезы росой на лице.
В темные глубины вторжение и гибель в конце.

Страсть накапливает. И вот уже близок рассвет.
Счастье в душе оттого, что спасения нет.

Я бросил в пламя флейту. В этой флейте
Вся ясность звезд была заключена.
Мир осудил Любовь. Приказ «убейте»
Исполнен. Музыка мне не нужна.

Бесцветные предзимние туманы
Колеблются на ледяном ветру.
Все кончено. В унылые барханы
Мир превратил шумливых волн игру.

Казалось, ждет Ее конец кровавый,
И залп тяжелый прозвучал. Но нет!
На замершие в иступление травы
Пролился с высоты нездешний свет.

На тысячи осколков ветровое
Стекло разбилось посреди пути.
И солнце заслонилось пеленою
От ужаса. Я флейту сжег. Прости.

ВСЕ ПОЗАДИ

Все позади.
Значит, время теперь настало
Сказать, чем была для меня ты
И чем ты стала.

Была моей радостью –
Муки моей причина.
Лампадой горела –
Теперь дымишь, как лучина.

Корнем жизни была,
Зародыш теперь болезни.

Исчезла, ушла.
Так что начала – заверши,
Из души,
Из сердца еще исчезни.

ПТИЧЬЯ ЗВЕЗДА

У дерева среди листвы несметной
Один был лист, любимый беззаветно:

Одна была у этого листа
Большая беззаветная мечта –

Взлететь как птица – та, что прилетала
На дерево и о звезде мечтала,

Где в недрах гор сокровища несметны
И розы темно-красные бессмертны.

Однажды осень грустная пришла
И – словно птице срезали крыла,

Листва на землю пала золотая,
И птица скрылась, о звезде мечтая,

Где в недрах гор сокровища несметны
И розы темно-красные бессмертны.

И лишь один, печально-золотист,
Возлюбленный дрожал на ветке лист.

Однажды утром он взлетел туда,
Где птичья светит в облаках звезда –

Там в недрах гор сокровища несметны
И розы темно-красные бессмертны.

Весны теперь нам долго не дожждаться...
Сухими роща плакала слезами.

Уже и осень желто-красной птицей
Снялась и вслед летит за журавлями.

Льёт скучный дождь, к забору жмётся ослик.
Погода, как река, сменило русло...
Ты, словно заблудившись в тихих мыслях,
примолкла и сидишь, и смотришь грустно.

Любимая, печалиться не будем,
а скучный дождик за окошком мутным
не бесконечен... Мы с тобой увидим:
он в снег весёлый превратится утром!

*Перевод с балкарского
Николая Новикова*

ЖИЗНЬ

*...Тебя не разрушат, о жизнь,
ни сталь, ни мазут, ни жадность человека.
А. Туртиайнен*

Я видел мощное дерево
на голой скале,
я видел не взорванную мину
на склоне Чегета,
я видел родник,
пробивающийся сквозь бетон,
я видел травинку,
пробившую асфальт,
чтобы выйти к солнцу
и думал:
жизнь непобедима.

Теперь же я вижу,
как скалы ставят на колени,
не то что деревья,
как убивают птиц,
отравляют небо,
как выкапывают и выбрасывают
с корнями родники,

как закатывают в асфальт
снова и снова
травинку, тянущуюся к солнцу
и уже не так уверен,
что жизнь непобедима.

Плакала девочка,
мячик сдулся,
на колючку попав.
Плакала.
Но её слезки висели
словно капельки дождя
на бутоне розы.

Плакала девушка,
брошенная любимым.
Плакала.
Но её слезы
напоминали росу на траве,
которая высохнет
с первыми лучами.

Плакала маленькая старушка,
выброшенная на улицу.
Плакала.
Её глаза были похожи
на два высохших родника.

Плакала высохшая старушка,
выброшенная на улицу,
протирая сухие слёзы
из сухих глаз,
словно высохшими листьями ореха,
сухими ладонями.

Плакала маленькая старушка,
выброшенная на улицу...

И никому не было дела до неё,
кроме облезлой,

плюгавой собачки,
мелко скулящей,
не смеющей взглянуть ей в глаза.

Плакала, выброшенная на улицу,
маленькая старушка...

В засуху моих слов
бессильно лежат на земле
крылья их радуг,
пожухла трава,
не поднимаются на рассвете
солнца моих слов в зенит,
где вы,
золотые пчёлы моих слов?

Не загораются в небе звёзды,
орлы моих слов...

Как выразить мне теперь
любовь ребёнка к матери?
печаль сухого облака?
Тяжелые раздумья седой скалы,
игру солнечного луча с травинкой?

дорожную песенку муравья
как мне выразить теперь?

Как мне теперь передать
музыку падающего снега
и радость звонких родников
как передать мне теперь?

Словно в осеннем саду,
сухо шуршат листья моих слов.

как подстреленные птицы,
падают, кружась, на землю,

Опустевшие гнезда моих слов –
словно старое тряпье теперь.

ДЕРЕВО И ДРОВОСЕК

Дерево устало ждать топора,
человеком решило стать,
выдёргивает один за другим
из земли свои корни,
будто камча свистит.

Ветви теперь это руки,
дупло как широкий рот,
листья – слова,
гнёзда глазами смотрят,
птица же вскрикнула сердцем.

Затем оно вырыло яму
и посадило туда дровосека.

Вмиг стали ветвями руки,
рот превратился в дупло,
листьями стали слова
гнёздами смотрят глаза,
сердце же вскрикнуло птицей.

Сел под дерево в тень человек
и задумался,
к стволу прислонившись:
как хорошо человеком быть!

Как хорошо
в покое деревья оставить.

На дороге подсыхает лужа.
Девочка берёт в пригоршни воду
и поливает траву

Так птенца подкидывают
в воздух – лети!

*Перевод с балкарского
Алексея Прокопьева*

А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Краешек бумажного листа, приклеенного к оранжевой стене, беспокоил ветер, слегка подергивая и пытаясь отклеить лист полностью. Грубые старые сапоги, заплатанные в нескольких местах и защищающие ноги от суровых холодов, вдавливали снег, не давая ступне почувствовать приятный хруст снежинок. Казалось, что пар изо рта тут же замерзал, не позволяя окружающему воздуху уловить человеческое тепло. Лицо человека... обычного человека на белом фоне, и ещё на фоне норковой шапки, тоже старой и зашитой в нескольких местах, – человеческое морщинистое лицо на фоне гладкого зимнего неба. Его сиплое и тяжёлое дыхание перебивает свист ветра и звуки громко работающего телевизора. Лист бумаги всё так же колыхается, человек, прищурившись, читает объявление: пропала девочка, десять лет, светлые волосы. Точка. Потерев кулаком покрасневший нос, поднимает голову и смотрит в окно первого этажа, где сейчас горит тусклый старческий свет, выделяя ковёр на стене и многочисленные полочки, заставленные посудой и фотографиями в деревянных рамках. К слову, сейчас шесть утра. Вписывались в эту сцену и окна, на которых были приклеены криво вырезанные снежинки, окно тоже старело, понемногу сбрасывая остатки серой краски.

Форточку приоткрыла старушка и неровностью рта крикнула в щелочку оконной рамы, обращаясь к человеку:

– Вить, моего не видел вчера?

– Не видел...

– Опять с алкашами своими, скотина. Ладно, увидишь, дай ему пошее.

– Эх-х, – он отмахнулся и пошёл дальше, волоча за собой лопату для уборки снега.

Труднее всего очищать ступеньки, которые покрываются льдом быстрее всего. На них уходит примерно сорок минут, а на уборку остальной территории, считая уборку мусора, где-то полтора часа. Итого на маленький, чуть перекосившийся двор уходит больше двух часов. Двор этот полностью определяет двухэтажный многоквартирный дом... Или дом определяет двор? Или, может, вывеска «Принимаем металлолом» определяет это всё? Как-то всё слишком однородно. Однородно въевшееся в географическую местность и невыразимое.

У кого-то уже работает телевизор – перед работой кофе пьётся луч-

ше под монолог женщины-диктора: «...минус двадцать два градуса с умеренным ветром...». У кого-то проснулась собака, у кого-то ребёнок, муж, таракан на кухне, газ... Благодаря тонким стенам дома все эти звуки хорошо сочетаются друг с другом и организуют этакий интершум нахмуренной реальности. В радиусе этого шума он аккуратно выравнивает сугробы и неловко поправляет развалившиеся части снеговика, сделанного вчера детьми.

– Здорово, Витёк, закончил на сегодня с работой? – спрашивает еще один житель серого многоквартирного дома.

– Да так, по мелочи осталось, сосульки с крыльца посбивать и тропинку вон ту почистить.

– Понятно. А я вот в ЖЭК пошел, там их начальника как раз с утра и можно застать. Слушай, а ты воду по счетчику платишь?

– По счетчику.

– А лишнего там тебе ничего не наматывает?

– Да как-то не замечал.

– А ты проверь на всякий случай, а то эти твари точно с меня больше бабок хотят содрать.

– Ну ты сходи, поговори с ними.

– Схожу, схожу.

Сосед собрался уходить, но тут кое-что вспомнил:

– Витька, а слыхал, с сорок пятого двора у кого-то там ребёнок пропал, неделю найти не могут?

– Вчера по радио передавали... и объявления везде.

– Что тут творится – то счетчик крутит, то дети пропадают. А дальше что?..

Он выдохнул, прислонился спиной к стене и закурил, вглядываясь в глубину пространства, контрастирующего серым и белым – по закону цветокоррекции именно эти оттенки каким-то интересным образом сочетаются. Машина, сугроб, лавочка, а там, вдалеке – дым от труб заводов и черты города, стоящего в профиль.

Из-за исчезнувшей девочки мусора стало ещё больше – везде нужно подбирать бумажные объявления, втоптанное то в грязь, то в снег. Чуть хрипя, он нагибается, чтобы поднять их и выбросить в урну, ещё раз обходит двор: нет ли инородных предметов, особо пристально всматриваясь почему-то в фасад дома. После проверки можно зайти в ларек – он возьмёт там, скорее всего, колбасу, хлеб и мармелад. Да, как видим, он взял колбасу, хлеб и... а нет, мармелад не взял, кефир купил.

Из ларька вышла темная тусклая фигура с небольшим пакетом в руке и пошла, как бы оседая всем корпусом, и создавалось ощущение сторбленности, словно человек искал что-то под ногами. Шёл тихо, дышал ровно, моргал медленно, как в старых мультиках. Так обычно изображали очень старых медведей. Вот он прям точь-в-точь такой же

сейчас. Навстречу ему, в тоненькой джинсовке, шёл тот, кому надо было дать по шее.

– Здравсьте, дядь Вить.

Человек, не поднимая взгляда, просто махнул в знак приветствия, но, вероятно, это у него получилось уж слишком равнодушно. А молодой человек вприпрыжку пошёл домой, пытаясь согреть кулаки теплым воздухом изо рта.

Подъезд, скрипучий пол у входа в квартиру и ржавый дверной замок. Вот теперь ему тепло, и не потому, что он дома, а потому что в помещении температура выше и батареи, слава Богу, работают на всю мощность. Тут всё хорошо само по себе, непритязательный быт не требовал ничего исключительного. В прихожей не было практически ничего, кроме обоев и маленькой полочки для ключей. Он снял с себя все, что препятствовало телу нормально двигаться, – большую пуховую куртку с крепко завязанным шарфом, теплый свитер на застежке и плотные брюки вместе с носками. Теперь его тело кажется более обычным и понятным. Вот... человек, вернувшийся с работы и желающий отдохнуть, как все, – безыдейно и наивно. Кухня – четыре стены с окном, стол, раковина, плита – конструктор три на три. Ломтик хлеба, на него кладутся ломтик колбасы и такой же сыра, хотя в этот раз без сыра – закончился. Ну и крепкий чай-пакетик.

Обязательно радио, которое ведёт разговор с воображаемым слушателем. На диван не садится, остаётся на шатком стуле со сломанной спинкой – минут через десять стул все же придется поменять на промятый в нескольких местах и пожелтевший от ветхости диван. Глоток чая, кусок бутерброда. Чай закончился.

В дверь позвонили. Короткий хриплый звук – как предупреждение: кто-то сейчас побеспокоит. С той стороны двери стояла молодая девушка со скорбным и утомленным выражением лица.

– Простите ради Бога, вы, наверное, слышали о пропавшей девочке. Это моя младшая сестра – ее зовут Вера, – девушка держала фотографию трясущимися руками.

– Можно, я оставлю вам номер телефона, а вы, если что, позвоните мне?

Он не совсем понял, что она имела в виду под «если что», но уверенно ответил:

– Оставьте.

– Спасибо вам огромное. Надежды, конечно, всё меньше и меньше, но вдруг что-то получится...

Листочек с номером телефона он положил на полку для ключей и уединился наконец в единственной комнате. Ее как бы продолжением был съехавший набок балкон, отделенный иссохшей деревянной дверью с заклеенными скотчем стеклами. Здесь открывался вид на двор и

на соседние дома. На балконе он обычно курит или просто наблюдает за обстановкой на улице. Второй этаж – замечательное место для того, чтобы поупражняться, вычисляя кривизну углов улиц. Выпуская тяжёлый дым, он просто стоит. Наверное, никто не ищет цели, выходя на балкон и закуривая сигарету. Это делается просто так.

Минус двадцать четыре градуса по Цельсию – температура, при которой сложно думать, сложно быть живым, сложно быть. Сейчас, оставшись наедине с ранним утром, он полностью признаёт своё присутствие в данном ему мире, признаёт присутствие снега, присутствие пивного ларька и своей невыразительной жизни. Все те же знакомые звуки, знакомые настолько, что они превращаются в тишину. Однако слух улавливает что-то инородное и достаточно громкое...

Человек осматривается и видит три фигуры, вероятно, все трое – мужчины. Но одна фигура будто ползёт, падает, поднимается и снова падает. Он думает, что это всего лишь пьяная компашка, но замечает – двое начинают бить ногами третьего, бьют прямо по голове, бьют в живот, он хрипло стонет, пытается уклониться от очередного удара, вытирает окровавленное лицо. Над ним смеются, поднимают за шиворот и снова бросают на землю. Эхо ударов разносится по всей площади двора. Кажется, будто это какой-то глухой, отстранённый звук, не характеризующий акт жестокости. Но взгляд четко фиксирует двух людей, которые тащат за руки третьего – изувеченного и, видимо, смирившегося с тем, что будет дальше. Человек, опираясь на лопату и чуть щуря глаза, наблюдал, как зимняя мерцающая даль превращала этих троих в сгусток света.

Дома его жизнь продолжалась на диване перед телевизором и на кухне – за столом с унылым ужином.

«Сегодня утром на западном участке леса было найдено тело десятилетней девочки по имени Вера. Она была активной ученицей местной школы, любимицей одноклассников и гордостью своей семьи. Вера пропала без вести несколько дней назад, и ее исчезновение вызвало тревогу в обществе. Перейдём к новостям недели».

Он вышел на балкон и закурил, вглядываясь в убывающие остатки дня...

КАК Я ПОВЕРИЛ В БОГА

Холодный ноябрьский день заставлял утеплившихся пешеходов торопиться, пить невкусный кофе – главное, что горячий, – и быстро запрыгивать и утрамбовываться в неудобное пространство троллейбусов – такой большой пирог с начинкой. На улицах эта начинка для небольшого городка была разнообразной. Тут тебе и люди, переодетые в дурацкие костюмы, зазывающие других посетить новую парикма-

херскую; продавцы в магазине одежды, натягивающие кусок ткани на безжизненные пластиковые тела; полные надежд молодые люди, держащие в руках деревянные коробки, издающие звуки, когда окоченевшие пальцы плавно проходят по струнам. Старушки, продающие семечки по тридцать рублей, сидя на маленьких кривых стульчиках; люди в погонах; повара в маленьких комнатках, делающие что-то похожее на еду; люди в черных масках, пытающиеся разогнать толпу недовольных своей жизнью; и ничем не приметный человек, сидящий на холодной дощечке остановки, считающий всё это не иначе как своим родным, своей частью. Он органично сливается с настроением этого города, этой страны, он понимает смысл всего этого, кормит бездомных котов и имеет в голове кое-какие мысли. Этот вроде бы рядовой гражданин, которому уже никуда не нужно торопиться и ждать транспорт, каждый день сидит на этой остановке, чтобы не забывать сероватый, но при этом уникальный вид, на фоне которого происходят привычные действия. Их он называет спокойной историей. И этой спокойной истории нужны такие люди, которые незаметно живут в этом городе и даже не замечают своей причастности к нему. На это он мог смотреть вечно. А не терять интерес и ярче ощущать свою идею ему помогала стеклянная бутылка с прозрачной жидкостью, запах которой давно пропитал душу каждого здесь живущего. Без этого он точно не справился бы – может, повесился бы или забыл выключить на кухне газ, выпал из окна, а может, просто не выдержал напряжения. Получается, что этот эликсир для человека целительный, но ни в коем случае не ядовитый, как все привыкли считать. Только с помощью него человек не теряет своей концепции. Однако, если внутри него только звенящее пространство пустоты, где он слышит эхо своего меркнувшего голоса, то тогда этот план спасения превращается для него в смертельное путешествие в другой мир, который называется алкоголизм.

Он сидел в большой зелёной куртке, которая была ему великовата и не вписывалась в параметры его маленького тела, зато очень хорошо подчёркивала глаза – такие же тускнеющие с каждым годом и смирившиеся уже со всем, что происходит в этом мире. Кто был этот человек, никто не знал, даже он сам не имел представления, что из себя представляет, а временами забывал о своём материальном существовании в реальном мире.

К нему подсел молодой человек – он, вероятно, дождётся свою маршрутку, которая увезёт его в университет. Они сидели вдвоём и вместе смотрели на маленькую церквушку, стоявшую за углом улицы, и слушали гипнотизирующий, ритмичный звон колоколов. Двое долго всматривались в купол церкви и понимали, что чувствовали одно и то же.

– Слышь, парнишка, – обратился мужчина к молодому человеку,

который продолжал смотреть куда-то вдаль. Было не совсем понятно, смотрит он на кресты или на небо.

– Слышишь меня? – чуть громче произнёс мужчина.

– Да... Вы мне?

– А кому же ещё! Тут кроме тебя и меня нет никого. Тебя как звать-то?

– Саша.

– Саша, – шёпотом повторил он. – А меня можешь называть дядя Слава. Я вот чего хотел спросить. Ты, Сашка, в Бога веришь? – мужчина и сам не понял, с чего вдруг ему захотелось об этом поговорить.

Молодой человек явно не ожидал такого вопроса, поэтому неуверенно ответил:

– Не знаю... Я как-то об этом ещё не думал. А вы?

– Да! Притом решительно... искренне. Я же в детстве дурачком был, неусидчивым и ужасно любопытным, всех раздражал своим поведением. Думал, что Бог только для взрослых, казалось мне, что они каким-то образом Его понимают или, может, даже видят. И мне тоже захотелось увидеть Его. А вдруг получится, лишним не будет. И как-то, когда я был ещё совсем маленьким мальчишкой, бабка моя покойная в храм решила меня отвести. Бедная, думала, что я один раз гляну на распятие, так у меня мозги на место и встанут. Зашёл, значит, я туда и вижу кругом иконы, батюшка что-то поёт. Ну, всё непонятно для меня. Смотрю на людей, у всех такие лица, будто хоронят кого-то. Мне же бабка всё время про Бога рассказывала: «Боженька поможет, Боженька всё видит, Боженька то, Боженька сё». И когда мы шли в храм, я полностью был уверен, что увижу Его. И вот я стою там и не могу понять, где же Он. Решил поискать, хожу я, значит, туда-сюда, то в один угол загляну, то в другой, под подоконником посмотрел – нигде Его нет. А я даже и не представлял себе, как Он выглядит. Я тут залез под лестницу и слышу сзади кто-то говорит:

– Мальчик, что-то потерял?

Я мигом вылез и вижу, стоит мужик в черном длинном костюме с огромным крестом, и думаю, ну этот точно знает, где Бога искать, и спрашиваю:

– Вы этого не видели?

– Кого?

– Ну... Бога.

– Бога?

– Да Бога, Он мне нужен, где-то здесь должен быть.

– И зачем же Он тебе нужен?

– Не знаю, бабушка говорит, что Он может всё. Это правда?

– Правда.

– Вот и отлично. Теперь я у него точно обо всём спрошу.

– И что же тебе хочется узнать у Него, мальчик?

– Я бы это... хотел спросить, где сейчас Лая... ну это собака моя. Я ее очень люблю и хочу, чтобы она вернулась, и мы вместе играли и бегали по речке. Мама сказала, что ей сейчас хорошо. Если это правда, то пусть тогда не возвращается. Я буду рад, если она счастлива. Так вы скажите, где Бог?

Священник этот улыбнулся так по-доброму, взял мою ладонь и приложил её к моей груди, там, где сердце. Руки у него, правда, холодные были. И говорит:

– Вот здесь.

Я ничего не понял, посмотрел на него, и каким-то странным он мне показался. Я у него спрашиваю:

– Где это... здесь?

– В сердце. Ты помолчи и почувствуешь, как оно бьётся. Чувствуешь?

– Ага.

– Так вот этот стук и есть Бог. Он внутри тебя.

– Внутри меня?

– Внутри каждого из нас, просто не все могут Его услышать, а ты смог и теперь не теряй Его.

Я ещё раз приложил руку к груди, и от этой мелкой вибрации по моему телу мурашки пробежали. Вот в этот момент я в Бога и поверил, и сразу же перекрестился. Бабка моя от счастья так и заплакала. Не иначе, чудо.

Вот и сейчас, когда в голове тьма, просто замолкаю, закрываю глаза и слушаю Его. Стучит, разговаривает со мной.

Ты, Саня, попробуй, может, тоже услышишь чего. Так спокойнее, и пить, если честно, не так сильно хочется. Но выпить всё же нужно. Обязательно нужно.

Цариев Валерий Заурбекович – осетинский поэт, артист, режиссер, телеведущий; награждён почётными званиями: «Заслуженный деятель искусств Республики Северная Осетия-Алания» (2009), «Народный артист Республики Северная Осетия-Алания» (2018), «Народный артист Республики Южная Осетия» (2022), лауреат Всероссийской национальной литературной премии «Сказитель Руси» (2025).

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Я времени не уступлю ни дня,
Ни дня не проживу в тоске беспечной.
Нет зла в душе, чтоб тяготить меня,
Но лишь мечты прекрасные о вечном.

О прошлом не жалею я ничуть,
Ведь твердость духа разбивает скалы.
Мне надлежит свершить к призванию путь,
Сквозь трудности за шагом шаг, усталый.

Мне лицемерить в жизни не с руки.
Как смерти, избегал всегда позора.
Без слов считал я важными других,
А для друзей стремился быть опорой.

Смотрю на нивы – колос уж поспел,
И нет нужды просить мне подаянья.
Вот Богу предал путь, а за удел
У времени прошу я воздаянья.

ОРЛЫ

Кругами, над ущельем сея страх,
В отчаянье летают два орла.
От криков ветер прячется в горах,
Дрожит, волнуясь, чёрная скала.

И, кажется, готовы умереть,
Орлы стремглав бросаются к земле.
Но нет, они совсем не ищут смерть,
И снова вверх взмывают на крыле.

В ущелье гор, среди седых камней,
Барахтается их сынок-птенец.
Он выбился из сил, но всё сильней
Пытается поднять крыла юнец.

Наивный, он сегодня в первый раз
Сорвался вниз из отчего гнезда.
Увидел мир под солнцем без прикрас
И полюбил свободу навсегда.

В тревоге за птенца орлица-мать
Спустилась вниз и обняла его.
Как будто бы пытается сказать:
– Держись, малыш, не бойся ничего!

Птенец устал и не готов взлетать,
Он прячется под маминым крылом.
О, сколько силы жизни может дать
Родное материнское тепло!

В себя поверить мама помогла,
Заклекотала, клича на простор,
Подняв свои огромные крыла –
И полетела меж высоких гор.

Любовь орлицы силы придала –
Он выпорхнул за мамой из-под круч!
Смотри, как гордо реют три орла,
Любуется и солнце из-за туч!

КИНЖАЛ

Ты шёл сквозь века величаво и грозно,
Неся беспощадную гибель врагам.

И чёрные призраки прятались в гнёздах,
Порою от смерти всего в двух шагах.

Как молния, сталь твоя ярко сверкала,
Ты жаждою битвы всегда был гоним.
И враг не избегнул смертельного жала,
Которое вдруг появилось над ним.

Бескрайние силы в калёном железе
Созрели, чтоб точный удар нанести...
Испытывать стойкость твою бесполезно,
Она – как железное сердце в груди!

И в яростных битвах ты равных не встретил,
Но гнев обуздать неуёмный твой смог,
Подняв, как коня на дыбы, но не плети, –
Прекрасной одной осетинки платок.

КУРГАН

Издалека виднеется курган,
Он на века застыл, как образ предков.
Но кажется, что спящий великан
Во сне глубоко дышит незаметно.

Сурово и безмолвно он застыл,
В своей груди могучей спрятав тайны.
Подковой полумесяц с высоты
Над ним сияет ярко, но печально.

Вокруг него, как копья, деревца
Покой тысячелетний охраняют...
И моя дума тяжелей свинца –
Кто погребен в кургане, я не знаю.

Какой оставил след он на земле,
Какое он носил при жизни имя?...
Всё от потомков скрыто в вечной мгле –
Он тайнами не делится своими.

Но странный трепет внутренний во мне
Рождает образ гордый и прекрасный...
Мне чудится, как всадник на коне
Летит вперёд дороною опасной.

Я слышу ржанье боевых коней
И грозный звон мечей в смертельной битве...
Горит огонь на башне в вышине,
И руки к небу тянутся в молитве.

Издалека виднеется курган,
Он на века застыл, как образ предков.
Но кажется, что спящий великан
Во сне глубоком дышит незаметно.

ОТЕЦ

Та ночь была нежна и безмятежна,
Вблизи родник незримо щебетал.
С дерев свисали звёзды, как черешня,
Во мгле тонула мощь высоких скал.

Чуть слышно пели лёгким ветром дали,
Вокруг меня кружились светляки.
А ночь украдкой сеяла печали,
А ночь пускала памяти ростки.

Вдали вдруг света вспыхнули лучинки,
Казалось, как и прежде, не спеша
Копают грядку в свете керосинки
Отец – трудолюбивая душа.

И сердце затряслось, затрепетало,
Бежал на свет я с рвением юнца,
А небо звёздной кистью рисовало
Мне яркий образ моего отца...

Стекло луной лучилось, и бледнела
В земле лопаты старой рукоять.
Стоял и молча на него смотрел я,
А в сердце – слёз и боли не унять.

ПТИЦЫ

Летят по небу птицы на юга –
Вдали мелькает бусин вереница.
Над ними – белой шерстью облака,
Под ними осень грустью золотится.

Полёт их волен, полон красоты,
А путь суров – иным уж невозвратен.
Но струны крыльев сталью налиты,
И к тяготам судьбы не привыкать им.

Под сенью материнского крыла
Летят птенцы – игривы и проворны,
Испытывают крепость ремесла,
С попутным ветром меряясь упорно.

А в глубине их крохотных сердец
Огромная любовь великой птицы.
Под синью неизведанных небес
Им свет родной лазури будет сниться.

Но час пробьёт, и вновь придёт весна,
Вернутся птицы на свои просторы.
И разродится трелью тишина,
И зазвонят весельем песен горы.

А если вдруг назад не прилетят,
(Не дай Господь такому приключиться)
И души гнёзд навечно замолчат,
И радость жизни в них не постучится,

И если трель в округе не слышна,
Наш сад в немом унынии зачахнет.
И если не настанет вдруг весна,
Тогда и наших сил родник иссякнет.

ВАЛУН

Ущелье гор. Валун зеленобокий,
Сполна познавший тяготы времён.

На пике скал когда-то правил он,
Теперь к реке низвергнут – одинокий.

Нещадно, то палим на солнцепёке,
То в тьму студёных ливней облачён.
Он прошлым в дар нещадно иссечён.
Суров, тревожен взор его глубокий.

Казалось, нет печальнее судьбы.
Но вдруг на нём цветок расцвёл мечтою,
Красней зари, таинственной звезды.

И дрогнул лёд души пред красотой,
Сползла по шрамам капелька воды –
Так сердце камня таяло слезою.

МЕЛЬНИЦА

Стоит устало на краю села
Заброшенная мельница. Под нею
Река едва крадётся, что была
Когда-то говорливей и вольнее.

Застыло время вечностью в углах,
Лишь зябкий ветер носится. И стелет
Лучом осенним солнце в полуснах
Свою печаль на треснутые стены.

Но было время сил и мастерства,
И закромов запас неиссякаем.
Мололи жирный колос жернова,
И árбы к ней тянулись с урожаем.

И доброй славы было не унять,
А жернова, усталости не зная,
Своею песней лили благодать
В сердца людей труда родного края.

В морозный облачённая узор,
Лучится грустью мельница с откоса.
Но сыт я караваем до сих пор,
Печёным из муки её белёсой.

КОНЬ

Бессильны поводья на спутанной гриве –
Их больше не держит рука.
Обрывок верёвки на шее, и в мыле
Крутые гнеды бока.

А всадник – ничком. Белоснежная бурка
Вся в пятнах кровавых на нём.
Они добрались до селенья как будто,
Прошли сквозь беду напролом...

Коню вдруг припомнились зелень равнины,
Табун, и любимая мать,
О, как же и резво, и неутомимо
Любил он за нею скакать!

Потом жеребёнок в коня превратился,
Подпругой стянули бока,
К победе на скачках упорно стремился
И тем восхищал седока.

Наверно, на склонах седого Кавказа
И не было лучше коня!
Хозяина не подводил он ни разу,
В бою выносил из огня.

Но зависть и злость – разрушители жизни,
Гонцы неминучей беды,
И пули горячие воздух прогрызли,
И кровь залила их следы...

Последние силы коня покидали,
Он тихо, тоскливо заржал –
И мир замолчал в бесконечной печали,
Когда он на землю упал...

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

В последний раз пронзили воздух стрелы,
Запели тетивы в последний раз...

В какие вы отправились пределы,
Чьей злою волей жизнь оборвалась?

Вы небеса изранили мечами –
И небеса вас предали суду.
Сырдон коварный, лживыми речами
Накликал ты на свой народ беду!

И на собрание Высшего ныхаса
Своё решение вынес Урузмаг.
По вашей воле ваша жизнь угасла,
И некому оплакать этот шаг.

Арфан копытом бил о камень звонко –
Земля стонала, конь тревожно ржал,
Вы по его следам ушли высоко
За голубой небесный перевал...

Жизнь вечная – удел простолюдинов,
О славе вечной – мужества мечта.
Вы, нарты, этот бранный мир покинув,
Оставили нам эпос навсегда.

ДВА ДЕРЕВА

В саду цветущем, где пируют пчёлы,
Два деревца тянулись к небу рядом.
Их согревало солнце нежным взглядом,
Им ветер в тишине шептал о чём-то.

И ясным днём, и тихой ночью чёрной,
Укрыты лёгким занавесом сада,
Они таили тихую усладу,
Обнявшись, шелестели увлечённо

И вместе, общей участью земной,
Переносили стужу или зной,
Над ними с песней ласточка летала.

Огонь любви сердцам дарил тепло...
И грушевое дерево цело,
И яблоня румянцем трепетала.

Басиева Залина Руслановна – поэт, переводчик, член Союза писателей России, руководитель секции поэзии Союза писателей Северной Осетии, автор трёх поэтических сборников, заслуженный деятель культуры РСО-Алания, лауреат Государственной литературной премии имени М. Камбердиева (2013), лауреат Международной литературной премии «Бул-ламаргъ» (2018), лауреат национальной литературной премии имени Нафи Джусоева (2019), лауреат Первой международной премии литературного журнала «Мах дуг» (2022). Награждена Почётной грамотой Главы РСО-Алания и двумя благодарностями за переводы Гимна России и военных песен на осетинский язык, среди которых «День Победы», «На безымянной высоте», «Катюша», «С чего начинается Родина», «Тёмная ночь», «От героев былых времён» и других. Автор более 50 песен, которые исполняют известные артисты Северной Осетии. За перевод поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» награждена медалью Союза писателей России «Сказитель Руси» (2024), за вклад в развитие современной многонациональной литературы России – сертифицированной золотой медалью имени Василия Шукшина (2025).

ЧИТАЯ РОМАН ЗОЛЯ «ЗАПАДНЯ»

Тучи лохматые, тучи осенние,
Серость, и сырость, и грязь...
Небо холодную морось рассеяло,
Ливнем пролиться стремясь.

В сердце вползает тоска одиночества –
Серая, словно змея.
Как же сейчас побеседовать хочется
С другом любимым – Золя...

...Дождь и в Париже. И холод пронзительный
Тело насквозь леденит.
Молча плетётся к убогой обители,
Полная горьких обид,

Прачка Жервеза... Судьба её сломлена.
Мир равнодушно жесток.

И, «Западнѣй» беспощадной уловлена,
В ней забывает свой рок...

Сколько несчастных бессильно пытается
Радость увидеть в вине!
Шум не стихает, дверь не закрывается –
Гибнет народ в «Западне»...

В лужах дорога, одежда промокла – и
Свет одинокий горчит.
Прачка Жервеза – живая ли, мёртвая –
Призрак в осенней ночи...

Горько вино – но не горше ли нищая
Жизнь от гроша до гроша?
Холодно в тесном убогом жилище.
Жизнь безотрадно прошла.

Дождь утихает. За тучами рванными
Морщится месяц-старик,
И до утра над душевными ранами
Сон словно лекарь стоит...

СОНЕТ

Приснился мне вчера чудесный сон:
В нём край небес зарёю воспылал,
Ручей в камнях взволнованно журчал –
В долины с пёстрых гор струился он.

И, ветви вознеся в немой мольбе,
Дубы тянулись к Богу, в высоту,
И ветер, замирая на лету,
Восторженно их прижимал к себе.

Струилась песня полевых цветов –
И каждый счастье был дарить готов,
Уже не помня горестей зимы.

В твоей руке была рука моя.
И свет небес к нам нисходил, маня,
Как будто стали ангелами мы.

МОНОЛОГ МОЕГО СЕРДЦА

О, я любовью пронзено
И в небеса вознесено,
И проклято я, и воспето,
И в бездну сброшено за это.
Я крепко связано с тобой –
Но жилами, а не судьбой,
Я помню радость, знаю горе,
Ты мучила меня, но вскоре,
Прогнав, назад звала опять.
И клятвы жаркая печать,
И ледяная сталь кинжала,
Который ты в любовь вонзала –
Во мне. Разбито ль, сожжено ль –
Я выдержу любую боль
И оживу надеждой снова –
Всегда служить тебе готово.

ТРОПИНКА МОЕЙ ЖИЗНИ

Тропинка жизни, ты – судьбы дорога,
На повороты сказочно щедро!
И хоть переживаний даришь много,
Порою не жалеешь и добра.

Из прошлого в грядущее иду я –
То робки, то тверды мои шаги,
То солнце светит, то луна колдует,
То сад вокруг, то бурелом тайги.

Тропинка жизни, ты – судьбы стремление,
Куда же я свои несу мечты?
Вот поворот – там райское цветенье,
Вот шаг – и ада мрачные черты.

Но прохожу я с верой, без боязни,
И камень под ногою – как трава.
Пылающего сердца вечен праздник
И поднята высоко голова.

КОРАБЛЬ

По небу, и высок, и снежно-бел,
Корабль к созвездьям облаком летел.
Попутный ветер полнил высотой
Его прозрачный парус золотой.

Благословлён в далёкий путь горой,
Зеленоглазой рощей молодой,
Он слышал, как вослед звенит река,
По-девичьи нарядна и тонка,

Как в чистом поле радость птичьих стай
Слилась в одно напутствие: «Летай»
Как молится земля ему вослед:
«Господь, убереги его от бед!»

Нет тебя рядом, любимый!
Где ты, в каком ты краю?
Жизнь, проходящая мимо,
Радость уносит мою.

Лирой звенящее лето
Стало печальным «вчера» –
В сердце я спрятала эти
Сказочные вечера.

Шумные листья притихли,
Месяц в просветы глядит.
Лира моя, не с твоих ли
Струн ускользает мотив?

Знаю, что жизнь – испытанье,
Завтра – рассвет и весна.
Только разлуки страданье
Выпить придётся до дна...

О, здравствуй, обитатель снов моих,
Тревоги беспричинная причина!
В полночи, когда весь мир затих,
Меня влечёт запретных чувств пучина.

Прекрасны звёзды! Нежный лунный свет
Я в волосы рассеянно вплетаю.
И голову не на подушку, нет –
На грудь твою покорно опускаю.

Любимый, образ твой передо мной,
Как будто мы с тобой и вправду рядом.
Твою ладонь держу своей рукой,
В твои глаза гляжу влюблённым взглядом...

Моя мечта далёкая, явись,
Из пламени сердечного воскресни,
Единственный, мечта моя и жизнь,
Явись – и мы навеки будем вместе!

Оставим в прошлом ночи, где мы врозь,
Соединим сердец горящих пламя –
Чтоб наше счастье в небеса взвилось
И песнею парило над горами!

*Борис ЗУМАКУЛОВ,
Уполномоченный по правам человека в КБР,
заслуженный деятель науки КБР и КЧР,
профессор*

СЛАВНЫЙ СЫН КАВКАЗА

*Министр труда и социального
развития КБР Б. М. Зумакулов,
министр по делам национальностей
РФ Р. Г. Абдулатипов (в центре)
и министр экономического развития
КБР М. М. Циканов, 1999 г.*

***Крупному государственно-
му и политическому деятелю,
дипломату, философу Рамазану
Гаджимурадовичу Абдулатипову
исполняется 80 лет.***

Рамазан Абдулатипов намного моложе меня, но наши пути-дороги многократно пересекались и в итоге переросли в многолетнюю настоящую мужскую дружбу. Когда в начале мая сего года Рамазан Гаджимурадович позвонил и пригласил меня на свой 80-летний юбилей, я был несказанно рад.

Абдулатипов родился в 1946 году в многодетной семье в ауле Гебгуда Тляратинского района

Дагестанской АССР. В раннем детстве начал трудиться в родном селе, чтобы помочь родителям. Работал кочегаром, заведующим медпунктом, а во время срочной армейской службы был медицинским старшиной.

Потом судьба забросила его в далекий Мурманск, где он работал преподавателем института, а затем – заведующим отделом Мурманского обкома КПСС. Находясь на далеком Севере, Рамазан Абдулатипов окончил аспирантуру Ленинградского университета, успешно защитил кандидатскую, а позже и докторскую диссертации по философии. Одновременно он выступал с лекциями на общественно-политических мероприятиях, конференциях и круглых столах.

Молодого ученого и партийного работника заметили в центре и пригласили в Аппарат ЦК КПСС. Это было высокое доверие горцу из далекого аула Тлярата. Казалось бы, живи и наслаждайся авторитетом, который приносит высокая партийная должность. Но это были не лучшие времена для партийных работников. Волею обстоятельств Абдулатипов, как и его коллеги, сразу был ввергнут в водоворот сложных политических событий. Ему пришлось отстаивать интересы государства, противостоять разрушительным процессам, которые инициировали и направляли

через «агентов влияния» спецслужбы Запада, особенно ЦРУ. Махровым цветом расплодились антисоветские, антикоммунистические группировки и общественные движения, включая печатные издания, подчас финансируемые из партийного же бюджета. Ругали все и вся, что было свято и незыблемо для многих поколений советских людей, поливали грязью базовые ценности, расшатывая идеологические и политические устои власти.

В Кабардино-Балкарии (а я в то время был первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома КПСС), как и в других республиках Северного Кавказа, события, проходившие в Москве, отражались не по касательной, а непосредственно и жестко, трансформируясь уже с националистическим запалом. Общественные организации, созданные по этническому признаку, пытались использовать их в реализации далеко идущих целей – разделения республики и создания «свободной Кабарды» и «свободной Балкарии». Тот, кто не вписывался в провозглашенные ими принципы и был не с ними, огульно считался не патриотом, не демократом, консерватором, ретроградом и космополитом.

Так что нам, партийным работникам, приходилось, прямо скажем, несладко. И вот в такое время в республику приехал Абдулатипов и, как говорится, попал «с корабля на бал». Мы с ним ездили с митинга на митинг, участвовали в круглых столах и конференциях. Он выступал страстно, доказательно и убедительно, разъясняя позицию, убеждая, что надо беречь как зеницу ока единство республики и дружбу между народами.

Общепризнано: находясь в ранге вице-премьера, Абдулатипов сыграл серьезную миротворческую роль в стабилизации положения на Северном Кавказе. Вряд ли это удалось бы другому человеку – даже с большим «политическим весом» и личным авторитетом. Главным фактором успеха была его близость к Кавказу, глубокое понимание психологии кавказских народов, личные отношения со многими формальными и неформальными лидерами, а главное – любовь к своим землякам и чувство родства, которое от одного лишь назначения чиновником не появляется. При его личном участии совместно с руководством регионов удалось сохранить единство Дагестана, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Здесь была проведена огромная работа совместно с М. Магомедовым, В. Коковым и В. Хубиевым. Безусловно, Абдулатипов внес неоценимый вклад и в разрешение осетино-ингушского конфликта.

В Верховном Совете России Абдулатипов руководил рабочей группой по разработке Федеративного договора, который сыграл колоссальную роль в предотвращении развала России и многочисленных национальных конфликтов.

Свой юбилей Рамазан Гаджимурадович отмечает в Год единства

народов России. Проводя различные мероприятия в рамках этого года, люди, я уверен, будут вспоминать Абдулатипова, который внес большую лепту в разработку и реализацию программы формирования нашей общероссийской идентичности, укрепления единства российских народов. Не секрет, что ныне успешно действующая Ассамблея народов России – детище Рамазана Гаджимурадовича. Она имеет особые заслуги в укреплении традиционных отношений дружбы и братства между народами. Последовательная приверженность общероссийским ценностям позволяет сохранять эти связи, обеспечивать мир, спокойствие и национальное согласие на всем пространстве великой России.

Отмечая 80-летие Абдулатипова, мы с удовлетворением говорим: он прошел долгий трудовой и жизненный путь от кочегара в родном ауле до ответственного работника Аппарата ЦК КПСС, председателя Палаты Верховного Совета России, федерального министра, депутата Государственной Думы, Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации, Главы Республики Дагестан и Специального представителя Президента РФ при Организации исламского сотрудничества.

Дорога жизни Рамазана Гаджимурадовича не была усыпана розами, но все трудности и невзгоды он преодолевал стойчески, как настоящий мужчина, и шел вперед, не теряя достоинства и чести. Здесь уместно вспомнить стихи его соплеменницы, Народного поэта Дагестана Фазу Алиевой из книги Рамазана Гаджимурадовича «Люди моей судьбы»:

Нет, Рамазан, не назову
Я жизнь твою цветущим лугом.
За настоящим скакуном
Всегда густая пыль клубится.
Но даже в сумраке сплошном
Не вправе ты остановиться.
Труднее, что ни говори,
Дороги нет, чем восхождение
Из бездны, где маячат тени,
К лучам разлившейся зари.
И нынче жизнь твоя сурова,
Но правда выше пересуд.
И слова твоего, как зова
И откровенья, люди ждут.
Настанет срок – и все лихое
Развеется, как сизый дым,
Перед духовной красотой
И перед мужеством твоим.

Думается, к Абдулатипову вполне применимы и слова Расула Гамзатова о горцах:

Они в горах живут высоко,
С времен пророка ли, бог весть,
И выше всех вершин Востока
Считают собственную честь!

Честь и достоинство являются главным достоянием этого великого горца, которым по праву гордится не только Дагестан, но и весь Российский Кавказ.

У Абдулатипова много знаменитых друзей, но без ложной скромности скажу, что я всегда гордился тем, что он называет другом и меня. Говоря о его юбилее, мне вспоминается несколько ярких эпизодов.

Как-то вместе с Сиабшахом Магомедовичем Шапиевым, членом Центральной избирательной комиссии России, мы прибыли в Республику Таджикистан в качестве международных наблюдателей на выборы Президента страны. Рамазан Гаджимурадович, будучи тогда Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ, нашел нас, и в течение нескольких дней мы жили в резиденции посольства, пользуясь его теплым гостеприимством. Руководству республики он представлял нас исключительно как своих личных друзей.

Мне вспоминается также случай, когда в Махачкале, под председательством Татьяны Николаевны Москальковой, проходил Координационный совет уполномоченных по правам человека в субъектах РФ. На открытии заседания в зале Дома Правительства ожидалось присутствие Главы Республики Дагестан Р. Г. Абдулатипова. Мы сидели за огромным круглым столом. С некоторой задержкой он вошел. В своей приветственной речи он тепло обратился к уполномоченным. В какой-то момент он взгляделся в зал и резко спросил: «Почему мне не сообщили, что в зале присутствует мой друг Борис Зумакулов?» Он отложил написанные листки, подошел ко мне, тепло обнял и произнес: «Здравствуй, мой друг!» Я, конечно, был тронут таким вниманием и, признаюсь, смущен тем, что он так выделил меня среди присутствующих.

Весь день мы выступали, делились практиками правозащитной деятельности, прославляли красивый, гостеприимный Дагестан. Вечером нас всех пригласили на торжественный прием. Я сидел почти рядом с тамадой и Татьяной Николаевной Москальковой. Вдруг открывается дверь зала, двое молодых людей подходят к тамаде и во всеуслышание спрашивают: «Борис Мустафаевич Зумакулов здесь? Его ждет Глава Республики Абдулатипов Рамазан Гаджимурадович». На виду у удивленных коллег меня увозят через всю вечернюю Махачкалу в горы, в резиденцию Главы. Там мне был оказан самый теплый прием, а угощала

нас гостеприимная, обаятельная хозяйка – супруга Рамазана Гаджимурадовича, Инна Васильевна.

Нельзя сказать, что в жизни я был обойден вниманием. Без ложной скромности отмечу: мне довелось тесно общаться с Юрием Гагариным; будучи политическим советником ЦК КПСС в Афганистане, я многократно встречался с президентами Бабраком Кармалем и доктором Наджибуллой; встречался с такими известными личностями, как итальянский писатель Джанни Родари, руководитель чилийской компартии Луис Корвалан, маршалы Советского Союза И. Х. Баграмян, Ф. И. Голиков, И. С. Конев, руководители Азербайджана, Лаоса и Вьетнама. Многолетние дружеские связи поддерживал с Кайсыном Кулиевым, Алимом Кешоковым, Расулом Гамзатовым, Давидом Кугультиновым, Юрием Темиркановым. Но на завершающем витке моей трудовой деятельности такое теплое, братское отношение ко мне со стороны Абдулатипова я запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Когда я взялся за это эссе о Рамазане Гаджимурадовиче, моя сестра Танзиля Зумакулова, народный поэт Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького, просила меня обязательно передать ему поздравления и слова искренней благодарности – как она выразилась, «великому и мудрому горцу за его внимательное, доброе отношение к ней и за высокую оценку ее творчества».

В свое время Абдулатипов написал: «Чувство достоинства – главное качество, присущее личности. Человек без чувства гордости теряет свою индивидуальность». А его большой друг и соратник, профессор Вячеслав Александрович Михайлов, точно заметил: «Быть полезным людям, уважать их – главный жизненный девиз Рамазана Абдулатипова, и всю свою жизнь он верен ему».

Я от всей души поздравляю своего доброго друга, великого горца и мудреца с 80-летним юбилеем! Желаю, чтобы его жизненный путь продлился до ста лет, а потом, как говорится, еще попросим Всевышнего!

НАШЕ ДОСТОЯНИЕ, ИЛИ СУПЕРМАР ИЗ СОЗВЕЗДИЯ БЛИЗНЕЦОВ

Очерк

Маленькая женщина в шляпе. Идет каждое утро по главной улице Нальчика. Идёт неспешно, без суеты. Ее шаги легки, почти невесомы, будто она парит над землёй. В руках – небольшая дамская сумочка, в которой, кажется, не поместится ничего важного, но там точно есть что-то очень важное не только для неё самой, но и для всех нас, кто с ней одной крови, культуры и родства душ. Держится она всегда с достоинством. Как истинная дама, лицо скрывает под широкими полями шляпы, оставляя прохожим лишь намек на улыбку, что играет в уголках тонких губ. Время для нее – всего лишь тень, следящая за её движением.

М. К. Шакова

Это её постоянство – словно ритм сердца нашего города. Каждый день, в одно и то же время, она выходит из дома и направляется по привычному для неё маршруту. Проходит весь путь пешком. Дважды в день. На протяжении более трёх десятков лет. Нальчане уже привыкли видеть её фигуру, плавно движущуюся к важной цели, известной только ей одной.

Её шаги выверены до миллиметра, каждый поворот головы предсказуем. Но именно в этой неизменности и есть нечто верное, успокаивающее, надёжное. Как будто мир вокруг может меняться, рушиться и снова восстанавливаться, а она остаётся той самой точкой опоры, на которую можно опереться, хотя бы взглядом, так, проходя мимо.

Завидное постоянство в наше время, не правда ли? Но это не просто маршрут, а часть большого пути. Её пути с особой целью – духовной. Её жизненного пути, полного труда, смыслов, неожиданностей, открытий и свершений. И этот путь мудр, красив, выверен и прям. Нереально Вечная мадемуазель Шакова. Одним своим присутствием она внушает людям доверие и уверенность в том, что есть всё-таки что-то постоянное и надёжное на этом свете.

Да, её можно видеть каждый день, а можно никогда не увидеть, и не встретить – ведь она никогда не пользуется общественным транспортом, сотовым телефоном, интернетом и всеми другими благами современности. Можно подумать, что она старомодна, но нет. Далеко нет: строго соблюдая свои принципы, следуя старинным адыгским обычаям, владея чистым адыгским литературным языком, она чудесным образом

вписывается в современность – всегда в курсе событий, стильно одета (классика всегда в моде!), ведёт здоровый образ жизни, избирательно абсолютно во всём, органична и гармонична от пяток до кончиков волос. В ней какой-то необъяснимый природный этикет – образец того, как должно быть. Её могут встретить только избранные. Думаю, она сама избрана Всевышним, создана Им специально для каких-то высокоинтеллектуальных проектов и масштабных дел. Поэтому и пишу о ней – хочу, чтобы о ней знали как можно больше людей, да и весь мир. Я узнавала её четверть века и сегодня не могу быть уверенной в том, что знаю о ней всё. Но, главное, мне не раз удалось побывать на вершинах её мысли...

В какой-то мере она, действительно, единственна в своём роде и неповторима. В её жизни уже давно установлен идеальный и нерушимый порядок. Внутри неё самой энергия высшего порядка, не позволяющая ей растративать себя на суету, мелкую по своей сути. Ведь впереди у неё столько важных дел...

Судьба однажды свела наши с ней пути, и мы получили бесценный подарок – благословение на дружбу от Милостивого и Милосердного. Она стала мне главным Учителем, верным Другом и мудрым Наставником в поисках ответов на многие жизненно важные вопросы.

Фраза «самое ценное, что есть», услышанная впервые от неё, засела в моей голове ещё в начале 2000-х, когда мы познакомились в музее. Так называлась её авторская экспозиция книг Али Шогенцукова, которую, как мне показалось тогда, она составляла с огромной любовью и трепетом в сердце. Она – Шакова Марьяна Кужбиевна, заведующая Мемориальным музеем-квартирой А. А. Шогенцукова, литературовед.

Из биографии: Родилась в г. Нальчике в семье служащего. Окончила Нальчикскую специализированную среднюю школу № 3 с золотой медалью. В 1971 г. с отличием окончила немецкое отделение историко-филологического факультета КБГУ им. Х. М. Бербекова. С отличием окончила идеологический факультет вечернего университета марксизма-ленинизма Кабардино-Балкарского ОК КПСС (1976-1978). С отличием окончила факультет повышения квалификации Ивановского госуниверситета (1977-1978). Ленинский стипендиат целевой аспирантуры Института языкознания АН Казахской ССР (Алма-Ата, 1981-1983). В 1985 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, теория перевода» (Тбилиси, 1985). Окончила докторантуру КБГУ им. Х. М. Бербекова по специальности «Литература народов РФ» (2001-2004). Прошла обучение по программе «Интернет-технологии в профессиональной деятельности педагога», дополнительную профессиональную подготовку по программе Intel «Обучение для будущего» в Кабардино-

Балкарском региональном центре Федерации Интернет-образования при Институте повышения квалификации и переподготовки работников образования КБГУ (2005). Окончила курсы повышения квалификации работников культуры и искусства Минкультуры КБР (2011).

Трудовую деятельность начала преподавателем немецкого языка, методистом нальчикского политехнического техникума (1971-1980). Являлась членом бюро городского методического объединения преподавателей иностранных языков средних специальных учебных заведений республики; президентом Клуба интернациональной дружбы, секретарём профсоюзного комитета техникума.

Работала в Государственном объединенном музее КБР (ныне Национальный музей КБР) с 1984 по 1990 год. Являясь научным сотрудником литературного отдела Национального музея КБР, внесла большой вклад в развитие музейного дела республики. При её непосредственном активном участии созданы ныне действующие Литературный музей (г. Нальчик) и Музей-усадьба Кайсына Кулиева (г. Чегем). Она – автор научной концепции и тематико-экспозиционных разработок (Музей-квартира А. Шогенцукова в г. Нальчике, 1988 г.; Дом-музей Б. М. Пачева в с.п. Нартан, 2004 г.); серии монографических исследований «Страницы биографии классиков кабардинской литературы» (1994); серии «Материалы к библиографии ученых КБИГИ РАН» (2013).

С 1990 года создатель и бессменный руководитель Мемориального музея-квартиры основоположника кабардинской литературы А. А. Шогенцукова (г. Нальчик). Старший научный сотрудник ФГБУН «Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН» (1990-2016).

Член редколлегии научных сборников «Актуальные проблемы литературы Кабардино-Балкарии» (1991), «Вопросы кавказской филологии и истории» (1994).

Титульный рецензент изданий: В. Котляров, М. Котлярова «Ты создал мир, и он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000); Л. Б. Хавжокова «Поэтический мир Хабаса Бештокова» (2012).

Диапазон её научных изысканий широк и разнообразен. Её публикации в основном посвящены актуальным проблемам адыгского литературоведения. Вкладом Шаковой в формирование научного фонда современного шогенцуковедения стали её книги: «Али Шогенцуков в документах и фотографиях» (2002); «Мой Али Шогенцуков» (2009); «Актуальные проблемы шогенцуковедения» (2022); а также многочисленные статьи, опубликованные в научных сборниках и периодической печати. В 3-х томное издание «Адыгэ литературэм и тхыдэ» (2010, 2013, 2021 гг.), подготовленном сотрудниками сектора кабардинской литературы КБИГИ, представлены её авторские статьи-главы: «Жанр кIэщIхэр: лIэужыгъуэхэр, теплъэхэр, щэнхэр», «Адыгэ драматургие:

дыгъуасэ, нобэ, пщэдэй» (т.2); «Къэбзэрдэ-Шэрджэс комедиографиер»; «НыбжьыщIэхэм папщIэ драматургие»; «Гуэдзэнхэр» (т. 3).

Вкладом в адыгское литературоведение стал и авторский проект Марьяны Шаковой «Материалы к библиографии учёных КБИГИ РАН», первый выпуск которого посвящён доктору филологических наук Р. Х. Хашхожевой (2013).

М. К. Шакова – автор 33-х статей-персоналий библиографического словаря «Писатели Кабардино-Балкарии» (XIX – конец 80-х гг. XX в.), разработанного сотрудниками отдела литературы КБИГИ (2003). Она – член авторского коллектива по составлению академического издания «Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX-XX вв. Биобиблиографический словарь в 3-х томах на кабардинском и русском языках (т.1 издан в 2021 г.). Важные публикации: «Самое ценное, что останется после меня, – мои дети и книги» // ж-л «Мир музея». – Москва, 2014, № 7, с. 39-40.; Хаджи-Муса Мидов: Публицистика. Дневники. Письма. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2018, 376 с.; Драматургия и театр Бориса Утижева. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021, 190 с.; «Актуальные проблемы шогенцуковедения». – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2022, 178 с.

Музейный лекторий «Уроки Али Шогенцукова», созданный М. Шаковой, оказывает постоянное творческое содействие и методическую помощь учебным заведениям республики по интернациональному и патриотическому воспитанию молодого поколения. В целях популяризации творчества поэта и работы музея М. К. Шакова плодотворно сотрудничает со СМИ, выступая на радио, по телевидению и на страницах периодической печати. Значительным вкладом в популяризацию жизни и творчества Али Шогенцукова стали её передвижные экспресс-выставки, тематические лекции и экскурсии. В 2000 году, когда республика отмечала 100-летие со дня рождения Али Шогенцукова, М. К. Шакова стала лауреатом премии и юбилейной серебряной медали им. Али Шогенцукова.

В течение ряда лет (2003-2009 гг.) Марьяна Кужбиевна председательствовала в жюри традиционного ежегодного общегородского фестиваля «Пушкинский лицей». К 110-летию со дня рождения А. Шогенцукова мы разработали и успешно реализовали совместный проект – Первый литературный фестиваль-конкурс среди учащихся МКОУ СОШ г.о. Нальчик «Он создал мир и он велик», который вошёл в «Календарь знаменательных дат и событий республики» в 2010 году; образовательно-воспитательный проект «Музей – хранитель памяти, традиций, истории» (2014 г.); принимали участие в российских конкурсах с творческими работами по темам шогенцуковедения. В целях популяризации бережного отношения к историческому и культурному наследию и в рамках авторского просветительского проекта

М. Шаковой «Уроки Али Шогенцукова» учащиеся разных школ города Нальчика и муниципальных районов республики систематически встречаются на площадке Мемориального музея-квартиры и проводят культурные мероприятия, литературно-музыкальные композиции «Мы помним!». Она – научный консультант документального фильма «Али Шогенцуков. Жизнь и трагическая гибель поэта», снятого в 2007 году на базе музея Али Шогенцукова Северокавказской студией кинохроники (г. Владикавказ); автор юбилейной выставки «Великая Отечественная война в жизни и творчестве Али Шогенцукова» с одноименным буклетом (2010 г.); составитель и автор книг «Али Шогенцуков. Страницы биографии» (1994); «Али Шогенцуков в документах и фотографиях» (2002); «Аскерби Шортанов. Очерки. Статьи. Доклады. Письма» (2000); «Кабардинский драматический театр» (2005), «Национальные истоки становления кабардинской драматургии и театра» (2006), «Мой Али Шогенцуков» (2009), «Антология кабардинской драмы» (2012 г.), «Наш Али Шогенцуков» (2013 г.). Член авторского коллектива по составлению академического издания «История кабардино-черкесской литературы» и биобиблиографического словаря «Адыгские писатели XIX–XXI вв.» на кабардинском и русском языках.

Марьяна Кужбиевна – лауреат Всесоюзного конкурса творческих работ по общественно-политической тематике, посвященного 60-летию образования СССР (1978); отмечена дипломом Общества «Знание» РСФСР (1980) и дипломом ЦК ВЛКСМ Казахстана (1981); кандидат филологических наук (1985); лауреат премии и серебряной медали им. Али Шогенцукова (2000).

За многолетнюю безупречную и плодотворную педагогическую, научно-исследовательскую, просветительскую деятельность и личный вклад в развитие гуманитарной науки, культуры, музейного дела республики награждена Почетными грамотами Министерства культуры РФ и Российского профсоюза работников культуры (2010), Президиума Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (1996, 1999); Министерства культуры КБР (2000, 2005, 2010); Министерства образования и науки КБР (2006, 2011); Президиума Федерации профсоюзов КБР (2005); Департамента образования г.о. Нальчик, Центра развития творчества детей и юношества МОН КБР (2010) и др. В течение многих лет тесно работала с постоянными участниками её лектория «Уроки Шогенцукова» – обучающимися литературной студии «Свеча» ГБОУ ДАТ «Солнечный город», представляя богатство культурно-языковых традиций народов Кабардино-Балкарии через творчество Али Шогенцукова на множестве конкурсов и фестивалей. Под её руководством были разработаны десятки творческих работ, которые неизменно становились победителями и призёрами. В Год культурного наследия народов её наставническое

участие во Всероссийском фестивале «Поведай мне, страна родная!» (организатор – Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова) было отмечено Почётной грамотной в специальной номинации жюри «Я лиру посвятил народу своему...» – за буклет о творчестве национального писателя, отмечающего юбилей в 2022 году. Кроме того, стоит отметить и её активное сотрудничество с культурными учреждениями г. Бобруйска, в частности, с Централизованной библиотечной системой ГБ № 7, носящей имя А. А. Шогенцукова. В рамках совместного проекта «История двух стран в судьбе поэта» 22 июня (в День начала Великой Отечественной войны, День всенародной памяти жертв фашизма и геноцида белорусского народа) организует и проводит телемосты, онлайн-акции «Читаем стихи Али Шогенцукова вместе». На сайте Государственного Национального музея регулярно публикуются видео с декламацией стихотворений Али Шогенцукова в исполнении потомков поэта и посетителей музея. Она всегда в гуще событий, работа спорится, планов множество.

Действительно, у каждого свои ценности. Общие со временем меняются, утрачиваются, просто исчезают, становясь пылью и растворяясь в реке времени, мы и сами пылинки в огромной Вселенной. Но как бы ни менялись времена, как бы ни изменялось общество, всё же есть некоторые постоянства – остаются вечные ценности, которые на протяжении тысячелетий имеют большое значение для людей. А если эти люди – одного поколения, одной культуры, одной веры, одного мироощущения, они становятся верными друзьями на долгие годы. Ценностью для них, безусловно, является дружба.

На сегодняшний день мы уже не так часто (как в советские времена) употребляем это слово в своей речи. Мы называем своими друзьями тех или иных людей, но мало кто может сформулировать, что такое настоящая дружба, какой она должна быть. Потому что «настоящих» всё меньше и меньше. Пусть все определения дружбы кое в чём и будут сходны (к примеру, дружба – это взаимоотношения, основанные на взаимной открытости людей, полном доверии и постоянной готовности в любой момент прийти друг другу на помощь...), но ведь главное, чтобы у друзей были одинаковые жизненные ценности, похожие духовные ориентиры. Тогда они смогут дружить по-настоящему, даже если у них разное отношение ко многим явлениям жизни.

К тому же, люди могут общаться друг с другом лишь изредка, не видясь долгое время, но всё равно оставаться очень близкими друзьями. Ни время, ни расстояние, ни люди, ничто и ни разу не повлияло на нашу с ней установившуюся дружбу. Она (эта дружба) так же изысканна и эксклюзивна, как и сама Марьяна Кужбиевна.

Эта «маленькая женщина с большим кинжалом» (ей так подходит эта формулировка А. Шортанова «фыз цЫкІу кьамэшхуэ»!) способна

на великие свершения. Вооружённая пером, острым языком и чувством юмора, грамотная, высокоинтеллектуальная, интеллигентная, щедро одаренная талантом, переживающая за судьбу адыгского народа, каждый день воюющая на своём посту за сохранение его наследия... идёт. Нет, не идёт, а шествует по жизни с гордо поднятой головой. Все эти высокочтимые постоянства являются не только её личной отличительной чертой, но и нашей общей многолетней дружбы.

Маленькая Коко Шанель с необычайным стилем не только в одежде, но и в речи – как белый парус в океане мирской суеты. Она – самый благородный, благодарный и добропорядочный человек, которого я когда-либо встречала или знала на своём веку. Она – мой верный Друг (подругой её не назовёшь), сама называет меня Планетой Добра и Света.

Подарок судьбы, седьмое небо, куда моя душа стремится, чтобы расправить крылья и посмотреть на грешную Землю с высоты. Она, как ангел во плоти, посылает мне душевные приветы, невероятные презенты и знаки внимания. Пишет мне из каких-то далёких созвездий, встречает и провожает, сопереживает. Мы – Сёстры, нас свела сама жизнь, «чтобы не было так мучительно больно»... Она даёт мне бесценные советы по всем вопросам жития. У неё всегда есть чему поучиться, и я тоже очень хочу пригодиться ей хоть в чём-нибудь, сделать её довольной, вызвать улыбку. У нас вместе есть одна нерушимая традиция – встречаться у памятника классику кабардинской литературы (возле кабардинского драмтеатра) и долго говорить о высоких вещах (литературе, музыке, искусстве) на нормированном литературном языке. Мы часами можем говорить о предназначении человека на Земле, о нравственности, культуре и быте наших предков, о современных адыгах и ещё о многом-многом другом. Мы выполняем важную миссию – трудимся на благо Отечества, творим и дарим Свет окружающим.

Как-то в разговоре у неё проскользнуло: «Наверное, это наша шаковская черта – не говорить о себе, не хвалить себя. Много «я» – это всегда плохо. Если что надо сказать, то посторонние скажут». Мне почему-то это запало в душу и не давало покоя. Теперь я взяла на себя эту миссию – быть той самой посторонней, чтобы сказать. А сказать надо... Просто жизненно необходимо.

Не знаю, как она отнесётся к моей инициативе опубликовать этот очерк, но знаю наверняка одно: души её родителей и брата Глостанбека обрадуются на том свете. На первой странице ее поэтического сборника «Благодарю тебя, Судьба!» написано: «Светлым душам моих незабвенных родителей Нур Гузеровны Куржиевой и Кужби Харуновича Шакова посвящаю». А книга о брате «Герой своего времени» начинается с её очерка «Он радовал мир своим присутствием и добрыми делами», а эпиграфом послужили строки У. Шекспира:

*Прекрасна жизнь его, и все стихии
Так в нём соединились, что природа
Могла б сказать: «Он человеком был!».*

Эти слова можно отнести и к ней самой. Так вот, судя по старинной кабардинской пословице, человеку нужен человек. СуперМар (так я называю её в последнее время) – очень важный человек в моей жизни, но ещё более важный в жизни всего кабардинского народа. Как филолог она дала миру ряд блестящих работ, книг и статей по литературным темам. Несомненным её достоинством является и умение консолидировать коллектив вокруг себя, находить оптимальные варианты для решения любых рабочих и житейских проблем. Знайте, что несмотря на свою хрупкость и женственность, Марьяна Кужбиевна может вполне успешно решать всевозможные хозяйственные вопросы. Об этом можно судить по безупречному состоянию музея-квартиры на улице Горького, 35. Уникальная трудоспособность, обостренное чувство ответственности за порученное дело, душевная щедрость и порядочность давно снискали ей заслуженное глубочайшее уважение среди коллег. Отличительных черт у Марьяны Шаковой множество, точнее, каждая её черта достойна внимания и похвалы со стороны, но эстетика абсолютно во всём, лаконичность, изысканность, интеллект и витальность – этого не отнять. Что есть, то есть – способность жить, расти и развиваться. У неё всегда всё как надо, и как следует.

Все ценности, которые нас окружают – отражение нашей же внутренней ценности. Разумеется, наполнить себя можем только мы сами, а не другие люди. Но я ощущаю величайшую радость оттого, что есть такие люди, как Марьяна Шакова, которые способны наполнить сначала самих себя, а затем ещё и других. Высокообразованная, она щедро делится своими знаниями, и никогда не демонстрирует своего превосходства. Мы знакомы с 2003 года, и всё это время она не перестаёт удивлять и восхищать своей исключительной гуманитарной чуткостью, особенным интересом ко всему родному, доброму, светлому, талантливому, живому и искреннему. Она как кладёзь полезных знаний, её память феноменальна – все биобиблиографические данные об Али Шогенцукове и многих других писателях, десятках театральных деятелей и сотнях известных личностей страны и республики, цитаты из литературных текстов – всё у неё в этой маленькой голове. А голова работает лучше всякого компьютера. Приятно общаться с таким продвинутым человеком, делать вместе с ней общие полезные и добрые дела. Никакие алисы и боты не заменят этого живого человеческого общения. Так что, самое ценное в жизни – не то, что у нас есть, а те, кто у нас есть!

«Вечная мадемуазель», ставшая для меня символом свободы, независимости и самодостаточности. Ты любишь природу, жизнь во всех

её проявлениях, свою работу, музей, людей... Больше всего ты любишь сохранять и созидать, читать и писать книги, решать проблемы; не огорчать, а радовать окружающих; не осуждать, а поддерживать... И всё со знаком качества, позитива, всё с отличием. С долей самоиронии ты сама себя называешь Великим мастером маленьких дел, потому что любишь делать маленькие презенты с изысканным вкусом, любишь делать добрые дела, а они понемногу собираются и с течением времени превращаются в одно большое дело. Ты гордо идёшь по жизни с чистой совестью, в ладу с собой и с другими, ты никогда и ни на шаг не отступаешь от адыгского этикета. Наверное, поэтому никогда и не ошибаешься. Несмотря на свою занятость и ежедневные заботы о музее Али Шогенцукова, ты всегда радешь о близких, друзьях, коллегах, обо всех научных и культурных достижениях. Пишешь книги одна за другой. При этом твой строгий аналитический ум учёного удивительным образом сочетается с тонкой поэтической душой, что позволяет тебе видеть красоту во всём: в природе, в людях, в самых сложных материях. Ярким свидетельством тому стал и твой поэтический сборник «Благодарю тебя, Судьба!», выпущенный в издательстве М. и В. Котляровых. Твоя фамилия, действительно, говорит сама за себя – Шакова (ЩакIуэ) в переводе с кабардинского языка означает «охотник». Ты настоящая охотница за знаниями, которой под силу выследить любую редкую информацию. Твоя интуиция и упорство всегда приводят к цели – открытиям. Ты охотница за красотой, которая умеет находить прекрасное в самых неожиданных деталях истории. Ты не просто изучаешь прошлое, ты оживляешь его своим талантом. Ты являешься истинным носителем и хранителем уникальной идентичности, связанной с нашей адыгской культурой, и твоя работа в музее Али Шогенцукова – это прямое служение культуре. Наша охотница за наследием, бесстрашный хранитель нашей памяти, ты не даёшь времени стереть важные имена и события, сражаясь за каждую крупницу истории. Ты настоящая охотница за уникальностью. В мире, где всё стандартно, ты – тот самый редкий экспонат.

Хочу выразить тебе огромную благодарность за эту настоящесть, за постоянную поддержку, за идейные вдохновения, за понимание и приятие моего «я», за многолетнюю дружбу... Твои человечность, доброта, мудрость, искренность и чувство юмора делают нашу дружбу поистине уникальной. Спасибо за то, что ты есть! Ты – наше достояние!

Только не теряй веру в «доброе начало всех начал» и обязательно побывай на Сейшелах, о которых так пламенно мечтаешь. А я всегда буду ассоциировать эти тропические красоты, белоснежные пляжи и кристальную воду с твоими делами, помыслами и чистой совестью. Буду и дальше исследовать эти гранитные скалы твоего ума и учиться мастерству Слова у тебя. Никуда не буду спешить, ведь время для нас с тобой – всего лишь тень, следящая за нашими движениями...

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

К 84-летию со дня рождения А. К. Сонова

А. К. Сонов

Абдулкерим Сонов – имя, знакомое каждому, кто ценит вклад в культуру Кабардино-Балкарии. Он не просто поэт, а настоящий мастер слова, чьи стихи и песни стали частью души народа. Его творчество – это не только лирика, но и глубокие размышления о жизни, истории и судьбе.

Родившись 28 февраля 1942 года в селе Верхний Куркужин, Абдулкерим Сонов с детства впитывал в себя дух родной земли. Не случайно именно в его сельской школе когда-то преподавал сам Али Шогенцуков, классик кабардинской литературы. Возможно, это стало одним из первых импульсов к его собственному творческому пути.

После окончания историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета в 1970 году Абдулкерим Сонов начал свой профессиональный путь. Он успел поработать социологом, но истинное призвание нашел в журналистике. Его очерки и статьи на кабардинском языке всегда отличались остротой мысли и глубоким анализом.

Карьера Абдулкерима Сонова в издательском деле впечатляет. Он прошел путь от редактора до главного редактора в различных издательствах, включая «Эльбрус» и «Нарт». Его опыт и знания были бесценны для развития книгоиздания в республике. Он также внес значительный вклад в образование, будучи автором школьных учебников и заведующим учебной редакцией.

Помимо литературной и издательской деятельности, А. К. Сонов активно участвовал в общественной жизни. Он является членом Союза журналистов и Союза писателей России, а его заслуги были отмечены званием заслуженного работника культуры КБР в 1998 году.

Творчество А. К. Сонова – это не просто набор произведений, это целая эпоха в истории кабардинской культуры. Его стихи, песни, очерки и публицистика оставили неизгладимый след в сердцах читателей и слушателей, став весомым вкладом в культурное наследие нашей страны.

Абдулкерим Сонэ, чье имя стало синонимом преданности родному языку и культуре, начал свой творческий путь еще в школьные годы,

пробуя себя в поэзии. Однако по-настоящему серьезно он занялся сочинительством, будучи студентом. Его перу принадлежат несколько замечательных сборников стихов, каждый из которых оставил заметный след в кабардино-черкесской литературе.

В 1976 году вышел в свет его первый сборник «Дзапэ уэрэд» («Любимый напев») тиражом в 1000 экземпляров. Некоторые произведения из этого сборника, такие как «Шагъдий», быстро стали народными хитами, превратившись в любимые песни. За ним последовали «ПыIэзэфIэхъ зэман» («Горячее время») в 1988 году и «Къуалэбзу джэгуакIуэхэр» («Ансамбль пернатых») в 1993 году. В 2001 году читатели увидели «Iэгумахуэ IэщI-жэщ» («Свет и тень. Избранное»), сборник, объединивший лучшие произведения автора.

Но деятельность Абдулкерима Сонэ не ограничивалась только поэзией. Он был также и выдающимся методистом. В 1975 году, в соавторстве с известным языковедом, кандидатом филологических наук Мухабом Абитовым, он подготовил и выпустил учебное пособие для студентов вузов по синтаксису современного кабардино-черкесского языка.

Особое место в его наследии занимают школьные учебники. Абдулкерим Сонэ является автором-составителем учебников по родному языку для начальных классов – «Анэдэлъхубзэ» («Родная речь. Учебник для 3-го класса»). Этот учебник, неоднократно переиздававшийся тиражом от 5 до 10 тысяч экземпляров, по праву считался одним из лучших в своем роде. Он также создал учебники по родной (кабардино-черкесской) литературе для учащихся 8-х и 10-х классов средней школы.

Интересно, что Абдулкерим Сонэ, несмотря на свой филологический путь, всегда питал особую любовь к математике. После школы он мечтал поступить на физико-математический факультет КБГУ, но судьба привела его на историко-филологический. Однако мечта о математике не угасла. Он перевел на кабардино-черкесский язык школьный учебник математики для 1-3 классов («Математика. Учебник для четырехлетней начальной школы»), который вышел в 1991 году тиражом в 13 000 экземпляров.

По решению Министерства просвещения КБР этот учебник использовался в школах республики около десяти лет, пока обучение в начальных классах велось на родном языке. Это был важный период, когда дети получали базовые знания на своем родном языке, что, к сожалению, позже было отменено под давлением родителей, опасавшихся дополнительной нагрузки на детей в условиях подготовки к ЕГЭ.

Многие студенты, обучавшиеся по его учебникам, впоследствии стали лучшими специалистами, прекрасно владеющими родным языком. Сегодня в средствах массовой информации работает молодежь, которая в начальных классах изучала основные предметы на родном

языке. И в этом огромная заслуга Абдулкерима Сонова. Он не только создал эти учебники, но и сумел убедить Министерство просвещения в их значимости, а также донести их ценность до родителей и всего народа, отстаивая право детей на обучение на родном языке.

Абдулкерим Сонов – не просто автор учебников, а настоящий подвижник, чьи труды стали фундаментом для сохранения и развития родного языка и литературы. Его статьи, посвященные проблемам изучения родного языка в школе и необходимости обучения детей на родном языке в начальных классах, до сих пор не теряют своей актуальности. Сонов глубоко верил, что будущее народа напрямую зависит от того, насколько бережно мы относимся к своему языку.

Он считал создание школьных учебников делом государственной важности, понимая, что именно через них формируется мировоззрение подрастающего поколения. Его работы, такие как «Проблемы современного школьного учебника по родной литературе», «О художественных произведениях», которые вошли в школьную книгу для изучения в 10-м классе, «О программах по родной литературе для общеобразовательных школ», «О задачах учебника по родной литературе», «Изучение адыгского фольклора в школе» и многие другие, стали бесценным вкладом в методику преподавания.

Эти статьи, написанные исключительно на родном языке и опубликованные с 1986 по 2007 годы, входили в программу вузовской дисциплины «Основы школьного курса родной литературы». Они оказали неоценимую помощь студентам-филологам, будущим учителям родного языка и литературы, в освоении предмета. И сегодня, спустя годы, труды Сонова остаются эталоном, и никто пока не смог превзойти его в глубине и актуальности исследований проблем изучения родного языка в школе. Все его статьи доступны для ознакомления в кабардинском интернете.

Но Абдулкерим Сонов был не только крупным методистом. Он обладал ещё одним особым даром – был талантливым поэтом-песенником. Его стихи легли в основу десятков песен, ставших настоящими хитами. Среди них – «Хьэблэ щІалэр доджэгу», «Шагъдий», «Налшык парк», «Къреунэху зы махуэ», «Уэшх нэужьым си лъахэр», «ЗекІуагъащІэм и уэрэд», «Ди-ди» и многие другие.

Уникальность Сонова заключалась в том, что он одинаково мастерски творил как для взрослых, так и для детей. Эта особенность поставила его имя в ряд лучших творцов кабардинского песенного жанра. Его поэтический талант, подкрепленный профессиональным литературным образованием (он окончил отделение кабардинского языка и литературы), оказался удивительно созвучным музыке. Композиторы находили в нем идеального соавтора, и вместе с такими мелодистами, как В. Молов, Д. Согов, Б. Кабардоков, Ф. Кяров, он создал до тридцати песен.

Почти все эти песни и сегодня звучат со сцены, став настоящими

долгожителями. Их полюбили как современники поэта, так и нынешнее поколение. Песни на стихи Абдулкерима Сонова часто исполняют по радио самые разные певцы, среди которых Доган Кушха (Турция), Черим Нахушев, Амирхан Хавпачев и многие другие, подтверждая их непреходящую ценность и популярность.

Абдулкерим Сонов – имя, которое навсегда вписано в историю Кабардино-Балкарии как символ истинного поэта и пламенного патриота. Его творчество, пронизанное беззаветной любовью к родной земле и языку, стало источником вдохновения для многих поколений. Патриотизм – центральная тема его лирики, воплощенная в таких произведениях, как «Наш Флаг» (посвященный государственному флагу КБР) и «Пусть настанет такой день». Эти стихи, ставшие настоящими гимнами, звучали по радио, вселяя гордость и надежду в сердца слушателей.

В 1992-1993 годах Сонов создал стихотворение-очерк «Посвящение героям», в котором он не только восхищается мужеством кабардинцев, получивших звание Героя Абхазии за помощь в конфликте, но и выражает глубокое осуждение самой войны, предрекая, что Кавказ будет стыдиться ее еще долгое время. Это произведение – яркий пример его гражданской позиции и способности к глубокому осмыслению сложных исторических событий.

Когда была создана Международная адыгская хаса, Абдулкерим Сонов откликнулся на это событие эпической песней «Дунейпсо Адыгэ Хасэм и пшынальэ», которая по своей силе и значимости стала гимном этой организации.

С 1987 по 2000 год Абдулкерим Сонов активно участвовал в работе общественной организации «Адыгэ Хаса». Именно эта организация, при активном участии Сонова, Заура Налоева, Хамида Кажарова, Леонида Шогенова и других просветителей, подняла на самый высокий уровень вопрос об угрозе исчезновения родного языка. Они понимали, что проблема не только в количестве говорящих, но и в отсутствии передачи языка следующим поколениям. Сонов посвятил этой теме ряд публикаций.

Несмотря на серьезное сопротивление, они, при поддержке тогдашнего министра образования КБР Х. Г. Тхагапсоева (1988-1996 гг.), добились внедрения принципа обучения в начальных классах (1-3 классы) на родном языке во многих школах, особенно в сельских. Члены «Адыгэ Хаса» ездили по селам, встречались с родителями, объясняя важность такого подхода. Их целью было сделать изучение родного языка и литературы обязательным в рамках образовательных программ общего образования, поскольку в обществе и семьях не прививалось должное отношение к родному языку.

Для реализации этой инициативы Абдулкерим Сонов, будучи директором издательства «Нарт», лично перевел учебник математики на родной язык, а Леонид Шогенов – учебник природоведения. Эти учеб-

ники были отпечатаны тиражом от 13 тысяч экземпляров каждый и распространены по школам. Кроме того, были изданы и другие учебные материалы и тетради. Сонов успешно справлялся с этой задачей, нуждаясь лишь в бумаге и разрешении на печать.

Деятельность Абдулкерима Сонова – это яркий пример того, как один человек, движимый любовью к своему народу и языку, может внести неоценимый вклад в сохранение культурного наследия и развитие образования. Его имя навсегда останется в памяти как символ мужества, таланта и беззаветного служения Родине.

Абдулкерим Сонов – фигура, чье имя неразрывно связано с сохранением и развитием адыгского языка и культуры. Его вклад многогранен и охватывает несколько десятилетий, начиная с непростых 80-х годов прошлого века.

Ещё в советское время, когда подобные инициативы были сопряжены с большим риском, Сонов нашел способ наладить связь с адыгами, проживающими в Турции. Он отправлял им книги на родном языке, поддерживая тем самым их связь с исторической родиной и культурой. Позже, уже в 90-е годы, турецкие адыги, работая с Соновым, вспоминали об этих поступках, подчеркивая, насколько непростыми они были для всех участников.

Творчество Абдулкерима Сонова широко известно и за пределами Кавказа. В местах компактного проживания адыгов за рубежом с любовью исполняют его песни, написанные на стихи «Шагди», «Нальчикский парк», «Молодежная», а также его детские песни. Особое место среди них занимает «Шагди» – песня, ставшая для зарубежных адыгов символом исторической родины. Само название, в переводе с адыгского означающее «опережающий полет стрелы», глубоко символично. Песня воспевает красоту и силу кабардинской лошади Шагди, которая на протяжении веков разделяла с народом его радости и горести. Именно благодаря песням, таким восхитительным и пронзительным, творчество Сонова обрело столь широкую аудиторию.

Помимо песен, Абдулкерим Сонов оставил богатое наследие в виде «Коротких стихов» – более пятидесяти произведений, отличающихся высоким качеством и разнообразием тем. Эти стихи, написанные со вкусом, легко запоминаются наизусть и подходят для людей всех возрастов. Их оригинальность настолько велика, что они могли бы украсить стены домов и школьных классов. Сонов был не просто поэтом, но и философом.

Как и у многих поэтов, центральное место в лирике Абдулкерима Сонова занимает тема любви. Его цикл стихов «Мелодии любви» включает в себя около пятидесяти произведений, среди которых «История первой любви», «Вихрь любви», «Имя твоё», «Весенняя любовь», «Красота ослепила глаза...», «Свет, согревающий душу», «Двойная зима», «Моя Меличипх», «Когда ты ушла...», «Почему я потерял тебя», «Два сти-

хотворения из дневника девушки» и многие другие. Эти стихи, как и у всех великих поэтов, затрагивают универсальные человеческие чувства.

Сонов также является автором стихов, песен и загадок для детей, таких как «Первые шаги», «Ди-ди», «Маленькая Лана», «Лето зовет». Этот «самый сладкий цикл» поэта всегда пользовался большим вниманием и любовью юных читателей.

Особое место в творчестве Абдулкерима Сонова занимает его деятельность как поэта-переводчика. Он перевел на родной язык произведения таких выдающихся авторов, как А. Пушкин, Г. Гейне, С. Есенин, Е. Евтушенко, К. Кулиев, Г. Цадаса, Р. Гамзатов и многие другие. Сонов обладал уникальным даром передавать исходный смысл, идею и литературные приемы оригинальных произведений, сохраняя при этом красоту и мелодичность адыгского языка. Его переводы настолько органичны, что читаются как оригиналы и даже вошли в школьные учебники по родной литературе. В поэтическом сборнике Сонова «Свет и тень» есть целый раздел «Гостиная», посвященный его переводческим работам, где представлены «Лунная ночь» Г. Гейне, «Бесы», «Слеза», «Песнь о вещем Олеге» А. Пушкина, «Письма матери», «Березы», «Плачет метель, как цыганская скрипка», «Клен ты мой опавший, клен заледенелый», «Нивы сжаты, рощи голы...», «Мы теперь уходим понемногу», «Разбуди меня завтра рано», «До свиданья, друг мой, до свиданья» С. Есенина, «Полудорожник», «На свете вечно...», «Я шатаюсь в толкучке столичной...», «Нет, мне ни в чем не надо половины» Е. Евтушенко, «Горной речки глухой воды...», «Разве тот мужчина?», «В старину писали не спеша» Р. Гамзатова, «Счастливые сны», «Река», «Свой дом я вспоминаю часто очень...», «Когда глядите сквозь листву ольхи», «Следов ранений на камнях видны...», «Слепой живет надеждой на прозрение...».

Абдулкерим Сонов, помимо своей основной деятельности, внес значительный вклад в переводческую работу, участвуя в создании национальных версий фундаментальных трудов по исламу, таких как «Книга об исламе» и «Молодой мусульманин».

В своем творчестве Сонов мастерски использует образы природы для раскрытия глубинных тем и идей. Ярким примером служит его поэма-сказка «Ансамбль пернатых», написанная в 1993 году для старшеклассников. Это произведение, состоящее из 612 строк, поднимает философские вопросы о несправедливости общественного устройства. Поэма завершается наставлением Орла-тамады о том, как сохранить свой род, и, несмотря на детскую направленность, обращена к размышлениям взрослых.

С самого начала своего поэтического пути Сонов уделял особое внимание теме родины, которая стала центральной в его творчестве. Его стихи, такие как «Куркужин», «Моя родина», «Вечер в селе», пронизаны глубоким патриотизмом. Эта тема, наряду с природой, родным языком,

философией жизни, дружбой и любовью, красной нитью проходит через все его произведения – стихи, песни, очерки и статьи. Даже школьные учебники, составленные им, несут в себе идеи любви к родине и патриотизма. Сонов демонстрировал благородный, осмысленный патриотизм, всегда думая о народе, его историческом пути и будущем. Особенно ярко это проявилось в его работах 90-х и 2000-х годов, где он поднимал актуальные общественные проблемы. Все его творчество отмечено поэтическим даром и искренней любовью к родной земле.

Абдулкерим Сонов также известен как автор литературно-критических статей, посвященных творчеству выдающихся кабардинских поэтов и прозаиков, таких как Али Шогенцуков, А. Налоев, Х. Хавпачев, Б. Карданов, А. Куантов, Р. Ацканов и другие.

Его журналистские работы, в которых он рассказывал о жизни простых тружеников, подробно описаны в книге «Абдулкерим Сонов. Жизнь и творчество», подготовленной к его 70-летию в 2012 году. Эта книга, написанная на кабардинском языке, является единственным полным исследованием творческого пути поэта. О Сонове также писали такие известные личности, как Сафарби Хахов, Мухаб Бжеников, Руслан Ацканов, Бетал Курашинов, Хамид Кармоков.

Абдулкерим Сонов ушел из жизни 12 июня 2019 года в возрасте 77 лет.

За свой плодотворный труд, талант и преданность родному языку, будучи автором школьных учебников по родной словесности, сборников стихов и песен, очерков, портретов, статей и рецензий на кабардинском языке, Абдулкерим Кадинович Сонов был удостоен медали «Алим Пшемахович Кешоков – 100» в 2014 году.

Было бы справедливо установить на доме, где жил Абдулкерим Сонов, мемориальную доску на кабардинском языке в память о поэте. Он по праву заслужил глубокое уважение.

НАШЕ ВСЁ, И ВАШЕ ТОЖЕ

Эссе

Пушкин для меня, как и всех прочих, отбывших срок в стенах филфака, безусловно – наше всё. И даже больше. Однако несколько слов о том, за что на самом деле мы должны чтить «солнце русской поэзии», сказать всё же стоит. Чтобы, как говорится, некоторые не думали.

Ограничусь главным. Только сначала поясню, почему вообще данный вопрос возник. Казалось бы: как это – за что? Чего ты, Мечиев, вообще удумал такое спрашивать? Это же Пушкин! Сам Александр, понимаешь, Сергеевич! А ты – почему да за что?

И тем не менее! Сколько народу сегодня способно с ходу ответить на вопрос: а почему мы, собственно, с этим Пушкиным носимся? В школе у нас в младших классах буря мглою небо кроет, в старших – «Спокойно, Маша, я Дубровский!». Отчего сие, как сказал бы Пётр Первый?

Что большинство ответило бы нам на этот сакраментальный вопрос? Я вам скажу: толком ничего! Все как-то привыкли к тому, что он Пушкин, что он есть, и читать его надо именно поэтому. Желательно – от корки до корки. А ещё желательней знать наизусть. Наверное.

Помните, как в «Том самом Мюнхгаузене»? «Он нам дорог просто, как Мюнхгаузен, как Карл Фридрих Иероним! А уж пьёт его лошадь или не пьёт...». Мне кажется, что нечто подобное произошло и с Александром Сергеевичем.

У меня на филфаке даже диагноз для таких свой был: рюхинительно (по фамилии персонажа «Мастера и Маргариты» Рюхина, а почему именно «..ительно», скажу позже): «Но что он сделал? Я не постигаю. Что-нибудь особенное есть в этих словах: „Буря мглою...“? Не понимаю!.. Повезло, повезло! – вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся. – Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...».

В самом деле: мало ли в Бразилии Педро? Пушкин же не единственный в России поэт? Но почему-то именно про его убийцу Дантеса другой гениальный поэт Леонид Филатов пишет (цитирую по памяти): «Да нам плевать, каким он был, какую музыку любил, какого сорта кофий пил – он Пушкина убил!».

Фамилия этого злодея настолько врезалась лично мне в память, что я даже одно время думал, что Эдмон Дантес из «Графа Монте-Кристо»

– это тот самый Дантес и есть. И я не один такой был! Помню, в юмористической передаче «Городок» была сцена, где в замке Иф аббат Фариа в исполнении Олейникова говорит Дантесу в исполнении Стоянова: «Я помогу вам, хоть вы и убили Пушкина!», на что «Дантес» недоумевающе восклицает: «Какого ещё Пушкина?! Я не знаю никакого Пушкина, я никого не убивал!»

И только потом все вспомнили – надеюсь, что вспомнили! – что «тот белогвардеец» был Жорж, а не Эдмон.

Впрочем, шутки в сторону. Итак: что мы имеем с солнца русской поэзии? Помимо того, что он написал много стихов и прозы?

А то, что хотя русских поэтов и писателей и правда было не меньше, чем Педро в Бразилии, именно Пушкин начал писать свои произведения относительно сегодняшним языком. Причём языком разговорным! Сравните: «Властитель слабый и лукавый, / Плешивый щеголь, враг труда, / Нечаянно пригретый славой, / Над нами царствовал тогда» с «К ней» Жуковского: «Какую бессмертную / Венчать предпочтительно / Пред всеми богинями / Олимпа надзвездного? Не спорю с питомцами / Разборчивой мудрости, / Учеными, строгими; / Но свежей гирляндой / Венчаю веселую, / Крылатую, милую, / Всегда разнообразную, / Всегда животворную, / Любимицу Зевсову, / Богиню Фантазию». Как говорится – почувствуйте разницу!

Объясняю. Помните такое словечко – «олбанский»? Так называют современный интернет-новояз со всеми этими «жжот», «йаду мне, йаду», «аццкий сотона» и прочим. Так вот: язык Пушкина на тот момент был, в принципе, таким же олбанским для своего времени. Правильным же считался как раз Жуковский с его «гирляндами надзвездными». Подчёркиваю, именно «надзвездными» – ни в коем случае не «надзвёздными»!

А Пушкин даже написал однажды Вяземскому: «Жуковский меня бесит».

Чтобы стало понятнее, вот ещё пара-тройка примеров: «ВиденИе», ««МгновенИе», «вдохновенИе» – все эти неуклюжие формы тогда были нормой и последний слог сокращать нельзя было ни в коем разе: то бишь «томление» – правильно, а «томленье» – нет! А Пушкин взял – и поставил всё с ног на голову! В качестве иллюстрации представлю самое его известное «Я помню чудное мгновенье», которое знаменито не только потому, что его все помнят, но и потому, что является пушкинской пародией на стихотворение «бесящего» его Жуковского «Гений чистой красоты». Надо просто знать подоплёку: в пародийный текст Пушкин назо (в хорошем смысле) насажал слов «виденье», «мгновенье» и прочих. Даже «гений чистой красоты» там неспроста: это словосочетание было у Жуковского, и Пушкин, мало того, что размер для стиха взял тот же, ещё и «гения» туда вставил, потому что считал это выражение тоже бессмысленным и неправильным.

Впрочем, не надо думать, что мы пытаемся по нынешней моде оскандальиться и ведём себя, как папарацци. Нет! Тем более, что и скандала никакого не было: два поэта, напротив, вступили в шуточное состязание. Мало кто знает, например, что «Сказка о царе Салтане» – не что иное, как ответ Пушкина на «Спящую царевну» Жуковского. Поэты состязались как-то вечером, а Гоголь, наблюдавший за этим, вспоминал: «Сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей!»

Не только языком отметился Пушкин, конечно. Есть ещё такой термин – окказионализм (от лат. *occasionalis* – «случайный») – индивидуально-авторский неологизм, созданный поэтом или писателем согласно существующим в языке словообразовательным моделям. Используется исключительно в условиях данного контекста как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры. Так вот, Пушкин таких окказионализмов создал мало не триста штук! Самый известный – «кюхельбекерно», от фамилии друга Пушкина – Вильгельма Кюхельбекера. Что он значит, пересказывать не буду – почитайте сами, история довольно смешная. Моё «рюхинительно», кстати, обязано появлением на свет именно этому случаю.

В общем, думаю, что вышеперечисленного вполне достаточно, чтобы убедиться, что Пушкин – это действительно наше всё и солнце русской поэзии. И даже больше. Кстати, а почему «солнце»? Тоже пересказывать не буду: тут уж вы давайте сами. Иначе разучимся думать и тогда сакраментальных вопросов без ответа станет больше. А с «солнцем русской поэзии» этого допускать нельзя. Иначе совсем уж, извините, «рюхинительно» получится.

НАДЕЮСЬ, ЧТО МЫ ИЗМЕЛЬЧАЛИ

Роман «Щегол» Донны Тарт вышел довольно давно, в 2013-м, но собрал такую кучу премий и настолько прочно прописался в списках лучших книг всех времён и народов, что иные экзальтированные поклонники вознесли его чуть ли не на один пьедестал со всей мировой классикой. Волна всеобщего восторга подхватила и вашего покорного слугу. На днях я, наконец, одолел этот кирпич объёмом более восьмисот страниц и спешу напомнить: «Шантарам» Грегори Робертса тоже в своё время самым беспардонным образом уравнивали с романами Хэмингуэя, а потом оказалось, что за всеми восторгами крылось элементарное желание продать. Так что я бы не торопился возносить и превозносить.

Первое, что пришло мне в голову, когда меня попросили поделиться своим мнением о прочитанном, это фраза: «Роман для меня слишком

американский». Полный список недостатков «Щегла» гораздо длиннее (тут и излишняя затянутость, и обилие «воды»), однако именно «американскость» бросилась в глаза первой.

Собственно, ничего страшного в этом явлении, как таковом, нет. В конце концов, та же «Американская трагедия» тоже не какая-нибудь, а именно американская! Без американской литературы мир вообще был бы гораздо беднее. Тут вам и Стейнбек, и Джек Лондон, и О'Генри, да тот же старина Хэм, а из современных – совершенно жуткий, но гениальный (пусть и по-своему) Чак Паланик.

«Щегол» же американский иначе. Причём в двух аспектах. Первый: многие детали и подробности, упоминаемые автором, американскому читателю скажут несоизмеримо больше, чем, скажем, российскому. Частично это касается произведений искусства, хотя и не только. Но это ладно. Гораздо неприятнее второй аспект: по этой же причине персонажи романа предстают настолько сильными носителями американской картины мира, что лично я то и дело ощущал их просто чужими. Может, «американской» подходит тут не слишком и её можно назвать ещё чьей-нибудь, но я не могу подыскать ничего подходящего.

Сюжет, по традиции, пересказывать не буду. Начну сразу с первого аспекта «американскости». Итак: в одной из начальных сцен, когда герои идут по Нью-Йорку, автор делает серьёзную и удачную, надо сказать, попытку сделать город таким же полноценным персонажем произведения, как это проделывали, например, Александр Сергеевич, Николай Васильевич и Фёдор Михайлович с Санкт-Петербургом (кто побывал на филфаке – не даст соврать). Вот этот отрывок:

«Эта часть Парка – одно из немногих мест, где еще можно увидеть, каким этот город был в конце девятнадцатого века. Еще кое-где, в Грамерси и Виллидж. Когда я только приехала в Нью-Йорк, думала, что в этом районе все как будто слеплено из книжек Эдит Уортон, «Фрэнни и Зуи» и «Завтрака у Тиффани».

– «Фрэнни и Зуи» – это ж Вест-Сайд.

– Да, но я тогда была дура и этого не знала».

Лично для меня что Вест-Сайд, что Грамерси – названия абстрактные в самом страшном смысле этого слова, поскольку я, подобно Семёну Семёнычу из «Бриллиантовой руки», в Нью-Йорке не был и лекцию на тему «Нью-Йорк – город контрастов» в нашем домоуправлении прочесть бы тоже не смог. Подозреваю, что и большинство нальчанок, нахваливавших мне «Щегла» (увы, представителей сильного пола среди поклонников как-то не нашлось), тоже там не бывали. Так чем же я должен восторгаться, спрашивается? Понимаю: Нью-Йорк не виноват, что я в нём не был. Но сути дела это не меняет. А ведь таких эпизодов там немало.

Вот ещё один пример «американскости»: «Зимний свет нёс в себе зябкие ноты 1943 года, года нужды и лишений, слабого чая без сахара и сна на голодный желудок». Штука тут в том, что речь идёт об Амстердаме, а мне лично не слишком верится, что «нужда и лишения» – это про Амстердам в сорок третьем. Во всяком случае – не в государственных масштабах.

А вот моё «любимое»: «При Шайло за два дня погибло двадцать четыре тысячи человек, – вырвалось у меня.

Он с тревогой вскинул на меня глаза.

– А при Геттисберге пятьдесят тысяч. Всё из-за нового оружия. Из-за пуль Минье и магазинных винтовок. Поэтому такие огромные потери. Мы в Америке вели войну в окопах ещё до Первой мировой. Многие об этом вообще не знают».

Ну, во-первых, знают. А во-вторых, что в этом почётного, спрашивается? Я уж не говорю о том, что в битве при Шайло Север потерял убитыми 1754 человека, Юг – 1728. Прочие потери приходятся на раненых. Сразу хочется повторить вслед за Фаиной Раневской: «Меньше пафоса, господа!».

Ну, а в-третьих, по моему скромному мнению, сравнивать окопную (правильно говорить – позиционную) войну Севера и Юга в США и в Первую мировую в Европе с её газовыми атаками, первыми аэропланами, «подземной» войной в минных галереях и траншейными командами – как-то уж совсем по-детски. Достаточно вспомнить роман «На Западном фронте без перемен». Другое дело, если у нас кто-то из особо экзальтированных просто Ремарка не читал – тогда понятно! С ними, экзальтированными, такое бывает.

Кстати, о «Завтраке у Тиффани» и прочем. Тоже ведь «американскость» налицо! Да, спору нет, «Завтрак у Тиффани» – произведение крайне знаковое. Вот только проникнуться конфликтом главной героини, которая ходит по светским, как бы теперь сказали, тусовкам, в поисках успешного мужчины у меня не получается, хоть ты тресни! Вот у того же Ремарка, например, в «Искре жизни» про выживание в концлагере – другое дело! Первую же строчку прочитал (если кто забыл, то вот она: «Скелет номер 509 медленно приподнял голову и открыл глаза») и сразу понимаешь, у кого в жизни настоящие проблемы, а кто, извините, по тусовкам предпочитает. Не подумайте – я прекрасно понимаю проблематику «Завтрака у Тиффани»! Но искренне сопереживать никому там не могу, уж извините!

Или второе упоминаемое там же произведение – «Фрэнни и Зуи». Мимо пройти опять-таки не могу: диагноз «филфак» позволяет. Книга эта принадлежит перу ещё одного чересчур американского (по мне) автора – Джерома Сэллинджера и повествует о чём-то похожем на «сытый бунт», охвативший Штаты и Европу в конце 60-х. Главная героиня переживает

конфликт с окружающим миром, презирует людей, которые стремятся удовлетворить свои амбиции, жаждущих славы актёров, навязывающих студентам ошибочные способы постижения сути предмета профессоров. На этот внутренний конфликт накладывается потрясение от книги «Путь странника» – английского перевода книги неизвестного русского автора XIX века «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», который вообще приводит её чуть ли не к распаду личности. Её брат пытается объяснить состояние сестры и помочь ей справиться с ним почему-то с помощью каких-то восточных мистических учений.

Короче, мне в своё время не понравилось – опять-таки из-за непонимания мотивов героев.

Что должно сказать мне, читателю сугубо российскому, эти «Фрэнни и Зуи»? Зачем они здесь? Только из-за Вест-Сайда, получается?

И такого в «Щегле» много. Например, американская школа, принцип подбора предметов для изучения в которой я, наверное, не постигну никогда. Герой изучает какой-то курс по «истокам современного терроризма» (это в школе-то?), почему-то начиная с Фронта национального освобождения Алжира. Почему именно с него? И вообще – от чего они там отсчитывают этот самый «современный терроризм»?

Однажды в романе мелькает антикварный стул, на котором сидел какой-то генерал времён Гражданской войны. Я даже специально в сеть полез – ну да, был такой. Типичный, надо сказать, колонизатор. Чем я тут должен проникаться опять-таки?

А уж когда русский герой в романе объявится – вообще туши свет! Отец его, даром, что крутейший спец по шахтостроительству (иначе чего его бы в Лос-Анжелес нанимали?), естественно, пьёт водку, как не в себя. Причём всё время. Когда он при этом шахты строить умудряется – непонятно. Но этого Донне Тарт показалось мало: она ещё и сына его без бутылки водки в руке (в 14 лет!) на страницах романа предъявить не может. Во всех его воспоминаниях о Родине сквозит (кто б сомневался!) – холод и голод. Читает он, сами понимаете, Достоевского – других же писателей в России сроду не водилось.

Кто-то из критиков углядел в романе отсылки к Диккенсу, Прусту и тому же Достоевскому: мол, главный герой просыпается в гостинице от воспоминаний о матери, русский персонаж – это диккенсовский плут Джек Даукинс, а эпизод, когда главный герой отсиживается в амстердамской гостинице – это отсылка в Раскольникову после убийства. Не знаю, не знаю. Ну, может и есть тут перекличка с классиками – но зачем она?

В общем, скажу так: надеюсь, мы измельчали и попросту истосковались по «большим книгам», а потому вцепились в «Щегла» мёртвой хваткой. Пишу «мы», потому что очень не хочется думать, что это измелчание произошло с литературой.

СО СКОРОСТЬЮ СВЕТЫ

Книгу писателя Валерия Медведева я в возрасте от 12 до 14 мог взять с полки совершенно случайным образом и обнаружить себя стоящим там же, у полки, спустя час и пять-шесть прочитанных (даже «проглоченных») глав.

Сегодня, размышляя о книгах, нужных в школьном возрасте, я, пожалуй, сказал бы, что придумал в своё время что-то вроде «шкалы детско-подростковых авторов», на одном конце которой был другой популярный в советское время писатель Анатолий Алексин, на другом – Николай Носов. Или, точнее будет сказать, что эта шкала как-то сама «придумалась». Так вот: Медведев, автор знакомой когда-то каждому школьнику фразы «Баранкин, будь человеком!» из одноимённого мультфильма, помещался на этой шкале у меня в голове где-то между ними, немного поближе, пожалуй, к Алексину, поскольку персонажи были всё же повзрослее.

Чтобы было понятней: все они писали для детей и про детей, но вот, например, Алексин делал это как-то не очень по-детски. Во всяком случае, отважных пионеров, отправляющихся на поиски кладов или просто переживающих массу весёлых, хотя часто зубодробительных приключений, у него особо не водилось. Всё там вполне серьёзно, с некоторым даже трагизмом, хотя и происходит с теми же школьниками и в тех же, как сегодня бы сказали, локациях – почти как у Аркадия Гайдара, разве что гражданского долга поменьше и в людей не стреляют. У Носова – наоборот: всё весело и залихватски. Кто читал, тот помнит, что, например, «Приключения Толи Клюквина» или «Витю Малеева» Носова ну никак не сравнить с «Мой брат играет на кларнете» Алексина. В общем, Медведев помещался для меня всё же ближе к Алексину, чем к Носову, хоть и не слишком близко. Не знаю, стало ли кому-то что-то понятней после такого объяснения. Да это и не главное.

Всё же кое в чём произведения Медведева были чуток впереди: они лучше подходили для того, чтобы делать из них хорошие детские фильмы. Возможно, дело тут в юморе: все детские произведения не то чтобы обязаны, но всё же должны быть смешными. Как-то так повелось. Я лично не припомню других. У Медведева с этим полный порядок: достаточно почитать «Капитана Соври-голова». Если кто не помнит, то в названии автор обыгрывает сверхпопулярный в своё время у советских школьников приключенческий роман Луи Буссенара «Капитан Сорви-голова». Сегодня эта аналогия, пожалуй, не сработала бы по причине безнадёжного отказа от приключенческой литературы такого типа. В общем, если и сравнивать книги Медведева с кем-то из советских авторов для школьников, то ближе всех к ним на моей «шкале» будут, пожалуй, книги Юрия Сотника. Его «Как я был самостоятельным» или «Архимед»

Вовки Грушина» – ближе к медведевским «Непохожим близнецам» или тому же «Баранкин, будь человеком!». Ближе не сюжетно, а по внутреннему миру героя – школьника с «отрицательным обаянием» Тома Сойера или Хрюши из «Спокойной ночи, малыши!». Если кто не знает, то в «Как я был самостоятельным» Сотника герои собирались ставить в домоуправлении пьесу «Иванушка-дурачок» и для достоверности образа решили выпустить «Иванушку» на сцену на живом козле, поскольку игравший его малолетний актёр так «вжился» в роль, что не хотел ехать на фанерном, ворча: «Дохлаю ворону – и ту настоящую достали!» Козла они потихоньку позаимствовали у дяди одного из персонажей и не придумали ничего умнее, чем оставить его в квартире главного героя. Сами понимаете, что из этого вышло. Впрочем, про Сотника, как говорится, – во благовремение.

А ещё в этих книгах, помимо юмора, немало жизненной философии, причём настоящей: мало кто помнит, что детская жизнь полна проблем не меньших, чем взрослая. И об этом тоже надо говорить.

В общем, надеюсь, что из вышеизложенного понятно, – это ещё один повод поностальгировать и напомнить о хороших книгах, которые, как ни крути, были приметой эпохи и сами по себе являлись целой эпохой. И которые, как и эпоха, уже не вернуться. Впрочем, это уже другая история, а пока, по традиции, лучшее из «виновника торжества»: «В школе будь человеком! На улице будь человеком! Дома будь человеком! А отдыхать когда же?!». «4 июля сего года, – сочинялось в Женькиной голове, – скоропостижно скончались ботинки Евгения Семёнова (правый и левый). Они родились на обувной фабрике «Восход» и должны были прошагать по туристским тропам не один десяток километров, но глупая и преждевременная смерть вырвала их из наших рядов». «Хотя у вас и нет поперечно-полосатых мышц, вы смелый!». «Настоящий синяк, синий не от чернил, а совсем от другого. Это его ещё больше обрадовало». «Я настолько курнос, что через дырочки моего задранного кверху носа можно разглядеть, о чем я думаю». «Я из-за тебя уже столько истратил сил на то, чтобы ничего не делать, что уж лучше бы я всё это время что-нибудь делал!». «Новость о потрясающих победах новенького неслась по школе со скоростью Светы». «А на что способны эти девчонки? А только на то и способны, чтобы поднимать самый большой шум». «Люди обычно судят друг о друге по поступкам, а не по мотивам этих поступков, и это очень плохо. И очень неправильно». «Жаль, что у тебя кепки нет. Чтоб тебе её на лоб надвинуть!». «У человека настоящее выражение лица во сне. Я это заметил. Не во сне у него может быть не настоящее, а придуманное перед зеркалом, как маска клоуна, а во сне человек себя не контролирует, вот у мамы, когда она спит, лицо доброе-предоброе, а в жизни жестокое, даже злое, у папы днём весёлое, а когда заснет – как у великого мученика. У Наташи, у неё всегда хорошее лицо – и во

сне, и наяву». «Я первый раз в жизни подумал почему-то, что слово «супруги» происходит, наверно, от слова «суп». А «руг»... а «руг» – это руготня. Суп... и руготня». «Попугая мне простить не можешь! Роялист проклятый! Подожди, я его еще научу приёмам самбо, он весь ваш дом расшвыряет!». «Чемпион в весе ни пуха ни пера». «Юность дает вам массу времени на поступки, а старость – на их обдумывание».

ИНСТАСАМКИ И ИНСТАСАМЦЫ

Закон о запрете англицизмов, вступивший в силу 1 марта, – вроде дело благое, а для некоторых – даже долгожданное. Я вот, например, тоже терпеть не могу бесконечных «кейсов», «опенов», «шопов», «вейбов», «блёрбов» (этих – особенно!), «скиллов» и «сейлов». Да вот только смутные сомнения терзают – разруха, она, как известно, в головах, а не в «шобах».

И вообще – все эти «опены» и «сейлы» запросто могут никуда, по большому счёту, не деться. Просто они по новому закону должны будут дублироваться на русском. А вот с прочим (тем, что не на вывесках) разбираться не будут. Потому и терзает меня, как Буншу из «Ивана Васильевича»: «У Шпака магнитофон, у посла – медальон!».

Объясняю: бесконечные вывески на латинице – уж точно не причина повсеместного англоповетрия. Просто-напросто у торгашей дело поставлено по принципу: «Лишь бы не по-русски!». Там ведь, «у них», всё лучше, это вы тут, совки примитивные, сиволапые, лаптем щи хлебаете!

И повелось так давным-давно. Помню, как ведущая какой-то популярной в постперестроечные времена кулинарной телепередачи сплошь с авокадо носились да с моцареллой, при том, что авокадо большинство наших граждан тогда в глаза не видели. Назвать сыр по-старому – «брынзой» – для таких было всё равно что выругаться. Такое ощущение иногда было, что они исключительно из-за красивого названия его везде суют. Даже лишний раз произнести не ленились из-за этой «красивости». Вышло всё в итоге, как в песне Тимура Шаова: «Щи да каша? Фу! Мэйд ин Раша! Лобстер, спаржа – вот еда! А деньги ваши – будут наши! Это бизнес, господа!».

Только выяснилось это уже потом, когда было поздно. Хотя и тогда чуяли, чем дело кончится. В воздухе носилось. Не зря когда-то предупреждали популярные в своё время куплетисты Вашуков и Бандурин: «Магазин открыли – «Шоп!» – прямо как в Европе! Чтob российский человек оказался в шопе».

Я что хочу сказать: вывески – всего лишь следствие. Причина – гораздо глубже.

Это и есть главная закавыка, товарищи! И это прискорбно! Потому

как опыт показывает: если бороться не с идеей, а с её порождением – толку не будет. А идея, похоже, уже стала неубиваемой.

Опять объясняю: что вы хотите, если ни одно публичное лицо уже лет десять, как не может обойтись без вышеперечисленных «кейсов» и тех самых особо ненавистных «блёрбов»? Если кто не знает, кстати, блёрб – это короткое авторитетное мнение, которое выносят на обложку книги (блёрб Стивена Кинга, например). По мне – словечко более чем идиотское, но кто меня спрашивает?

Сами вспомните: кого ни послушай – одни «челленджи», «коворкинги», «тимбилдинги», «интенсивы» да «ивенты». Даже специальный «ивент-менеджер» появился (лично я долго не мог понять, чем и обычный-то занимается). Они-то что, тоже в одночасье начнут свои перлы на русском дублировать? Или сразу откажутся от них? Последнее – сказано чисто из педантизма, ведь понятно, что это невозможно.

И ладно бы, если лицо просто этих слов нахваталось и ему есть куда отползать. А если оно выросло уже с этой, как теперь говорят, «прошивкой»? Этих-то куда денешь? А ведь таких – целое поколение, и даже не одно! Инстасамок (не певиц, а пользовательниц) и инстасамцов (я – за равноправие) уже не просто много: они уже давным-давно являются теми, кто играет в формировании нашего культурного кода первую скрипку. Так что как бы тут не выйти нам в ходе следствия на самих себя!

Впрочем, обо всём этом писано уже много, в том числе и вашим покорным слугой.

Ответ нашёлся, как ни смешно, всё там же, «у них». Лично меня, кстати, это лишний раз убеждает, что наши «любители прогресса» всего лишь, как сороки, в своё время похватали самое блестящее и мишуры этой с них оказалось достаточно. А может, они и не прогресса вовсе хотели!

Так вот: по данным сайта gramota.ru во Франции, например, ещё в 1994 году был принят закон о защите культуры, а песни на французском должны были занимать не менее 40% эстрадно-музыкальных передач (и это было не пожелание, заметьте!). Может, именно поэтому во Франции и с английским обстоит не так, как в прочей Европе. Не владеющий французским ваш покорный слуга, к примеру, в парижском метро и парижском же Диснейленде с английским, вполне выручавшем в Бельгии и Нидерландах, долго не продержался.

Вывод: не надо доводить дело до того, чтобы приходилось что-то напрямую запрещать! Может оказаться просто поздно! Надо с самого начала делать так, чтобы человеку в голову не могло прийти сказать что-то вроде: «Хардово факапнулся перед тиммейтами уже на лонче». Ну, а нам, подобно Доценту из «Джентльменов удачи», не приходилось говорить: «А теперь скажи эту фразу нормальным, человеческим языком!». Да только реально ли это? Не знаю, не знаю. Такой вот мой вам... чуть не сказал «блёрб».

«БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ»

Сегодняшнего «виновника торжества» – писателя Вениамина Каверина, я поставил в ряды главных подростково-детских писателей наряду с Алексиным, Медведевым, Носовым и тем же Гайдаром, хотя фактически Каверин написал только одну подростковую книгу. В своё оправдание тоже могу сказать только одно: «Да, одну! Но зато какую!» Речь, понятное дело, о «Двух капитанах», которые легли в основу печально известного мюзикла «Норд-Ост».

Как писали Стругацкие: «И нечего тут скалить зубы, ребята!». Цитирую на случай, если кто затеет клеймить всё советское, не отличая одно от другого. Советская эпоха подарила нам величайшие литературные творения, которые из мировой культуры не выкинешь, как слова из хорошей песни. Песни, кстати, тоже подарила, причём именно такие – из которых не выкинешь, чего не скажешь о современных.

Подростковые книги – что хорошо! – бывают разные. Бывают, как у Юрия Сотника или Валерия Медведева – сильные и одновременно лёгкие. В них мальчишки и девчонки влипают в серьёзные, порой и слегка опасные приключения, больше интересные, нежели чисто жизненные, что, впрочем, не делает основные посылы книг слабее, а сами книги – хуже.

Бывают, как у Анатолия Алексина: когда мальчишки и девчонки помещаются в обстоятельства вполне реальные, но не те, что делают жизнь увлекательней и привлекательней, а скорее наоборот – являются первым, как теперь сказали бы, стресс-тестом.

А бывает, как у Анатолия Рыбакова, когда герои живут и действуют в историческом переломе. Там тоже есть, о чём писать, в том числе и для подростково-детской аудитории. Тогда на свет и появляется подобное трилогии «Кортик», «Бронзовая птица» и «Выстрел» (экранизированный под красноречивым названием «Последнее лето детства»), да и в книжном варианте совсем не похожий по тональности на двух лихих предшественников, читая которые, забываешь, что через двадцать лет героям дорога одна – под немецкие танки.

А бывает и совсем жёсткий вариант, как у Гайдара или Катаева, где дети берут в руки оружие и стреляют в людей. Про гайдаровскую «Судьбу барабанщика» автор сам и сказал: «Это книга не о войне, но о делах суровых и опасных не менее, чем сама война». Да и в какой детской книжке вы встретили бы такой, например, эпизод: «Тогда я выстрелил раз, другой, третий... Старик Яков вдруг остановился и неловко попятился. Но где мне было состязаться с другим матерым волком, опасным и беспощадным снайпером! И в следующее же мгновение пуля, выпущенная тем, кого я ещё так недавно звал

дядей, крепко заткнула мне горло. Но, даже падая, я не переставал слышать всё тот же звук, чистый и ясный, который не смогли заглушить ни внезапно загремевшие по саду выстрелы, ни тяжёлый удар разорвавшейся неподалёку бомбы».

Так вот: Каверин – он как раз из последних, то есть тех, у кого детям тоже достаётся такое, что не каждый взрослый выдержит.

Сюжет «Двух капитанов» пересказывать не буду. Скажу лишь, что там есть всё, за что подросток ценит книги: совершенно зубдробительные повороты и опаснейшие приключения. Однако при этом добавлю одну малозаметную и редко обсуждаемую, но важнейшую особенность: «Два капитана», в отличие от большинства подростковых книг – никакая не повесть, а самый настоящий роман, то есть жанр применительно к советским подросткам используемый не слишком часто. За подростковыми романами надо было обращаться к авторам зарубежным – Жюль Верну, Луи Буссенару и Майну Риду.

А «Два капитана» – именно роман, да не просто роман, а роман-полотно – не совсем, конечно, «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера, но всё равно – почти что сага, охватывающая добрые полжизни героя, а не одно из пережитых им приключений. Впрочем, время было такое, что вся жизнь была одним непрекращающимся приключением, а часто – и злостью. Если кто не помнит, то в начале «Двух капитанов» главный герой Саня Григорьев – потенциальный беспризорник с проблемами с речью, а в конце – выкованный эпохой беспощадный боец, про которых писали «гвозди бы делать из этих людей». И всё это время – не перестающий ломать голову над судьбой шхуны «Святая Мария» и всей экспедиции капитана Татаринова, хотя забот в жизни военного лётчика в те годы и без «Святой Марии» хватало с головой.

Так вот, упомянутая мною особенность – в том, что подросток этот роман-полотно вполне потянул и никакой объём и масштаб его не остановили.

Тут я позволю себе немного символизма. Девиз романа – строка из стихотворения «Улисс» английского поэта Альфреда Теннисона: «To strive, to seek, to find, and not to yield». По-русски – «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Ими роман завершается и, если память мне не изменяет, именно они высечены на могиле найденного Григорьевым капитана «Святой Марии». Так вот – подросток, читающий этот и в самом деле длинный-предлинный роман-сагу, должен этим девизом руководствоваться по-настоящему, иначе просто не дочитает. А ведь книга того стоит.

Напоследок, по традиции, всё лучшее из «виновника торжества»: «Небо меня не подведет. Вот за землю я не ручаюсь». «Маленький прыжок легче сделать, чем большой. Однако, желая перепрыгнуть широкую канаву, мы не начнем с того, что половинным прыжком

прыгнем на ее дно». «Говорят, что стареют, когда этого хотят. Не- правда! Когда этого не хотят – еще больше стареют». «Я боюсь, что Ваша деликатность держит в плену Вашу искренность». «Больше Валя не дарил цветов, – очевидно, у него не было денег, – но зато однажды принес белую крысу и очень огорчился, когда Кира заора- ла и вскочила на стол. Он долго объяснял ей, что это прекрасный экземпляр – крыса-альбинос, редкая штука!». «Ты воображаешь лучше, чем соображаешь». «Вы, конечно, хотите сына? – Ох, хоть лягушку, только бы всё кончилось поскорее!». «Никогда не следует одному бродить по тем местам, где вы были вдвоем». «Ты думаешь, я сошел с ума? Нет, просто надоели эти скоты, которые мешают жить и работать! Надоели карьеристы, доносчики, лицемеры! И знаешь, кто виноват в том, что они командуют нами? Мы! Мы слишком веж- ливы, мы обходим скользкие места, мы боимся говорить правду». «Иногда мне кажется, я не могу жить, потому что мне слишком хочется жить». «Иногда даже хочется сказать правду, я попробо- вала, но перестала, заметив, что ее-то и принимают за ложь». «Он истратил слишком много сил, чтобы избежать смерти, и на жизнь уже не осталось».

НАРЯД ДЛЯ ГОРЯНКИ

Народное искусство балкарского народа стало предметом изучения лишь в советские годы. Немногочисленные дореволюционные путевые заметки русских и иностранных путешественников и исследователей дают о нем весьма ограниченное представление. Обычно это простое упоминание о постройках или предметах быта горцев, в лучшем случае, краткое описание их внешнего вида, нередко изобилующее ошибками.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции балкарский народ получил письменность, что дало ему возможность приобщиться к богатствам родной культуры, глубже изучить свою историю. Систематическое же изучение самобытного и богатейшего народного декоративно-прикладного искусства северокавказских этносов началось в послевоенное время. Появляется ряд специальных исследований, посвященных изучению культуры кабардино-балкарского народа.

Первым из уроженцев нашего края к изучению декоративно-прикладного искусства балкарцев и кабардинцев обратился Г. Х. Мамбетов. В своей книге «Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX-60-е годы XX века)» он отводит значительное место крестьянским промыслам, рассматривая их в этнографическом аспекте. Автор справедливо указывает на ярко выраженный национальный характер предметов декоративно-прикладного искусства, выясняет их своеобразные черты. Развитие прикладного искусства рассматривается им на широком историческом фоне. Автор – этнограф, потому в первую очередь фиксирует отличия костюмов по социальной принадлежности. Им убедительно прослеживается эволюция отдельных деталей женского костюма, как-то: нагрудника, корсета, шапочек. Труды Г. Мамбетова легли в основу нашей научной работы и стали общим фоном для искусствоведческого исследования.

Большой интерес вызывает также монография И. М. Отарова «Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка», в которой четко определена профессиональная терминология, связанная с балкарской одеждой. Она явилась результатом историко-лингвистической экспедиции ученого по Балкарии и Карачаю. В своем труде автор выясняет назначение деталей костюма, взаимосвязь балкарских названий одежды с названиями, принятыми у других тюркских на-

родов. Словарь, составленный И. М. Отаровым, охватывает около ста терминов, связанных с одеждой. Среди них много расшифровок этнографических диалектизмов, что значительно облегчает работу исследователей народного костюма.

Особое значение имеют несколько публикаций по декоративно-прикладному кабардинцев и балкарцев научного сотрудника Института этнографии народов СССР Е. Н. Студенецкой, посвященных изучению различных промыслов, бытовавших у аборигенов Северного Кавказа. Центральное место среди них занимают исследования по истории кабардино-балкарского национального костюма. Автор впервые выделяет локальные особенности одежды северокавказских народов, рассматривая их покрой, декоративную отделку. Эти работы значительно расширили границы изучения национальной одежды в области технологии ее пошива и декорирования.

Опубликовано также несколько статей, затрагивающих искусствоведческие проблемы декоративно-прикладного искусства балкарцев, а именно посвященные балкарскому орнаменту. В статье «Балкарский народный орнамент» А. Я. Кузнецова рассматривает откристаллизовавшиеся на протяжении веков разновидности орнамента на войлочных коврах – кийизах, излагает свои суждения по поводу происхождения узоров орнамента и пытается отделить местные элементы от привнесенных, выяснить связь художественной культуры Балкарии и Карачая с искусством других тюркских народов. Те же проблемы рассматриваются и в статье А. Я. Кузнецовой «На земле Балкарии и Карачая», где, кроме того, есть попытка расшифровать символику названий узоров и орнаментов. Правда, сама работа не доведена до конца. Орнамент изучается искусствоведом на материале войлочных ковров, которые, пожалуй, в наиболее полном виде донесли до нас все разнообразие балкарского орнамента. Как считает автор этих статей, орнаментика, технические приёмы декорирования, цветовая гамма, терминология узоров, их символика являются концентрированным отражением чрезвычайно сложной этнической истории балкарского народа. Некоторые результаты этих исследований применимы также при изучении одежды, орнамент которой представляет различные вариации коврового. Общим недостатком этих исследований является то, что в них нет попытки создать классификацию предметов декоративно-прикладного искусства.

Неоценимую помощь в деле изучения декоративно-прикладного искусства балкарцев оказывают «Записки о Черкесии» адыгского просветителя XIX века Хан-Гирея, где он уделяет много внимания одежде, выясняя ее связь с укладом и обычаями горцев, а также указывает на ее изменения в связи с разрушением родовых отношений и все большей феодализацией Кабарды и Балкарии.

К сожалению, нет ни одного специального искусствоведческого исследования по истории балкарского национального костюма, как нет и альбома, где были бы представлены образцы декоративно-прикладного искусства балкарцев. Трудность работы состоит также в том, что не сохранились образцы одежды, бытовавшей до XIX века, не все сохранившиеся костюмы строго датированы и, наконец, нет четких разграничений между балкарскими и кабардинскими костюмами, что усложняет их атрибуцию.

Материальной базой для нашего исследования послужили образцы одежды, находящиеся в фондах Кабардино-Балкарского республиканского музея изобразительных искусств и Краеведческого музея Кабардино-Балкарии, а также костюмы, находящиеся в частных коллекциях, и в значительной степени материальные памятники, изученные в экспедициях самим автором.

Женский балкарский костюм формировался на протяжении веков под влиянием различных факторов. Он всегда очаровывал богатством и ритмами орнаментов, фактурой и красками изделий, умелым сочетанием разных узоров и техник. Потому возникает необходимость в разного рода экскурсах. Так, давно назрела необходимость искусствоведческого исследования балкарской одежды, дающей большой и интересный материал для понимания духовной культуры балкарского народа.

Подобного рода исследование может послужить теоретической базой для работников кино и театров, участников художественной самодеятельности, промышленного производства и будет ответом на постановление ЦК КПСС 1975 г. «О народных художественных промыслах», в котором партия выражает заботу о дальнейшем развитии художественных промыслов народов нашей многонациональной страны.

В своей работе мы в основном сосредоточим внимание на праздничном наряде балкарки, хотя отчасти коснёмся и повседневной одежды. Мы будем стремиться выявить ее характерные особенности в зависимости от социального положения ее владелиц, рассмотрим функциональную сторону костюма, его декорирование, общую композицию деталей и украшений, покрой, цветовую гамму, то есть одежда будет изучаться как художественное явление.

Мы не будем ограничиваться лишь описанием костюма, как обычно это делают этнографы и в большинстве случаев и искусствоведы, а рассмотрим его в эстетическом аспекте, то есть постараемся выявить также его художественно-выразительные особенности. Нами будет сделана попытка выяснить происхождение и эволюцию отдельных деталей костюма, проследить которую не успели другие исследователи. Одной из задач, которую поставил перед со-

бой автор, является попытка классифицировать предметы женской одежды. Работа состоит из двух глав, введения и заключения. В конце работы дан список литературы и примечания. Научная работа проиллюстрирована фотографиями образцов женского балкарского костюма и его украшений.

Глава I «Об особенностях прикладного искусства балкарцев» посвящена рассмотрению следующих вопросов: развитие народного искусства и народных художественных промыслов Балкарии в историческом аспекте, а также на современном этапе.

Главное содержание темы рассматривается в главе II «Художественные особенности балкарского костюма», в которой исследуются следующие вопросы: функциональное назначение костюма, его зависимость от уклада жизни и обычаев горцев, климатических условий, костюм в целом и его отдельные детали, как-то: подвесные рукава, головные уборы, обувь, ювелирные изделия. Выясняются также общие черты и различия в одежде балкарцев, кабардинцев и осетин как в традиционном, так и в современном костюме. Заключение посвящено роли народного декоративно-прикладного искусства в наши дни, проблемам его сохранения и дальнейшего развития.

Глава 1. Об особенностях прикладного искусства балкарцев

Первые поселения предков балкарцев на Северном Кавказе появились в V-VII веках. Это были поселения племен волжских булгар, кочевавших ранее по территории Восточной Европы и в этот период осевших на территории Балкарии. Начиная с V века, балкарцы перешли к оседлому образу жизни. Мужчины пасли скот и обрабатывали землю, женщины ухаживали за скотом, вели домашнее хозяйство, воспитывали детей, занимались прядением шерсти и вязанием. При слабом развитии экономики Балкарии основные средства и предметы производства, необходимые в быту, изготавливались членами семьи. На долю мужчин приходилась выделка шкур, изготовление конской сбруи и различной утвари, занятие кузнечным ремеслом и обработкой металла. Женщины валяли кошмы (кийизы), шили одежду и обувь, вили веревки из шерсти. Но были и специальные мастера: прославленные столяры, плотники и кузнецы, портные и сапожники, скорняки, мастера-оружейники, серебряники, вышивальщицы, которые выполняли работу по заказу. Заказные вещи были дорогими, высокохудожественными и использовались в торжественных случаях.

Прикладное искусство балкарцев – существенная часть народного творчества. Господствующая у них религия – ислам – запрещал изображение всего живого, потому традиций изобразительного искусства у них не было. Талант этноса наиболее ярко проявил себя в

декоративно-прикладном искусстве наряду с музыкой, хореографией и устно-поэтическим творчеством. Балкарское декоративно-прикладное искусство развивалось на протяжении столетий и имело замечательные достижения в таких видах промыслов, как резьба по дереву и камню, плетение корзин и плетней, валяние кошм, бумажное дело, изготовление сукон, тиснение по коже, шитьё одежды, вышивание, вязание. Тысячи умельцев шлифовали формы изделий и довели до совершенства технологию их изготовления. Не удивительно, что именно в предметах народного искусства мы на каждом шагу встречаем шедевры, тогда как в профессиональном искусстве они редки. Это связано с тем, что народный мастер не пытается изменить традиции своего ремесла, и его произведение тем ценнее, чем ближе оно по духу изделиям того же рода. В профессиональном же искусстве высшие достижения, как правило, связаны с ломкой традиций.

Предметы, которые дошли до наших дней, свидетельствуют об огромном техническом и художественном мастерстве умельцев, создававших кийизы с чудесными орнаментами, прекрасные резные инкрустированные изделия из дерева, красивую и своеобразную одежду и обувь, образцы золотного шитья, ювелирные изделия и другие украшения.

Произведения народных умельцев всегда привлекают внимание своей красотой, одухотворённостью и праздничностью. Они предстают в своей изначальной простоте и естественности. Есть вещи обычные, но сделанные мудро и незаменимые в быту, есть вещи по-настоящему праздничные, поистине драгоценные. Поэтический мир этих изделий рождён реалиями конкретной действительности, преобразёнными в символы. Поскольку язык декоративного искусства метафорический, то образная подача осуществляется посредством символов, метафор, ассоциаций.

Произведения балкарских народных мастеров всегда очаровывают богатством и ритмом орнаментов, фактурой и красками, умелым сочетанием узоров и техник. Изделия народных умельцев, которые пощадило время, принадлежат в основном XVI – XX вв. – времени становления и развития феодализма в Балкарии, когда она становится одним из центров ремесел и торговли. В этот период она поддерживает экономические, культурные и политические связи со всеми горными областями Кавказа, что способствует расцвету различных видов промыслов. Из рук искусных мастеров выходят великолепные изделия, зодчие возводят оригинальные башенные, мемориальные и фортификационные сооружения. Но с конца XIX века некоторые промыслы, прежде всего, ювелирное искусство, начинают угасать, не выдержав конкуренции с более изящными изделиями дагестан-

ских и грузинских мастеров, а также с фабричной продукцией. Всё свидетельствует об упадке, который в значительной степени порожден потерей Балкарией политического и экономического значения. Однако меньше всего это коснулось одежды. На наш взгляд, здесь даже можно говорить о некотором взлёте в этом виде искусства, что, несомненно, связано с улучшением техники изготовления одежды и качества тканей, идущих на её шитьё. Благотворное влияние на развитие горской моды оказали также и европейские образцы одежды.

Глава 2. Художественные особенности женского балкарского костюма

Отличительной чертой мужского кавказского костюма является то, что он «красотою и удобностью превосходит все одеяния и в Азии, и в Европе». С этим мнением адыгского просветителя начала XIX века Хан-Гирея трудно не согласиться. Мужской кавказский костюм пользовался в свое время огромной популярностью не только у горцев. Он почти без изменения был заимствован терскими и кубанскими казаками. В эту одежду облачались и при дворе российского императора. И сейчас на Ближнем Востоке охрана монарших особ одета в традиционный кавказский костюм.

О женской одежде Хан-Гирей держится иного мнения: «К счастью и удовольствию черкес сама природа сотворила черкешенок прекрасными... Что же касается до одежды черкесских женщин, то она несовместна с их красотою и не стоит в половину прекрасной одежды мужчин». В этих словах Хан-Гирея есть некоторая доля правды. Мужской костюм, как праздничный, так и повседневный более целесообразен и удобен по сравнению с праздничной одеждой горянок, но если говорить о чисто декоративных качествах, то убранство женского наряда богаче и красочней. В частности, одежда балкарок великолепно соответствовала укладу жизни горцев, их обычаям и этикету, была приспособлена к климатическим условиям Кавказа.

Природа одарила горских женщин не только красотой и грацией, а также талантом делать себя еще привлекательнее: научила шить красивую одежду и с достоинством ее носить. Долгими вечерами девушки готовили свои наряды, чтобы показаться в них в обществе. В старину горцы жили обособленно друг от друга, и девушкам редко удавалось выйти за ворота своего дома. Только в праздники имели они возможность встретиться с избранниками своего сердца. Если пожилых людей привлекали пиршество с обильной едой и питьем, возможность блеснуть мудростью кавказского тоста, спеть красивые народные песни, то молодых интересовали в основном танцы, в которых джигитам можно было продемонстрировать свою стре-

мительность и удаль, а девушкам легкость и изящество. Но и здесь лишь легкое пожатие руки в массовом танце «абезек» было самым большим проявлением пылкой любви юноши. Жестким был «закон» гор, требовавший от горянки умения сдерживать свои чувства. Этому способствовала и праздничная одежда, которая сильно стесняла движения, заставляя держаться прямо, так, чтобы тело оставалось совершенно неподвижным. Красота телодвижений женщин иных народностей у горянки полностью компенсировалась изящными, грациозными жестами рук и поворотами головы, сдержанной манерой речи, а скорее умением молчать, ибо глаза и руки в обществе были красноречивее слов.

Праздничный костюм тонко соответствовал горскому этикету, был превосходно подчинен своеобразию национального танца, требовавшего исключительной плавности движений, когда женщина плыла как лебедь. Удивительная поэзия присутствовала во всех линиях платья, способствуя стройности и величественности фигуры. Сшитые из драгоценных тканей: шелка, парчи, бархата, украшенные золотым шитьем, они делали женщин еще краше. Их одежда великолепно соответствовала укладу жизни горцев, их обычаям, была приспособлена к климатическим условиям Кавказа, вообще выполняла утилитарные функции, как реальные, так и иллюзорные.

Эстетические представления балкарцев были тесно переплетены с религией и обычаями, потому первоначально декорированию одежды придавалось практическое значение оберега, то есть мыслилось как священный магический знак. Именно одежда имела особенно важное значение в социальном и культовом отношении, в ней нашли четкое отражение также возрастные особенности их владельцев. Костюм женщин высших сословий – княгинь и дворянок – был иным, чем наряд крестьянки. Имея общий покрой, они различались украшениями и отдельными деталями одежды, как-то: подвесными рукавами или нарукавниками, головными уборами и обувью, металлическими украшениями и, естественно, по ценности тканей, идущих на шитье одежды, и материалов отделки.

Нарядная одежда горянок состояла из рубашки, платья с расходящимися полами, подвесных рукавов, кафтанчика с серебряными застежками и обязательно украшалась серебряным с позолотой поясом. Главной частью женского наряда было платье, которое украшали серебряные застежки и позолоченный пояс. Ворот платья, рукава и полы отделялись вышивкой золотыми нитями вприкреп, тесьмой и галуном, отчего одежда приобретала праздничный, нарядный вид.

Костюм крестьянки шился из дешевых тканей и так же просто был украшен. Здесь главной задачей швеи было выдвинуть на первый план красоту пропорций, линий и форм фигуры, скрыть незна-

чительные дефекты телосложения и подчеркнуть в первую очередь стройность – важный признак красоты горянки. В крестьянской одежде выразилось демократическое понимание женской красоты.

Главный смысл одежды аристократки – в возвеличивании ее как представительницы социальной верхушки. Это подчеркивалось богатством убранства, отличавшегося особой пышностью и нередко перегруженного декором, и специальной высокой деревянной обувью, надеваемой поверх чуяк для увеличения роста и выявления стройности фигуры.

Повседневная одежда особой художественной ценности не представляла и потому не сохранилась. По покрою она близка нарядному платью, однако более свободная, не стесняющая движений и короче, так как длинная одежда была бы крайне неудобна в работе. Вообще одежда горянок свидетельствует о тонком понимании утилитарного назначения вещи, о ее целесообразности при работе, для танцев и так далее.

Корсет. Для выработки стройной талии девочки и девушки до замужества носили тесные, скрывавшие грудь корсеты. Как это ни кажется сегодня странным, но «идеалом женской красоты на Северном Кавказе считались тонкая талия и плоская грудь». Корсет свидетельствовал о невинности девушки и снимался только в первую брачную ночь. Таким образом, этические представления горцев о девственной непорочности материализовались в корсете.

Для представительниц высших сословий шили корсеты обычно из красного сафьяна и украшали их золотым и серебряным шитьем, простые же балкарки довольствовались корсетами из желтой мешины. Короткий, до пояса, корсет всегда был очень тесен, спереди он туго зашнуровывался шелковым шнуром. По обеим сторонам от шнуровки, а иногда и на спине вставлялись две узкие дощечки. В начале XX века корсет стали заменять тугим лифом из материи, а в советское время ношение корсета оказалось под запретом, как вредящее здоровью.

Нижняя рубашка. Поверх корсета надевали нижнюю рубашку. Она была прямого покроя до пола с широкими, длинными цельнокроеными рукавами, иногда закрывавшими кисти рук. Женская рубашка имела на груди разрез до талии и небольшой стоячий воротничок, застегивавшийся на пуговицу. Рубашки шили из хлопчатобумажной или шелковой ткани, часто звучно окрашенной. Воротник, передний разрез и часть рукава выглядывали из-под пол платья и потому декорировались вышивкой или другой отделкой. Часто нарядной вышивкой украшали и подол рубашки, который был виден, когда расходились полы платья.

Если платье шилось для немолодой женщины, его украшение

было чрезвычайно скромным. Пожилые женщины носили очень скромные рубашки, обычно сдержанных тонов и не имели украшений за исключением серебряной с чернью пуговицы и тесемочной обшивки вокруг подола и рукавов. Для женщин старшего возраста, особенно из состоятельных семей, шили рубашки из однотонной шелковой ткани, а для девушек – из цветной, нередко темно-красного, синего и коричневого цветов.

Кафтанчик. Поверх рубашки балкарки надевали кафтанчик, который шили из нарядной и дорогой ткани – тяжелого шелка, бархата, фабричного сукна, атласа, в крестьянских семьях – из сатина. Кафтанчик плотно облегал стан, ниже пояса он плавно расширялся. В треугольном вырезе платья был виден кусок ткани или сафьяна, на котором укреплялись серебряные или золотые застёжки продолговатой формы либо в виде рогообразных завитков. Полы, ворот, подол и швы подчеркивались галуном, то есть таким образом выявлялась конструкция кафтанчика. Рукава были длинные, узкие. В конце XIX – начале XX веков кафтанчик балкарок трансформировался, распавшись на нагрудник с серебряными застёжками и стоячим воротником и поясные подвески...

В номере:

Тамара Биттирова. Вижу солнце. <i>Статья</i>	4
Ахмат Созаев. <i>Стихи</i>	14
Зураб Бемурзов. Мужской дом. <i>Гл. из романа</i>	23
«Литературный перекресток». Слово к СВОим. <i>Стихи и проза участников литературного объединения г. Прохладного</i>	39
Сараби Мафедзев. Конокрад. <i>Гл. из повести (перевод Л. Шардановой)</i>	54
Борис Утижнев. Терзания сердца. <i>Рассказ (перевод З. Лукожевой)</i>	91
Залина Шомахова. Сова. <i>Сказка-быль (перевод С. Сиховой)</i>	97
Мурадин Ольмезов. Птичья звезда. <i>Стихи</i>	116
Диана Купова. А что дальше? Как я поверил в Бога. <i>Рассказы</i>	128
Валерий Цариев. <i>Стихи</i>	135
Залина Басиева. <i>Стихи</i>	143
Борис Зумакулов. Славный сын Кавказа. <i>Очерк</i>	148
Фатима Тазова. Наше достояние... <i>Очерк</i>	153
Зера Бакова. Поэт и гражданин. <i>Статья</i>	162
Асхат Мечиев. Наше все, и ваше тоже. Надеюсь, что мы измелъчали... <i>Эссе</i>	169
Жаухар Анпаева. Наряд для горянки. <i>Статья</i>	182

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 28.04.2026. Подписано к печати 05.06.2026.
Выход в свет 24.06.2026. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 700 экз. Заказ №1210. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 106,02 руб., за 6 мес. – 318,06 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-25-81,

редакторы – 42-75-22,

сайт: smikbr.ru/lkb,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

11.05.2026 г. В Нальчике торжественно открыли мемориальную доску в честь народного писателя Кабардино-Балкарии, поэта, прозаика и переводчика Корана на кабардинский язык Кашифа Мисостовича Эльгарова. На мероприятии собрались представители органов власти, творческой интеллигенции, коллеги, а также его родные и друзья.

21.05.2026 г. Нальчик. День памяти адыгов (черкесов)

